

ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2021

№1(34)

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2021, № 1 (34)

JOURNAL INCLUDED IN

The list of Russian reviewed scientific journals in which should be published the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science,
Database (European Database) of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS)

Founder

**FSBIS Federal Research Centre “The Yakut Scientific Centre
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (FRC YaSC SB RAS)**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Golomareva Iu.Iu.*, executive secretary (IHRISN SB RAS); *Antonov Ye.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History, (ILS RAS, St. Petersburg); *Vasilieva N.M.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyshcheva L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Illarionov V.V.*, Doctor in Philology, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.*, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.*, Doctor in History (M.K. Ammosov NEFU); *Sivtseva-Maksimova P.V.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Khazankovich U.G.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2021, № 1 (34)

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В

Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук,
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
базу данных (БД) Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS)

Учредитель:

**ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Голомарева Ю.Ю.*, отв. секретарь (ИГИИПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурыйкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Васильева Н.М.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Илларионов В.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИИПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.*, д. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Сивцева-Максимова П.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Хазанкович Ю.Г.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Academician of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Academician of RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *A.A. Petrov*

Editors: *N.Yu. Pechetova*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *А.А. Петров*

Редактор: *Н.Ю. Печетова*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

<i>Сем Т.Ю., Окладникова Е.А.</i> Миф о «трёх солнцах»: семантика и визуальная репрезентация в монументальном искусстве Древней Евразии	8
<i>Ягловский А.С.</i> Археологические памятники Нижнеколымского района	17
<i>Васильев А.Д.</i> Первый областной начальник Якутии И.Г. Кардашевский (1805–1816 гг.)	28
<i>Сирина А.А.</i> Эвенкийка Павла Васильевна Афанасьева в научной жизни С.М. Широкогорова и Г.М. Василевич	36

Языкознание

<i>Дырхеева Г.А.</i> Бурятский язык: современное состояние, проблемы и перспективы	44
<i>Селютина И.Я.</i> Артикуляционно-акустическая база как маркер этнической идентичности	56
<i>Тюнтешева Е.В., Шагдурова О.Ю.</i> Развитие семантики глаголов векторной характеристики движения в тюркских языках Сибири (в сравнении с другими тюркскими языками)	66
<i>Рудницкая Е.Л.</i> Отрицательная экзистенциальная конструкция с <i>āчин</i> в эвенкийском языке с типологической точки зрения	78
<i>Курилов Г.Н.</i> Семантика корневого элемента <i>пу-</i> в тундренном диалекте юкагирского языка	86
<i>Николаев Е.Р.</i> Лексико-семантические особенности наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке	96
<i>Ушницкая Н.Ю.</i> Лингвокультурный концепт «буга / мир» в языковой картине мира эвенков	107

Литературоведение и фольклористика

<i>Жулева А.С.</i> Время–пространство в романе Юрия Рытхэу «Белые снега»	115
<i>Соломонова Н.А.</i> Незабываемые эпизоды полевых экспедиций	125
Сведения об авторах	133
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	137

CONTENT

History and Archaeology

<i>Sem T.Iu., Okladnikova E.A.</i> The myth of the “three suns”: semantics and visual representation in the monumental art of Ancient Eurasia	8
<i>Yaglovskiy A.S.</i> Archaeological sites of the Nizhnekolymsky Region	17
<i>Vasiliev A.D.</i> The first regional head of Yakutia I.G. Kardashevsky (1805–1816)	28
<i>Sirina A.A.</i> The Evenk woman Pavla Vasilievna Afanaseva in S.M. Shirikogorov's and G.M. Vasilivich's scientific life.	36

Linguistic

<i>Dyrheeva G.A.</i> Buryat language: present state, problems and prospects	44
<i>Selyutina I.Ya.</i> Articulation and acoustic base as a marker of cultural and linguistic identity	56
<i>Tyunteshcheva E.V., Shagdurova O. Iu.</i> The development of the vector movement verbs semantics in the Turkic languages of Siberia (in comparison with other Turkic languages)	66
<i>Rudnitskaya E.L.</i> Negative existential construction with <i>āchin</i> in the Evenk language from a typological point of view	78
<i>Kurilov G.N.</i> Semantics of the root element <i>pu-</i> in the Tundra dialect of the Yukagir language	86
<i>Nikolaev E.R.</i> Lexical and semantic features of the names of kumys leather ware (vessels) in the Yakut language	96
<i>Ushnitskaya N.Iu.</i> Linguacultural concept “buga / world” in the Evenk worldview	107

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Zhuleva A.S.</i> Time – space in the novel by Iuri Rytkeu “White Snows”	115
<i>Solomonova N.A.</i> Unforgettable episodes of field expeditions	125
Information about authors	135
The manuscripts rules	137

Т.Ю. Сем, Е.А. Окладникова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.34.1.001

УДК 398(4/5)

Миф о «трёх солнцах»: семантика и визуальная репрезентация в монументальном искусстве Древней Евразии

Статья посвящена изучению мифа как вербальной версии (нарратива) интерпретации памятников древнего наскального и монументального искусства народов Евразии.

Цель работы – сравнительный анализ мифов о «трёх солнцах» и связанных с ними петроглифов.

Авторы полагают, что этот миф служил одним из интеллектуальных инструментов для описания и истолкования картины мира древними народами Евразии. Используя методику семантического и иконографического анализа, авторы выявили смысловые доминанты, сравнив тексты мифа о «трёх солнцах» народов Северной Азии, Дальнего Востока, Южной Сибири и Средней Азии.

В результате открылась возможность рассмотреть этот миф как антологию знаний его создателей об окружающей их природной и социальной реальностях. Миф о «трёх солнцах» – это одна из архаических форм натурфилософских знаний о физической (материальной) и метафизической (вымышленной) реальностях, как земной, так и космической, этот миф содержит в себе представления о структуре и системе модели мира. В мифе о «трёх солнцах» повествуется о цикличности времени, а также о связанной с нею смене времён года. Более того, именно этот миф сохранил память не только о космических и природных катастрофах, но и об ответах Человечества на «вызовы Космоса», о способах противостояния древнего человека катастрофам вселенского масштаба. В этом противостоянии вызовам природы и Космоса, согласно мифу о «трёх солнцах», победил Человек, он в этом противостоянии руководствовался нравственными началами, возникшими в результате социального развития и становления нравственного Закона. Это был Закон, который возвеличивал человека-созидателя и порицал человека-разрушителя. Миф о «трёх солнцах» как модель мира и антологии жизни народов древней Евразии включает историческую информацию о переходе от одной исторической формации к другой (от присваивающего хозяйства и производящему), а также об установлении патриархальной системы родства.

Ключевые слова: миф как нарратив, петроглифы, семантический инструментарий, картина мира, древние народы Евразии

Введение. Образный ряд памятников (петроглифы, стелы), иллюстрирующих содержание мифа о «трёх солнцах», и сегодня остается таинственным, глубоким, но пока еще недоста-

точно изученным. Миф о «трёх солнцах» привлекал внимание многих этнографов и археологов. Учёные использовали его в качестве исходного архаического текста-«ключа» для интер-

© Сем Т.Ю., Окладникова Е.А., 2021

претации (декодирования смысла) наскальных рисунков и произведений монументальной пластики (стелы) [Окладников, 1968: 163–169; Хлобыстина, 1971: 165–180; Сем, 1996: 111–142; Фролов, 2000: 278–291; Шаньшина, 2000; Симонова, 2010: 102–110]. Современные методы анализа мифологии основываются на работах структурно-семиотической школы К. Леви-Строса, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, которые рассматривают структуру мифа, бинарные оппозиции и медиаторов, метод брилокажа, использование разных кодов культуры.

Считается, что наиболее полная и древняя версия этого мифа была записана в конце XIX в. у верховских нанайцев (Нижний Амур) американским этнографом Бертольдом Лауфером. Варианты версий этого мифа позднее стали основой систем космологических и космогонических сказаний многих народов Евразии. Основными характеристиками текста мифа о «трёх солнцах», записанного Б. Лауфером, являются следующие: 1) сложносоставная структура; 2) широкое распространение по территории Древней Евразии; 3) архетипичность персонажей. [Laufer, 1899: 749–750].

В записанной Б. Лауфером версии мифа о «трёх солнцах»: 1) уникальное астрономическое явление: присутствие на небе в давние времена трёх солнц; 2) управление жизнью людей на Земле девой (богиней) Мамилджи; 3) убийство (расстрел из лука) героем-воином Кадо двух солнц и тем самым спасение жизни на Земле; 4) восстановление климатического оптимума; 5) восстановление демографического баланса жизни на Земле.

В литературе существует мнение о китайском влиянии на тему стрелка во множественность солнц на Амуре [Шаньшина, 2000: 44–46; Яншина, 1984: 106–121]. Имеются и альтернативные мнения о ее автохтонности [Смоляк, 1991: 260]. Данная тема в свете изысканий авторов представляется не такой однозначной ввиду широкого распространения в Евразии сюжетов с образами мифа о трех солнцах.

Визуальный ряд изображений мифа о «трёх солнцах» различными изобразительными сюжетами (геометрическими, зооморфными, антропоморфными) представлен в наскальном искусстве Северной Азии (Чукотка), Дальнего Востока (Нижний Амур), Центральной Азии,

Горного Алтая, а также в монументальном искусстве Южной Сибири (Хакассия). Археологи датируют эти изображения периодом дописьменной эпохи во временном диапазоне конец III – начало II тыс. до н. э. (Нижний Амур, Хакассия) и началом железного века I тыс. до н. э. (Северо-Восток Азии, Горный Алтай).

Целью настоящего исследования является сравнительное изучение мифов о «трёх солнцах» в интерпретации памятников древнего искусства археологических культур Евразии.

Материалы и методы: визуализация мифа «о трех солнцах» в памятниках наскального искусства. Исследование осуществлено при помощи комплекса методов типологического, семантического и иконографического анализа. Основными источниками для данной работы послужили материалы наскальных рисунков и других археологических артефактов (стелы, погребальные памятники).

В наскальном искусстве (Нижний, Верхний Амур, Чукотка) и монументальной пластике (стелы) (Хакассия, Горный Алтай) Древней Евразии мифологический сюжет о «трёх солнцах» представлен не только разными типами образов (геометрическими, зооморфными и антропоморфными), но и сочетаниями этих образов в одной композиции.

Геометрические репрезентации мифа «о трёх солнцах». На Нижнем Амуре в с. Сакачи-Алян представлены три круга с точками в центре – символы солнца [Окладников, 1971: 183, 202], на Чукотке – три «солярных диска» в виде кругов с отростками-лучами на костяной колодушке с изображениями животных и людей (Берингоморская культура, Эквенский могильник, I тыс. до н. э.) [Арутюнов, Сергеев, 1975: 140, рис. 65], в Хакассии – стела с изображением трех солнц в виде концентрических кругов со знаком 4-х сторон света и изображением морды быка с рогами (р. Туба) [Вадецкая, 1967: 29, рис. 20, табл. 12], три большие знака солнца и одно малое рядом с изображением дракона (р. Белый Июс) [Вадецкая, 1967: 28, рис. 19].

Зооморфные репрезентации мифа о «трёх солнцах». На р. Нижний Амур – это три либо две водоплавающие птицы (лебедь и гагара, а также утка) (р. Уссури, Шереметьево) [Окладников, 1971: 254, 265–266]; изображение лося с тремя кругами на крупе (Сакачи-Алян) [Оклад-

ников, 1971: 37]. В Хакасии – фантастический хищник с телом волка, головой медведя и птичьими лапами, преследующий идущего на запад быка-солнца (Минусинская котловина) [Хлобыстина, 1971: 172–173]; 2) изображение хищника с тремя солнцами под ним с головами оленей (Минусинская котловина, р. Черновая) [Вадецкая, 1967: табл. 18]; голова хищника с разинутой пастью и распростертыми лапами, обращенными к знаку солнца (Ширинская стела) [Вадецкая, 1967: табл. 21]; змея с головой быка с тремя глазами-солнцами (Белый Июс) [Вадецкая, 1967: 29, рис. 20]. В Горном Алтае имеются рисунки быков со знаками календарной и лунарно-солярной символики в виде концентрических кругов на туловищах (Калбак-Таш) [Okladnikova, 2014: 134–141]; изображение фантастического хищника с чертами снежного барса, медведя и хищной птицы, нападающего на ритуальную процессию (Калбак-Таш) [Okladnikova, 2014: 134–141].

Антропоморфные репрезентации мифа о «трёх солнцах». На Нижнем Амуре изображена на скалах Шереметьево р. Уссури антропоморфная трёхглазая маска-личина, окруженная зверями – кабаном и змеей (вверху) и двумя птицами (внизу) [Окладников, 1971: 266]; на камне № 63 Сакачи-Аляна имеется антропоморфная маска-личина с глазами и ртом, намеченными тремя точками [Окладников, 1971: 207–208]; на другом – изображение кабана с антропоморфной маской-личиной [Окладников, 1971: 191]. На Верхнем Амуре изображен шаман с бубном в руке и рядом солярный знак с косым крестом в центре и под ним три антропоморфные фигуры (р. Нюкжа) [Окладников, Мазин, 1976: 132, табл. 40]. В Хакасии на Ширинской стеле изображена композиция: голова человека с рогами быка и ушами зайца, телом змеи с навершием в виде головы младенца-мальчика [Вадецкая, 1967: табл. 21]; антропоморфные фигуры на стелах с тремя глазами точками (р. Уйбат, станция Фарпус, Черновой) [Вадецкая, 1967: 16, 17, 22]. В Киргизии на камне в Саймолы-Таш имеются три антропоморфные фигуры с головами в виде 12-лучевых дисков, идущие в ряд [Голендухин, 1971: 181–202].

Результаты. Возможные интерпретации семантики всех трёх типов визуальных репрезентаций мифа о «трёх солнцах» (геометрического,

зооморфного, антропоморфного) в произведениях древнего монументального искусства Евразии (петроглифы, стелы), предложенные учеными, открывают интересную исследовательскую перспективу. Эта перспектива разворачивается по следующим направлениям семантического анализа:

– геометрическая репрезентация: большинство исследователей петроглифов и памятников наскального искусства народов Сибири, в частности, наиболее распространенный на Северо-Востоке Азии у эскимосов и алеутов круг с точкой внутри интерпретируют как солярный знак [Иванов, 1963: 217–218].

– антропоморфная репрезентация: 1) женское божество плодородия, мать-природа, мать всего живого [Окладников, 1971: 207–208; Сем, 2015: 320–324]; 2) мужское божество-первородок или первородки [Окладников, 1971: 37], космический спаситель/разрушитель, сначала спасавший Землю от палящих лучей трёх солнц, а затем расстреливавший всё живое на земле [Потанин, 1916; Окладникова, 1990: 98; Вадецкая, 1967: 64–65; Окладников, 1975: 58–63].

– зооморфная интерпретация: 1) птицы-ныряльщики, небо и вода (лебедь, ворон и гагара) [Окладников, 1970: 254]; 2) солярные образы лося, оленя, небесных маралух (сюжет оленя Золотые рога); 3) фантастический хищник и три окружности с точками в центре – три солнца [Вадецкая, 1967: табл. 18]; 4) фантастический хищник и изображения быков с лунарно-солярной символикой на теле на г. Калбак-Таш [Okladnikova, 2014, с. 134–141]; 5) солярный змей [Фролов, 2000; 1974: 48, 126–127, 174–175; Вадецкая, 1967: табл. 17].

Анализ семантики. Описание картины мира – это метод познания окружающей реальности и формирования модели Вселенной, проявляющихся через мировоззрение, способы мировосприятия и особенности мироощущения в разные эпохи по-разному. Для описания дописьменных культур мира использовался мифологический инструментарий. Как интеллектуальный инструмент миф, включая и мифологический сюжет о «трёх солнцах», был универсальным языком описания такого сложного феномена, как окружающая реальность. В силу своей исконной символичности, миф оказался

удобным для конструирования моделей бытия всех уровней мироздания: космического, природного, социального, личностного. Миф – это своеобразный сценарий развертывания картины мира. «Под моделью Вселенной мы понимаем ментальную схему, включающую систему структуро- и системообразующих идей об окружающем мире жителей горно-таежной [и степной] полосы Евразии в ее природной и социальной формах» [Окладникова, 2009: 154].

В процессе реситации (чтения/рассказывания) этого мифа о трех солнцах люди дописанной культуры Древней Евразии решали серию практических задач:

1. Одной из задач была необходимость фиксации, изображения (петроглифы) и истолкования реальных физических атмосферных явлений. По мнению ученых, представление о трех, четырех и более солнцах имеют под собой реальные основания. Эти основания кроются в необходимости объяснения особенностей состояния атмосферы, их изменений во время потепления, похолодания, землетрясений, вулканических извержений. В периоды таких глобальных климатических изменений на небе можно наблюдать аномальные астрономические явления: появление двух ложных солнц или двух ложных лун, появление креста вокруг солнца. Эти явления в науке называются эффектом гало или паргелиями [Шаньшина, 2000: 278–291; Симонова, 2010: 107–108].

2. Необходимость создания исходной модели Вселенной с помощью мифа о творении мироздания после очередной космической катастрофы. Удовлетворяя интеллектуальный вызов тех времен, миф о «трех солнцах» использовался как инструмент объяснения, который давал ключи к пониманию процессов космической эволюции.

3. Необходимость толкования цикличности природных явлений и хода времени. У эвенков сохранился древний миф о Великом стрелке в лосиху, укравшую солнце на небосводе [Анисимов, 1958: 68–69; Мазин, 1984: 9]. Согласно этому мифу, Великий стрелок-первопредок Мани гонится за лосихой и убивает ее стрелой, выпущенной из лука. Он освобождает солнце, завершается темный период суток, наступает утро. Но на следующую ночь похищение и погоня повторяются. Так объяснялась эвенками смена дня

и ночи. Этот миф разыгрывался в процессе мистерии на Новогоднем празднике эвенков Икэ-нипкэ [Василевич, 1957, с. 151–185]. В мифе, так же как и на празднике, первопредок играл роль спасителя Человечества от катастрофы – потери солнечного света, а вместе с ним и утраты Порядка в мире и социуме [Анисимов, 1958: 69–71; Василевич, 1957: 151–185]. Образ Великого стрелка, убивающего три солнца, в амурской мифологии ассоциировался с первым шаманом и творцом мира Гуранта или Хадау [Шаньшина, 2000: 48–49; Старцев, 2017: 16–25]. Он исполнял спасительную функцию всего живого на земле от губительного воздействия трех солнц.

На р. Белый Июс в Хакасии была обнаружена каменная стела с изображением трех солнц в виде концентрических кругов со знаком 4-х сторон света и изображением маски-личины с рогами быка [Вадецкая, 1967: 28]. На другой стеле три больших знака солнца и один малый по размеру (всего четыре солярных знака). На этой стеле были выбиты змея с головой быка с тремя глазами-солнцами [Вадецкая, 1967: 29]. Зарождение представлений о связи змеи со стихиями воды и огня, как полагают археологи, уходит корнями в каменный век. Семантика изображения змей на костяной пластине из Мальты (р. Белая, Иркутская область) описана Б.А. Фроловым как репрезентация смены сезонов года в контексте космического хронотопа. При этом сам момент этой смены иллюстрировался на пластине змеем, заглатывающим солнце [Фролов, 1974: 48, 126–127, 174–175].

На костяной колотушке Берингоморской культуры из Эквенского могильника (I тыс. до н. э.) с обратной стороны были изображены три круга с лучами, которые этнограф С.В. Иванов интерпретировал как солярные знаки [Иванов, 1963: 124]. Рукоятка колотушки с одной стороны была оформлена в виде головы белого медведя, с другой – рыбы (сома). В центре колотушки изображены распластанный человек и голова старика, на лбу головы старца точка на месте третьего глаза. Вероятно, трехглазая личина старца олицетворяла хозяина Вселенной и моря Кэрэткуна, культ которого был распространен в этом регионе и в честь которого ежегодно проводили праздник. Трехглазость личины старца может рассматриваться как указание на связь

этого изображения головы старца с мифом о трёх солнцах. На эту связь указывает и то, что шаманский обряд, в котором использовалась колотушка, проводился в дни солнцестояния.

4. Необходимость описания и толкования значения для социума природных (вселенских) катастрофических явлений.

Горный Алтай. Алтайский миф о Когульдэ Мергене, записанный этнографом XIX века Г.Н. Потаниным [Потанин, 1916], может являться продуктом как минимум двух параллельно развивающихся мифологем: 1) архаическим шаманским комплексом о трансцендентном путешествии шамана в верхний мир и его мистическом браке с тремя женами-оленихами. Эти три оленихи были зооморфными аллоформами трёх солнц нанайской мифологии; 2) поэтическое описание некогда произошедшей (или происходящих неоднократно) катастрофах, что сопряжено со сказанием об обретении шаманом дара вместе с получением золотого ящика, скрытого в телах трёх небесных маралух [Симонова, 2010: 109].

В сюжете о космическом охотнике Алтая Эрке-Когульдэе реализуется архаичная версия описания климатических катастроф, связанная с глобальными кризисами потепления после ледникового периода [Окладникова, 1990: 11–12]. Согласно алтайской версии мифа о Великом стрелке, Эрке-Когульдей был слишком агрессивным охотником, истребляющим все живое на Земле стрелами, выпущенными из лука. Тогда хозяин неба Тэнгри Ульгень послал своих дочерей – трех золотых небесных маралух – навстречу охотнику. Стрелы Когульдэ не достигали волшебных дочерей Ульгения. Трижды маралухи обогнули землю, и все участники охоты, поднявшись на небо, по велению бога превратились в звезды Ориона [Потанин, 1916: 1–3, 67, 69].

В мифе, записанном российским участником экспедиции В. Беринга Я.И. Линденау в середине XVIII в. у урмийских тунгусов (эвенков), верховный бог посылает Громовника в погоню за кабаргой с целью наказать ее за провинность [Линденау, 1983: 81]. Очевидно, что погоня за кабаргой – это вариант сюжета о «небесной погоне» и о краже солнца. По мнению Д.В. Ерошкина, космический охотник, преследующий оленя, аналог образа Ориона в греческой мифологии. По мнению этого исследователя, миф о небесной погоне отражает космические собы-

тия катастрофического порядка, реально происходившие в XII–XIII тыс. до н. э. – сдвиг Земной Оси, в результате которого началось таяние мировых ледников. Последнее событие в мифологии многих народов мира нашло отражение в мифе о потопе [Ерошкин, 2009: 44–47].

Хакассия. На Ширинской каменной стеле, обнаруженной в Хакассии, изображена голова человека с рогами быка и ушами зайца, телом змеи и навершием в виде головы младенца-мальчика [Вадецкая, 1967: 64–65]. Ниже выбита голова хищника с разинутой пастью и простертыми лапами, обращенными к знаку солнца. Поскольку во лбу антропоморфной маски-личины с бычьими рогами, заячьими ушами и телом змеи изображен знак солнца и 4-х сторон света, можно высказать предположение, что выбитая на камне антропоморфная личина – это солнце. Возможно, что маска-личина изображает старое солнце или его заход, а младенец наверху – молодое солнце или восход. Мысль можно продолжить: соответственно перед нами сцена смены старого года новым.

На другой стеле, найденной в Хакассии, изображен хищник с чертами волкообразного существа с головой медведя и птичьими лапами. Этот хищник преследует идущего на запад быка, отождествляемого археологами с солнцем [Хлобыстина, 1971: 172–173]. На могильных плитах также было обнаружено изображение хищника с тремя солнцами под ним [Вадецкая, 1967: табл. 18].

Трёхглазостью отмечены некоторые Окуневские изображения, например, божество в трёхрогой короне с двумя копьями в руках [Вадецкая, 1967: табл. 17]. Это изображение может быть интерпретировано как верховное божество, хозяин Вселенной и грома. Божество держит в руках оружие громовержца. У тунгусо-язычных народов Сибири и Амура эвенков и удэгейцев имелись изображения громовников – шаманов подобного типа [Сем, 2015: 245–247]. По-видимому, у создателей окуневской культуры изображение этого божества также было связано с образом первого шамана-громовника.

Изображения трёх солнц сохранились в наскальном искусстве Центральной Азии. В святилище Саймалы-Таш (Киргизия) найдены камни с выбитыми изображениями трёх солярных знаков в форме 12-и лучистых дисков. Диски –

это головы фигур людей, идущих друг за другом. Рядом располагается изображение пахаря с плугом и 2-мя быками. По мнению Ю.Н. Голендухина, эти 12-тилучевые светила характеризуют период, когда дневные и ночные часы в сутках совпадали. Этот момент совпадал с весенним и осенним равноденствием. В этот период узбеки, таджики и туркмены праздновали Новый год (Науруз). Человек, изображенный на петроглифах, – жрец или маг, совершающий ритуал первой пахоты земли, связанный с культом плодородия [Голендухин, 1971: 181–202].

В мифе саамов божество грома Арома Теле в образе титана-охотника гонится за чудовищным оленем с золотыми рогами. Считалось, если Громовник убьет оленя, настанет конец света [Окладников, 1964: 60–62].

Что связывает визуальные (петроглифические) сюжеты и их мифологические интерпретации с изображениями хищников, солярных масок-личин и трёх окружностей с точками в центре (солярные знаки) Хакасии с аналогичными сюжетами Горного Алтая, Дальнего Востока и древней Скандинавии (саамы)? Первое – это то, что визуальные репрезентации и их научная интерпретация, предложенная археологами на основе данных этнографии, являются графическими записями катастроф космического масштаба. Второе – активная роль в оптимизации мирового порядка демиургов, функции которых исполняли шаманы, герои-охотники, фантастические хищники. В облике фантастических хищников совмещались как зооморфные (медведь, волк, снежный барс), так и антропоморфные черты.

5. Необходимость отразить смену исторических формаций, переход от присваивающего хозяйства к производящему. В этой связи миф о «трёх солнцах» приобретает гендерный акцент.

Хакасия. На одной стеле из Минусинской котловины изображено трёхглазое божество со змеиными отростками на голове и нагрудником на теле [Вадецкая, 1967: 64–64]. С этим образом напрашивается аналогия с нагрудником – деталью хакасского костюма свахи *ного* с вышитыми на ней бисером или перламутром тремя кругами, которые интерпретируются местной традицией как три солнца и связываются с женским божеством Умай. Аналогии женскому божеству с тремя солнцами находим в Восточной Сибири. Трёхликое женское божество было известно в эпосе

восточных эвенков как богиня плодородия, хозяйка древа жизни. Иногда богиня плодородия олицетворялась образами трёх девушек – дочерей Солнца. Именно к ним сватался Герой-богатырь, земной житель [Василевич, 1966: 266–267; Апросимов, 2000: 66–79]. Изображение трёхликих существ – хозяев Вселенной, встречающихся на петроглифах Нижнего Амура, на стелах Хакасии и артефактах Чукотки, были связаны с представлениям об обновлении сил природы, Новым годом, с обрядностью женских/мужских инициаций.

Нижний Амур. Великая Богиня-мать, Мамилджи. В мифах нанайцев и верованиях ульчей говорится о деве-первопредке Мамилджи, которая сделала рисунки на расплавленных камнях в те времена первотворения, когда на небе светили три солнца. В эти времена птицы, садясь на камни, оставляли на их мягкой поверхности следы лап [Laufer, 1899: 749–750; Окладников, 1968: 165–166; Шаньшина, 2000: 41]. На скалах на р. Уссури около деревни Шереметьево (Дальний Восток) была найдена петроглифическая композиция. В центре композиции выбита трёхглазая маска-личина. Рядом находятся изображения змеи и кабана, участников творения мира. Возможно, эта маска-личина является изображением трёхликой богини Мамельди. Согласно исследованию нанайской мифологии, этот персонаж – первопредок, ставшая первой шаманкой и спустившаяся после творения мира под землю [Сем, 2015: 320–324].

В этом образе наскального искусства р. Уссури воплощаются сразу две мифологические идеи: 1) представления о женском божестве-прародителе; 2) связь этого божества с мифом о «трёх солнцах». Дева Мамилджи в данной композиции предстает в образе той самой мифической Вселенной, в которой три солнца неимоверным жаром грозили уничтожить всё живое на земле. Согласно дальневосточному мифу о Великом стрелке, герой Кадо убивает два солнца из трёх, тем самым спасая Землю и всё живое от неминуемой смерти. Эта часть мифа о «трёх солнцах» может быть истолкована как повествование 1) о победе мужского начала над женским; 2) о связанной с переходом к счёту родства по мужской линии сменой экономической формации, а именно переходом от присваивающего хозяйства к производящему.

Обсуждение и заключение. Визуальный сюжет монументального искусства Древней Ев-

разии «три солнца» и описанные в статье его семантические интерпретации позволили сделать следующие выводы:

– миф о «трёх солнцах» как документ, который передавался изустно в системе культуры бесписьменных обществ Древней Евразии, использовался не только как интеллектуальный инструмент формирования картины мира. Этот миф, подобно эпическому сказанию народов Скандинавии «Калевала» или алтайскому эпосу «Маадай-Кара», был своеобразной антологией прото-натурфилософских знаний об окружающей космической, природной и социальной реальностях;

– эта антология включала в сжатой форме следующие системы идей: 1) идеи, фиксирующие реальные природные явления; 2) идеи о возникновении Земли и людей; 3) идеи о цикличности времени, смене времен года; 4) идеи о значении космических и природных катастроф в жизни Человечества; 5) идеи о влиянии космических изменений на социальную и экономическую жизнь людей, на смену исторических формаций (от присваивающего хозяйства к производящему);

– миф о «трёх солнцах» был тем интеллектуальным инструментом, который помогал людям дописьменной культуры Древней Евразии не только решать практические задачи: выявлять законы пространственно-временных отношений, описывать катастрофические природные явления и их влияние на изменения в хозяйственной и социальной жизни древних обществ, но и создавать объяснительную модель физической и социальной Вселенных.

Список литературы:

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.

Апросимов Д.Н. Завещание предков (Стихи, проза) / Пер. Б. Сиротин. Якутск: Кудук, 2000. 102 с.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья: Эвкенский могильник. М.: Наука, 1975. 240 с.

Вадецкая Э.Б. Древние идола Енисея. Л.: Наука, 1967. 79 с.

Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. 18. С. 151-185.

Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.; Л.: Наука, 1966. 399 с.

Голендухин Ю.Н. Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймаш-Таша // Первобытное искусство. [Под ред. Р.С. Васильевского]. Новосибирск: Наука, 1971. С. 181-220.

Ерошкин Д.В. Небесный охотник и солнечный олень (к вопросу об астральной семантике петроглифов Горного Алтая) // Степи Евразии в древности и средних веках. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитаж, 2002, Т. 2. С. 44-46.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.) Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1963. 500 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1983. 176 с.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.

Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск: Западно-Сибирское изд-во, 1968. 238 с.

Окладников А.П. Миниатюрные изваяния Минусинской степи // Первобытная археология Сибири. Л.: АН, 1975. С. 58-63.

Окладников А.П. Олень Золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л.; М.: Искусство, 1964. 240 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 188 с.

Окладникова Е.А. Лось и модель Вселенной неолитического населения Алтая // История и культура Востока Азии. Красноярск: Город, 2009. С. 154-159.

Окладникова Е.А. Тропой Когульдея. Л.: Лениздат, 1990. 189 с.

Потанин Г.Н. Ерке. Культ неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии. Томск, 1916. 100 с.

Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб.: Филфак СПбГУ, 2015. 640 с.

Симонова И.Л. «Когда на небе светили три солнца» (опыт реконструкции мифологического сюжета) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. [Под ред. П.К. Дашковского]. Барнаул: Азбука, 2010. Вып. 4. С. 102-110.

Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 279 с.

Старцев А.Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе, Владивосток: Дальнаука, 2017. 231 с.

Фролов Б.А. Дар знания и мотивация творчества. // Шаманский дар. Этнологические исследования по шаманизму и иным традиционным верованиям. [Под ред. В.И.Харитоновой]. М.: 2000, Т.6. С. 278-291.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974. 239 с.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие Южносибирские мифы в памятниках Окуневского искусства // Первобытное искусство. [Под ред. Р.С. Васильевского]. Новосибирск: Наука, 1971. С. 165-180.

Шаньшина Е.В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России (опыт мифологической реконструкции и общего анализа). Владивосток: Дальнаука, 2000. 156 с.

Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии М.: Наука, 1984. 248 с.

Laufer B. Petroglyphs of the Amoor. American Anthropologist. 1899. Vol. 1. № 9. P. 749-750.

Okladnikova E. Fantastic predator of Kalbak-Tash (High Altai Mountains): Gobecky Tepe parallels. 3rd International Geography symposium. 2014. June 10-13. P. 134-141.

References:

Anisimov A.F. *Religija jevenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proishozhdenija pervobytnyh verovanij* [The religion of the Evenks in the historical and genetic study and the problems of the origin primitive beliefs]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. 235 p. (In Russian)

Aprosimov D.N. *Zaveshhanie predkov (Stihi, proza). Perevod B. Sirotin* [The testament of the ancestors (Poems, prose). Translated by B. Sirotin]. Yakutsk: Kuduk Publ., 2000. 102 p. (In Russian)

Arutjunov S.A., Sergeev D.A. *Problemy jetnicheskoi istorii Beringomora: Jekvenskij mogil'nik* [Problems of the ethnic history of the Bering Sea: the Ekven burial ground]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 240 p. (In Russian)

Eroshkin D.V. *Nebesnyj ohotnik i solnechnyj olen' (k voprosu ob astral'noj semantike petroglifov gornogo Altaja)* [Sky hunter and sun deer (on the astral semantics of mountain Altai petroglyphs)]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednih vekah. K 100-letiju so dnja rozhdenija M.P. Gryaznova* [The steppes of Eurasia in antiquity and in the Middle Ages. To the 100th anniversary of the birth of M.P. Gryaznova]. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2002. T. 2. Pp. 44-46. (In Russian)

Frolov B.A. *Chisla v grafike paleolita* [Numbers in the Paleolithic chart]. Novosibirsk: Science Publ., 1974. 239 p. (In Russian)

Frolov B.A. *Dar znanija i motivacija tvorcestva* [The gift of knowledge and the motivation for creativity]. *Shamanskij dar. Jetnologicheskie issledovanija po shamanizmu i inym tradicionnym verovanijam. Pod redakciej V.I. Haritonovoj* [Shamanic gift. Ethnological research on shamanism and other traditional beliefs. Edited by V. I. Kharitonova]. Moscow: 2000, T. 6. Pp. 278-291. (In Russian)

Golenduhin Ju.N. *Voprosy klassifikacii i duhovnyj mir drevnego zemledel'ca po petroglifam Sajmash-Tasha* [Classification issues and the spiritual world of the ancient farmer based on the petroglyphs of Saimash-Tash]. *Pervobytnoe iskusstvo. Pod redakciej R.S. Vasil'evskogo* [Primitive art. Edited by R.S. Vasilievsky]. Novosibirsk: Science Publ., 1971. Pp. 181-220. (In Russian)

Hlobystina M.D. *Drevnejšie Juzhnosibirskie mify v pamjatnikah Okunevskogo iskusstva* [The oldest South Siberian myths in the monuments of Okunev art]. *Pervobytnoe iskusstvo. Pod redakciej R.S. Vasil'evskogo* [Primitive art. Edited by R.S. Vasilievsky]. Novosibirsk: Science Publ., 1971. Pp. 165-180. (In Russian)

Ivanov S.V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskij istochnik (po materialam XIX – nachala XX v.)* *Narody Severa i Dal'nego Vostoka* [The ornament of Siberian peoples as a historical source (based on materials from the 19th – early 20th centuries) Peoples of the North and the Far East]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1963. 500 p. (In Russian)

Janshina Je.M. *Formirovanie i razvitie drevnekitajskoj mifologii* [Formation and development of ancient Chinese mythology]. Moscow: Science Publ., 1984. 248 p. (In Russian)

Laufer B. *Petroglify Amura. Amerikanskij antropolog* [Petroglyphs of the Amoor. American Anthropologist]. 1899. Vol. 1. № 9. P. 749-750. (In English)

Lindenau Ja.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII veka): Istoriko-jetnograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russian)

Mazin A.I. *Tradicionnye verovanja i obrjady jevenkov-orochonov (konec XIX - nachalo XX veka)* [Traditional beliefs and rituals of the Orochon Evenks (late 19th - early 20th centuries)]. Novosibirsk: Science Publ., 1984. 200 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Liki drevnego Amura* [The faces of the ancient Amur]. Novosibirsk: West Siberian Publ., 1968. 238 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Miniatury izvajaniya Minusinskoj stepi* [Miniature statues of the Minusinsk steppe]. *Pervobytnaja arheologija Sibiri* [Primitive archeology of Siberia]. Leningrad: Academy of Sciences Publ., 1975. Pp. 58-63. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Olen' zolotyje roga. Rasskazy ob ohote za naskal'nymi risunkami* [Deer golden horns. The stories about hunting for rock paintings]. Leningrad; Moscow: Art Publ., 1964. 240 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Petroglify Nizhnego Amura* [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad: Science Publ., 1971. 336 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanicy reki Olekmy i Verhnego Priamur'ja* [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1976. 188 p. (In Russian)

Okladnikova E. *Fantastic predator of Kalbak-Tash (High Altai Mountains): Gobecky Tepe parallels. 3rd International Geography symposium* [Fantasticheskiy hishchnik Kalbak-Tasha (Altaj): paralleli Gjobekli-Tepe. 3-j Mezhdunarodnyj simpozium po geografii]. 2014. June 10-13. P. 134-141. (In English)

Okladnikova E.A. *Los' i model' Vselennoj neoliticheskogo naselenija Altaja* [Elk and the model of the universe of the Neolithic population of Altai]. *Istorija i kul'tura Vostoka Azii* [History and culture of East Asia]. Krasnoyarsk: City Publ., 2009. Pp. 154-159. (In Russian)

Okladnikova E.A. *Tropozu Kogul'deja* [On the path of Koguldei]. Leningrad: Leningrad Publ., 1990. 189 p. (In Russian)

Potani G.N. *Erke. Kul't neba v Severnoj Azii. Materialy k tjurko-mongol'skoj mifologii* [Erke. The cult of the sky in Northern Asia. Materials for the Turkic-Mongolian mythology]. Tomsk, 1916. 100 p. (In Russian)

Sem T.Ju. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i jetnokul'turnye svyazi). Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [World picture of the Tungus: the pantheon (semantics of images and ethnic and cultural ties). Historical and ethnographic essays]. St. Petersburg: Faculty of Philology SPBGU Publ., 2015. 640 p. (In Russian)

Shan'shina E.V. *Mifologija pervotvorenija u tungusojazychnyh narodov juga Dal'nego Vostoka Rossii (opyt mifologicheskoy rekonstrukcii i obshhego analiza)* [The mythology of the first creation among the Tungus-speaking peoples of the south of the Russian Far East (the experience of mythological reconstruction and general analysis)]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2000. 156 p. (In Russian)

Simonova I.L. "Kogda na nebe svetili tri solnca" (opyt rekonstrukcii mifologicheskogo sjuzheta) ["When three suns were shining in the sky" (an experience of reconstruction of a mythological plot)]. *Mirovozzrenie naselenija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoj retrospektive. Pod redakciej P.K. Dashkovskogo* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospective. Edited by P.K. Dashkovsky]. Barnaul: ABC Publ., 2010. Release IV. Pp. 102-110. (In Russian)

Smoljak A.V. *Shaman: lichnost', funkci, mirovozzrenie (narody Nizhnego Amura)* [Shaman: personality, functions, worldview (peoples of the Lower Amur)]. Moscow: Science Publ., 1991. 279 p. (In Russian)

Starcev A.F. *Jetnicheskie predstavlenija tungusoman'chzhurov o prirode i obshhestve* [Ethnic views of the Tungus-Manchus about nature and society]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2017. 231 p. (In Russian)

Vadeckaja Je.B. *Drevnie idoly Eniseja* [Ancient idols of the Yenisei]. Leningrad: Nauka Publ., 1967. 79 p. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Drevnie ohotnich'ii olenevodcheskie obrjady jevenkov* [Ancient hunting and reindeer breeding rituals of the Evenks]. *Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. Volume XVIII. Pp. 151-185. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Istoricheskij fol'klor jevenkov. Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of the Evenks. Legends and traditions]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. 399 p. (In Russian)

T.Yu. Sem, E.A. Okladnikova

The Myth of the "Three Suns": Semantics and Visual Representation in the Monumental Art of Ancient Eurasia

The article is devoted to the study of myth as a verbal version (narrative) of the interpretation of the monuments of ancient rock and monumental art of the peoples of Eurasia. The aim of the work is a comparative analysis of the myths about the "Three Suns" and associated petroglyphs. The authors believe that this myth served as one of the intellectual tools for describing and interpreting the picture of the world by the ancient peoples of Eurasia. Using the method of semantic and iconographic analysis, the authors identified semantic dominants by comparing the texts of the myth about the "Three Suns" of the peoples of North Asia, the Far East, South Siberia and Central Asia. As a result, it became

possible to consider this myth as an anthology of the knowledge of its creators about the natural and social realities surrounding them. The myth of the “Three Suns” is one of the archaic forms of natural-philosophical knowledge about physical (material) and metaphysical (fictional) realities, both terrestrial and cosmic, this myth contains ideas about the structure and system of the model of the world. The myth of the “Three Suns” tells about the cyclical nature of time, as well as the associated change of seasons. Moreover, it is this myth that has preserved the memory not only of cosmic and natural disasters, but also of the responses of Mankind to the “challenges of the Cosmos”, of the ways of countering ancient man to catastrophes of a universal scale. In this confrontation with the challenges of nature and the Cosmos, according to the myth of the “Three Suns”, Man wins, he was guided in this confrontation by moral principles that arose as a result of social development and the formation of a moral law. It was the Law that exalted the man-creator and censured the man-destroyer. The myth of the “Three Suns” as a model of the world and an anthology of the life of the peoples of ancient Eurasia includes historical information about the transition from one historical formation to another (from an appropriating economy and a producing one), as well as the establishment of a patriarchal system of kinship.

Keywords: myth as a narrative, petroglyphs, semantic tools, world view, ancient peoples of Eurasia

А.С. Ягловский

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.002

УДК 902.2(571.56)

Археологические памятники Нижнеколымского района

В статье приводятся актуальные данные по археологическому изучению Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия). В разные годы район изучался участником Северо-Восточной географической экспедиции Г.А. Сарычевым, членами Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции политическими ссыльными В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом, Ленской историко-археологической экспедицией под рук. А.П. Окладникова, Приленской археологической экспедицией Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР под рук. Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой. Наиболее полное исследование Нижней Колымы провел сотрудник ПАЭ Сергей Павлович Кистенев, открывший основную часть её памятников. Результатом работ стало уточнение количества памятников до 52 объектов археологического наследия (стоянок, погребений, острога) от позднего палеолита до XVII века.

Цель статьи – составить актуальную карту объектов археологического наследия Нижнеколымского района, провести систематизацию и классификацию выявленных памятников и их материальных комплексов.

Источниковую базу настоящего исследования составляют материалы Приленской археологической экспедиции Арктического научного центра АН РС(Я). Использовались технико-типологический, сравнительно-сопоставительный методы исследования.

В статье приведен актуальный и уточненный список памятников Нижнеколымского района, дана их краткая характеристика, составлена карта. Памятники в основном обнаружены на правом берегу Колымы в её нижнем течении – притоке р. Пантелеиха, протоке Стадухинской и в Халарчинской тундре. Разновременные памятники содержат в себе материалы сумнагинской, сылахской, белькачинской, ымыяхтахской и усть-мильской приленских культур, а также культурных комплексов раннего железного века и нового времени.

Ключевые слова: Якутия, Колыма, Стадухинская, Пантелеиха, Алазея, Коньковая, Большая Куропаточья, стоянки, погребения, каменный век

Данная работа уточняет количество памятников на территории Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия) до 52 разнообразных объектов археологического наследия (стоянки,

погребения, острог) различной хронологии – от позднего палеолита до XVII века: Четырехстоловой I, II, Край леса, Каменный мыс, Старые Петушки, Зеленый мыс I, II, III, Пантелеиха I, II, III,

IV, V, VI, VII, VIII, IX, Пирс, Орбита I, II, Комарок I, II, III, Гора I, II, Родинка I, II, III, IV, V, Родинское погребение I, II, Погромное, Боёково, Дуваный Яр, Ванхотвеем I, II, III, Ентоургвеем, Фроловская I, II, III, IV, Стадухинская I, II, III, Стадухинский острог, Котельническая I, II, Коньковая I, II, Большая Куропаточья. Из них два памятника поставлены на учет в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации – стоянки Зеленый Мыс и Черский.

Количество археологических памятников уточнено на основании изучения доступных научных публикаций, полевых отчетов экспедиций, Постановления Совета Министров Якутской

АССР «О состояниях и мерах по улучшению охраны памятников истории и культуры Якутской АССР» от 31.12.1976, а также списка выявленных объектов археологического наследия Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия). При составлении последнего в перечень, утвержденный в дальнейшем Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) от 24 апреля 2008 года № 402-р «Об утверждении объектов культурного наследия – выявленных недвижимых памятников истории и культуры по разделу «Археология»», включено 46 объектов археологии¹.

Главной целью настоящей работы является уточнение количества археологических памятников Нижнеколымского района РС (Я), вклю-

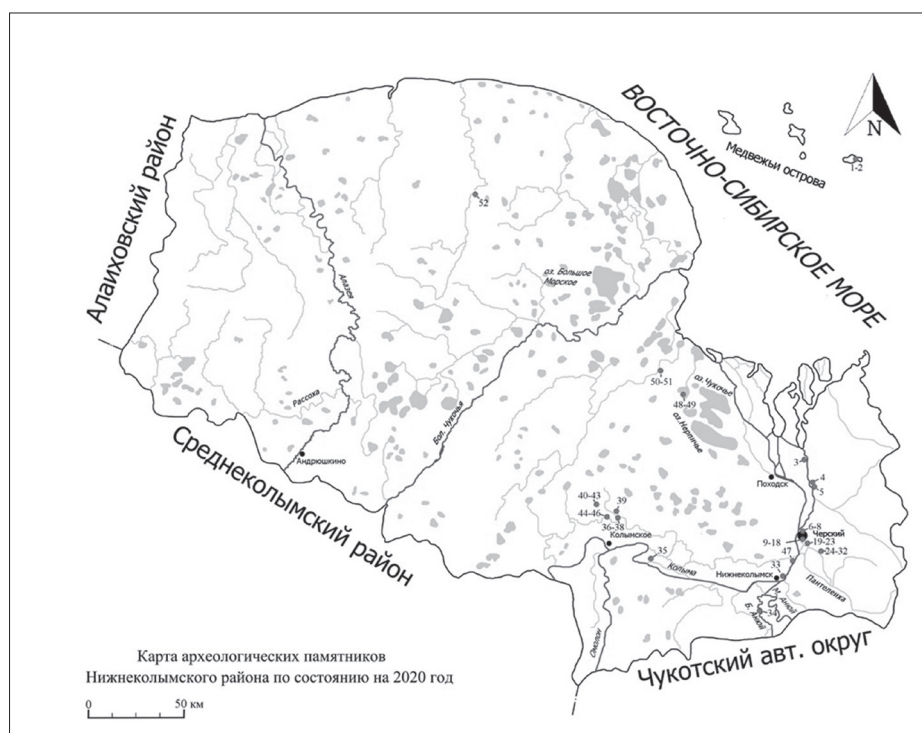

Рис. 1. Карта памятников Нижнеколымского района 2020 г.²

¹Перечень выявленных объектов археологического наследия на 01.11.2020 г. Департамента Республики Саха (Якутия) по охране объектов культурного наследия 2020 г. С. 56. URL: <https://depohran.sakha.gov.ru/Deyatelnosty/informatsiya-ob-obektah-kulturnogo-nasledija-na-territorii-respubliki-saha-jakutiya> (дата обращения: 02.12.2020).

²Легенда к карте: 1 – Четырехстолбовой I; 2 – Четырехстолбовой II; 3 – Край леса; 4 – Каменный мыс; 5 – Старые Петушки; 6 – Зеленый мыс I; 7 – Зеленый мыс II; 8 – Зеленый мыс III; 9 – Пантелеиха I; 10 – Пантелеиха II; 11 – Пантелеиха III; 12 – Пантелеиха IV; 13 – Пантелеиха V; 14 – Пантелеиха VI; 15 – Пантелеиха VII; 16 – Пантелеиха VIII; 17 – Пантелеиха IX; 18 – Пирс; 19 – Орбита I; 20 – Орбита II; 21 – Комарок I; 22 – Комарок II; 23 – Комарок III; 24 – Пантелеиха-гора I; 25 – Пантелеиха-гора II; 26 – Родинка I; 27 – Родинка II; 28 – Родинка III; 29 – Родинка IV; 30 – Родинка V; 31 – Родинское погребение I; 32 – Родинское погребение II; 33 – Погромное; 34 – Боёково; 35 – Дуваный Яр; 36 – Ванхотвеем I; 37 – Ванхотвеем II; 38 – Ванхотвеем III; 39 – Ентоургвеем; 40 – Фроловская I; 41 – Фроловская II; 42 – Фроловская III; 43 – Фроловская IV; 44 – Стадухинская I; 45 – Стадухинская II; 46 – Стадухинская III; 47 – Стадухинский острог; 48 – Котельническая I; 49 – Котельническая II; 50 – Коньковая I; 51 – Коньковая II; 52 – Большая Куропаточья.

чая памятники, не вошедшие в перечень объектов культурного наследия – это стоянки Боёково, Зеленый мыс I, Пантелеиха I, Погромное, Дуванный Яр, Фроловская IV и Родинское погребение II, а также составление карты их расположения. В основу работы было положено изучение опубликованных научных работ по теме статьи, коллекций Приленской археологической экспедиции Арктического научно-исследовательского центра, архивных и картографических материалов, сопоставление их со списками археологических памятников, исторический и краткий историографический обзор, а в конечном итоге составление актуальной карты объектов археологического наследия Нижнеколымского района. Впервые публикуются данные о стоянках Боёково и Погромное, открытые соответственно С.П. Кистеневым и С.А. Федосеевой (рис. 1).

Крупными исследованиями по проблеме изученности археологических памятников в Нижнеколымском районе занимался С.П. Кистенев, непосредственный участник и во многих случаях начальник всех археологических экспедиций ПАЭ в данный район. Итогом его многолетних трудов стала диссертационная работа 1990 г. на тему «Каменный век бассейна Нижней Колымы», включающая в себя карту археологических памятников бассейна Нижней Колымы. В 2017 г. С.Б. Слободинным опубликована статья «Современное состояние археологической изученности бассейна р. Колыма (к 70-летию Колымской экспедиции А.П. Окладникова)», где автором дано описание памятников р. Колыма и ее притоков, в том числе некоторых памятников Нижнеколымского района, а также составлена карта памятников. В 2014, 2019–2020 гг. А.А. Сулеймановым опубликованы статьи «Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г.», «Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 1950-е – 1970-е гг.» и «Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 1980-е – 1991 гг.» в основном по материалам архива Института археологии РАН. Работы посвящены археологическим изысканиям в арктических районах Якутии – главным образом, в бассейнах рек Колымы, Индигирки и Яны, а также на архипелаге Новосибирских островов [Сулейманов, 2020: 55]. Исследователем выпол-

нен большой труд по изучению истории археологических изысканий во второй половине XX в., однако необходимые с точки зрения археологии подробности отсутствуют.

К 1999 г. коллектив отдела археологии и палеоэкологии человека ИГИ АН РС (Я) должен был выпустить монографию «Археологические памятники Якутии. Бассейны Яны, Индигирки, Колымы, Алазеи». В труде предполагалось объединить исследования в указанных районах в один источник, однако в силу объективных причин работа не увидела свет. Данная статья написана в рамках возобновления работ по изданию монографии. В свете исследований и технических достижений, произошедших за последние 20 лет, труды С.П. Кистенева по Нижней Колыме требуют обновления и дополнения, с чем и связана актуальность данной статьи. Кроме того, большинство памятников Нижнеколымского района не включены в ЕГРОКН и не имеют для этого достаточных данных, статья подготавливает необходимый объем информации для выполнения вышеуказанных работ.

Первые раскопки археологического памятника на Колыме и вообще в Арктике были проделаны участником Северо-Восточной географической экспедиции Гавриилом Андреевичем Сарычевым. В 1787 г., проводя исследования одной из бухт около Баранова мыса, расположенной к востоку от устья Колымы, он заметил развалины древних землянок. Одну из них Сарычев раскопал и обнаружил вместе с костями животных обломки глиняных горшков и два каменных ножа полулунной формы [Сарычев, 1802: 96; Окладников, 1955: 120; Кистенев, 1990: 13]. Ныне оба Барановых мыса – Большой и Малый – административно относятся к Билибинскому району Чукотского автономного округа.

Дальнейшее изучение Колымы легло на плечи политехсильных В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза. Им принадлежит множество этнографических работ, посвященных юкагирам, якутам, чукчам, алеутам, корякам и ительменам. С 1900 по 1902 гг. В.И. Иохельсон, возглавляя Сибирский отряд Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции, собрал значительный, в том числе и археологический, материал, который ныне хранится в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке (США). В целом археологические работы, проведенные ис-

следователями в XIX – начале XX вв. в бассейне Нижней Колымы, можно назвать любительскими, без использования научных методов, которых на тот момент еще не существовало.

Серьезные археологические исследования Нижней Колымы начинаются в советский период истории и неразрывно связаны с именами А.П. Окладникова, Ю.А. Мочанова, С.А. Федосеевой, С.П. Кистенева. Первая специальная археологическая разведка в долине Колымы проводилась Ленской историко-археологической экспедицией под рук. А.П. Окладникова в 1946 г. Исследования велись совместно с Арктическим институтом Главсевморпути при содействии Якутского научно-исследовательского института языка, литературы и истории [Окладников, 1947: 13; Кистенев, 1990: 17]. Протяженность маршрута с верховьев до устья Колымы составила 1665 км [Окладников, 1947: 76]. Древние стоянки неолитического времени обнаружены в среднем и нижнем течении Колымы в местностях Лабуя, Помазкино, Нижние Кресты и Петушки [Кистенев, 1990: 17]. Из них Нижние Кресты и Петушки расположены в Нижнеколымском районе и являются первыми официально выявленными памятниками археологии в районе.

Локализация данных памятников вызывает затруднения в силу особенностей географических привязок А.П. Окладникова, сами же материалы стоянок в научный оборот до сих пор не были введены. Стоянка Нижние Кресты расположена на территории пос. Черский, поскольку до 1963 г. он носил название Нижние Кресты и вполне может соответствовать одному из памятников, открытых в дальнейшем ПАЭ. Стоянка Петушки расположена в местности Старые Петушки, так как современное село Петушки было отстроено в период освоения Билибинских приисков как нефтебаза уже после экспедиции ЛИАЭ и может соответствовать стоянке Старые Петушки, открытой здесь ПАЭ.

В 1959 г. С.А. Федосеева в составе Юкагирской комплексной экспедиции Института языка литературы и истории ЯФ СО АН СССР 1959 г. провела разведку берегов реки Колыма. Недалеко от с. Нижнеколымск ею обнаружены Стадунский острог и стоянка Погромное, данные о которой не были ранее опубликованы. В настоящее время материалы стоянки хранятся в Музее

арктической археологии им. С.А. Федосеевой АНИЦ АН РС(Я) [Ф. XVI-5].

В 1964 г. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР принял решение приступить к сплошному археологическому изучению Якутии, обратив особое внимание на поиски следов палеолита и выявление четко стратифицированных многослойных памятников. В этой связи была создана Приленская археологическая экспедиция. Полевые работы охватили территорию всей Якутии [Дьяконов, 2017: 13]. В 1970 г. Северным отрядом ПАЭ открыты стоянки Старые Петушки, Зеленый мыс I–III, Пирс, Пантелеиха I–IX и Комарок I–III [Мочанов, 1971: 43–105].

Первые археологические находки Халарчинской тундры, находящейся на левом берегу Колымы в Нижнеколымском районе, были сделаны геологами в 1975 г. во время работ у озера Большое Котельничское, где ими были обнаружены фрагменты керамики, соотнесенные позже с усть-милской культурой [Кистенев, 1990: 92]. В 1980 г. на основании сообщения геологов Якутского территориального управления отряд ПАЭ обнаружил стоянки Коньковая I, II, Котельничское I, II, Большая Куропаточья и памятники в районе Стадунской протоки.

В полевые сезоны 1978, 1980, 1981 гг. Северо-Восточным отрядом ПАЭ производились работы в бассейне р. Пантелеиха – правого притока Нижней Колымы. В результате исследований на 30-километровом участке реки от бывшего пос. Пантелеиха до пос. Черский в местности Гора и Родинка обнаружены 7 памятников и 2 погребения [Кистенев, 1990: 63].

Материалы и методы. Источниковую базу настоящего исследования составляют археологические коллекции Приленской археологической экспедиции Арктического научного центра АН РС(Я) за 1959–1995 гг., а также архивные сведения и данные полевых описей ПАЭ, хранящиеся в фондах Музея арктической археологии им. С.А. Федосеевой АНИЦ АН РС(Я). Использовались технико-типологический, сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Результаты. Описание памятников. Стоянка Боёково открыта в 1981 г. Её точное месторасположение не известно. Предположительно она находится на правом берегу речки Боёково недалеко от устья, где речка впадает в р. Большой Анюй. Коллекция находок включа-

ет в себя 3 каменных предмета¹. Памятник не датирован.

Стоянка Большая Куропаточья отмечена на левом берегу среднего течения р. Большая Куропаточья. Геолог П.А. Михайлов поднял отбойник из мелкозернистого диабаз со следами сильной сработанности [Спектор, 1980: 92]. Памятник не датирован.

Стоянка Ванхотвеем I находится в устье левого берега р. Ванхотвеем, впадающей в левый берег Стадухинской протоки. Коллекция находок составляет 36 каменных изделий², их выразительность не дала возможность определить культурную принадлежность стоянки.

Стоянка Ванхотвеем II расположена на левом берегу р. Колыма в 100 м от стоянки Ванхотвеем I. Стоянка представлена 5 изделиями из камня, 7 фрагментами керамики³. Несмотря на малочисленность коллекции, стоянка по характерным признакам отнесена к ымыяхтахской и усть-мильской культурам.

Стоянка Ванхотвеем III найдена на левом берегу Колымы в 120 м от стоянки Ванхотвеем II. Исследователям удалось собрать 8 каменных изделий⁴. Стоянка датирована эпохой неолита, а к сумнагинской культуре можно отнести обнаруженный на стоянке многофасеточный резец на призматическом кремневом нуклеусе.

Стоянка Гора I расположена на правом берегу р. Пантелеиха в 800 м ниже бывшего пос. Пантелеиха на 9-метровой надпойменной террасе. Коллекция составила 225 отщепов, 9 орудий, 8 заготовок, 2 пластины и 10 фрагментов керамики⁵. Памятник отнесен к ымыяхтахской культуре.

Стоянка Гора II обнаружена в заброшенном пос. Пантелеиха, материал собран на бечевнике и склонах 3-метровой поймы реки. Всего найдено 14 каменных изделий и 5 фрагментов вафельной керамики⁶, благодаря которой стоянка отнесена к ымыяхтахской культуре.

Стоянка Ентоургивеем расположена на левом берегу Стадухинской протоки между ручьями Ванхотвеем и Ентоургивеем в 3 км восточнее стоянок Ванхотвеем I–III на 5-метровой террасе. Инвентарь представлен 5 каменными орудиями⁷. Определить культурную принадлежность в силу недостаточности собранной коллекции не представляется возможным.

Стоянка Зеленый мыс I расположена на 16-метровой цокольной террасе р. Колыма. Находки представлены 24 мелкими сланцевыми и кремневыми отщепами, 3 пластинами, 3 орудиями, 1 фрагментом керамики⁸. По керамике стоянка отнесена к ымыяхтахской культуре [Кистенев, 1990: 78]. Памятник взят на государственную охрану в 1976 г. В Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации памятник указан как «стоянка Зеленый мыс».

Стоянки Зеленый Мыс II и III расположены ниже стоянки Зеленый Мыс I соответственно в 80 и 400 м на 14-метровой цокольной террасе. Находки каждой из стоянок представлены по 4 сланцевых отщепа в каждом⁹. Памятники не датированы.

Стоянка Каменный Мыс, открытая в 1981 г. Колымским отрядом ПАЭ, расположена на правом берегу р. Колыма в 7 км ниже пос. Петушки и в 2 км выше речки Каменушка на 15-метровой цокольной террасе. В результате работ обнаружены 50 отщепов разного размера и 1 фрагмент шнуровой керамики¹⁰, благодаря которой памятник отнесен к белькачинской культуре.

Стоянка Комарок I приурочена к 20-метровой коренной террасе правого берега р. Пантелеиха на правом приустьевом мысу небольшой речушки (правого притока р. Пантелеиха) в местности Комарок – месте празднования Ысыаха (северный уступ Халарчинской тундры).

¹Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 28.

²Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 23.

³Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 23-24.

⁴Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 20-21, 30-31.

⁵Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 20-21, 30-31.

⁶Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 32.

⁷Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 24.

⁸Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 47, №80. Л. 5.

⁹Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 47.

¹⁰Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 22.

Здесь с поверхности террасы, разрушенной строительными работами, собраны 4 отщепа и 1 вкладыш. Стоянка Комарок II представлена 20 отщепами, а Комарок III – 3 отщепами и 2 пластинами¹. Скудность коллекции не позволила как-либо характеризовать данные стоянки.

Памятник Коньковая I находится на правом берегу р. Коньковая в 4 км к юго-востоку от фактории Становая. Найден всего 1 обломок плоского наконечника стрелы из сланца², поэтому определить точную культурную принадлежность стоянки не представляется возможным. Пока лишь можно в целом отнести его к каменному веку.

Памятник Коньковая II выявлена в 120 м от стоянки Коньковая I. Найлены 1 костяное шило, 29 фрагментов керамики, кости животных³. Принадлежность стоянки определена к сыалахской культуре раннего неолита и раннему железному веку.

Стоянка Котельническая I открыта в 1980 г. Приурочена к мысу, отделяющему озеро Большое Котельническое от озера Малое Котельническое. Стоянка обращена к большому озеру [Кистенев, 1990: 81]. Находками на стоянке стали 2 каменных изделия, 77 фрагментов керамики и 2 обломка кости. Стоянка отнесена к усть-мильской культуре.

Стоянка Котельническая II открыта в 1980 г. в 4 км юго-западнее стоянки Котельническая I. Здесь обнаружен один обломок кремниевое наконечника стрелы⁴, что не дает возможности как-либо характеризовать данный памятник. В целом, можно отнести к каменному веку.

Стоянка Край Леса, открытая в 1981 г. Колымским отрядом ПАЭ, расположена в одноименной местности на бечевнике р. Колыма. Коллекция включает в себя 1 заготовку из сланца, 1 средний отщеп из диабаз и 2 мелких отщепа из диабаз⁵. Памятник не датирован.

Стоянки Орбита I, II открыты в 1990 г. ПАЭ. Географически соответствуют телевизионной

станции «Орбита», на удалении 1,6 км восточнее от стоянки Пантелеиха IX и в 450-500 м западнее стоянки Комарок I. Располагается на 20-метровой коренной террасе р. Колыма на правом берегу. Коллекция находок включает 23 отщепа⁶, что не позволяет однозначно установить культурную принадлежность стоянок.

Стоянка Пантелеиха I, обращена к р. Пантелеиха и располагается у здания аэропорта. Всего обнаружено 997 каменных изделий и 159 фрагментов керамики⁷. Среди прочего обнаружены изделия из обсидиана и целый каменный топор, выполненный из гальки глинисто-кремнистого сланца. На стоянке найдены определяющие формы, такие как прямоугольные и подпрямоугольные скребки подтипов IA и IB, наконечники стрел вариантов IBa и IBb, которые в сочетании с керамикой дают основание судить о присутствии на стоянке комплексов сыалахской, белькачинской и ымыяхтахской неолитических культур, а также раннего железного века [Там же: 51]. Памятник взят на государственную охрану в 1976 г. В едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации указан как «стоянка Черский».

Стоянка Пантелеиха II расположена в 150–250 м от стоянки Пантелеиха I выше по течению реки. Среди 165 каменных изделий 12 орудий, 2 нуклеуса и 19 пластин⁸, по характеристикам которых памятник отнесен к неолиту.

Стоянка Пантелеиха III также удалена на 150–250 метров от стоянки Пантелеиха II. Артефакты представлены 54 каменными изделиями, среди которых 14 пластин и 8 орудий⁹. На стоянке Пантелеиха III обнаружены явно разновозрастные изделия [Там же: 55]. В целом стоянка отнесена к неолиту.

Стоянка Пантелеиха IV удалена на 150–250 м от стоянки Пантелеиха III, всего собрано 422 каменных изделия, 14 фрагментов керамики и 1

¹Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 40.

²Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 25.

³Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 25.

⁴Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 26.

⁵Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 23.

⁶Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 39.

⁷Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 41-42,45, №80. Л. 5-11.

⁸Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 42,45, №80. Л. 11-13.

⁹Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 47, №80. Л. 13-14.

железный нож¹. По характерным признакам стоянка отнесена исследователями к сумнагинской, белькачинской, ымыяхтахской культурам и раннему железному веку.

Стоянка Пантелеиха V удалена на 150–250 м от стоянки Пантелеиха IV. Всего собрано 55 каменных изделий, среди которых 1 нуклеус и 1 скребок, характерные для сумнагинской культуры.

Стоянка Пантелеиха VI удалена на 150–250 м от стоянки Пантелеиха V. Всего здесь собрано 39 изделий из камня². Точная культурная принадлежность не установлена, но мелкий конический нуклеус позволяет полагать о принадлежности стоянки к сумнагинской культуре.

Стоянка Пантелеиха VII отстоит от стоянки Пантелеиха VI на 150–250 м выше по течению реки. Коллекция памятника состоит из 79 каменных изделий³. Форма и способ обработки концевого скребка на пластине в сочетании с ножевидными пластинами и микропластиной свидетельствуют с большой долей вероятности о том, что стоянка Пантелеиха VII так же, как и две предыдущие, оставлена сумнагинцами [Кистенев, 1990: 60].

Стоянка Пантелеиха VIII находится на удалении 150–250 м от стоянки Пантелеиха VII. Всего здесь собрано 242 каменных изделия, среди которых 5 нуклеусов, 7 орудий и 30 ножевидных пластин⁴. Инвентарь определен как принадлежащий сумнагинской и ымыяхтахской культурам.

Стоянка Пантелеиха IX удалена от стоянки Пантелеиха VIII на 1,5 км и находится в конце взлётно-посадочной полосы, где ныне расположены карьерные выработки. Инвентарь состоит из 36 каменных изделий⁵. Невыразительность собранной коллекции не позволяет однозначно определить культурную принадлежность стоянки. В книге описей также фигурирует как Черский ГСМ в связи с близким расположением хранилища топлива рядом со стоянкой.

Стоянка Пирс описана как находящаяся на правом приустьевом мысу 20-метровой террасы р. Пантелеиха, в районе бывшего пирса. Сейчас борт террасы срезан вместе со всеми стоянками при строительстве ВПП аэропорта Черский. Всего здесь найдено 24 каменных изделия, среди которых 3 орудия и 4 ножевидные пластины [Мочанов 1977: 204–206]. Находки стоянки охарактеризованы как неолитические, при этом одно из орудий определено как сумнагинское.

Стоянка Погромное находится в одноименной местности на левом берегу Колымы в 3 км от с. Нижнеколымск. В переотложенном слое обнаружены 2 каменных орудия, 1 изделие из бивня мамонта, 1 халцедоновый отщеп, 2 отщепа из глинисто-кремнистого сланца, 2 термокола, 3 фрагмента керамики, 3 кости⁶. В связи со спорностью находок датировать стоянку без дополнительных исследований не представляется возможным.

Стоянка Родинка I обнаружена на правом берегу р. Пантелеиха в 17 км выше устья реки. Находки залежали прямо на раздернованной поверхности мыса террасы, где был заложен раскоп 3x4 метра. Инвентарь составил 314 каменных изделия и 10 фрагментов керамики⁷. Концевые скребки подтипов 1А и 1В, боковые скребки (тип 3), а также фрагменты шнуровой и вафельной керамики относятся к белькачинской и ымыяхтахской культурам среднего и позднего неолита. К сумнагинской культуре относятся концевые скребки с «ушками» и скребки на пластинчатых отщепах [Там же: 68].

Стоянка Родинка II находится на правом берегу р. Пантелеиха в 11 км ниже пос. Пантелеиха. Всего на стоянке обнаружены 42 каменных изделия, 24 фрагмента керамики, кости, 2 куса пемзы и 80 перламутровых бусин из раковин беззубок обыкновенных⁸. Памятник определен как относящийся к белькачинской и ымыяхтахской культурам.

¹Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 43,46, №80. Л. 19.

²Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 43,46, №80. Л. 19.

³Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 44,46, №80. Л. 19.

⁴Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №33. Л. 46, №80. Л. 20-21.

⁵Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №80. Л. 22.

⁶Фондохранилище ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Ф. XVI.

⁷Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 23-26, 33.

⁸Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 26-27, 33-34.

Стоянка Родинка III находится на правом берегу р. Пантелеиха в 14 км выше устья р. Пантелеиха, а стоянка Родинка IV – в 3 км ниже стоянки Родинка III. Малочисленность археологического материала (7 и 2 сланцевых отщепа)¹ не позволила отнести стоянки к какой-либо культуре.

Стоянка Родинка V расположена на правом берегу р. Пантелеиха, в 500 метрах ниже стоянки Родинка IV. Археологический материал собран на бечевнике реки, коллекция составила 71 каменное изделие и 18 фрагментов керамики. В числе находок 10 ножей, 4 наконечника и 1 топор², это позволило отнести стоянку к сылахской, белькачинской, ымыяхтахской культурам и к эпохе бронзы.

Стоянка Стадухинская I обнаружена ПАЭ в 1980 г. на левом берегу р. Колыма в районе Стадухинской протоки. Представлена 68 каменными изделиями и 51 фрагментом керамики³. С.П. Кистенев определил на стоянке присутствие сылахской, белькачинской и ымыяхтахской культур.

Стоянка Стадухинская II обнаружена на левом берегу р. Колыма в 100 м от стоянки Стадухинская I. Инвентарь состоит из 5 каменных изделий⁴. Памятник не датирован.

Стоянка Стадухинская III находится на левом берегу р. Колыма в 160 м от стоянки Стадухинская II. Инвентарь состоит из 5 каменных изделий и 24 фрагментов керамики⁵. Принадлежность стоянки определена сылахской, ымыяхтахской и усть-мильской культурами.

Стадухинский острог основан в 1644 г. во время похода Михаила Стадухина и Дмитрия Зыряна на Колыму как ясачное зимовье и острог. Являлся административным центром Нижней Колымы и частично Чукотки. В 1672 г. по просьбам жителей из-за частых наводнений поселение было перенесено на левый берег р. Колыма напротив устья р. Анюя на место современного с. Нижнеколымска [Кистенев, Строгова, 2003: 42]. Впервые обнаружен С.А. Федосеевой в 1959 г. С 1986 по 1992 гг. археологическая экс-

педиция Якутского государственного университета под руководством А.Н. Алексеева вела планомерные раскопки русских поселений на северо-востоке Якутии [Алексеев, 1996: 17], в том числе Стадухинского острога. Вскрытая площадь составила 284 кв. м. В коллекцию экспедиции вошло несколько тысяч изделий из дерева, кости, металла и камня. В 2009 г. в связи с эрозионным обрушением берега было принято решение провести спасательные работы. Спасательные раскопки на территории острога проводились экспедицией НПО «Северная археология-1» (г. Сургут) под руководством Г.П. Визгалова в 2010 и 2012 гг. Всего удалось исследовать 165 кв. м. Коллекция находок составила 1447 артефактов. В ней представлены монеты XVII и XVIII вв., деревянные шахматные фигурки, бусины, изделия из кожи и ткани, предметы рыбного промысла (грузила, сетевые поплавки), охотничий инвентарь (стрелы, наконечники стрел, детали сторожевых ловушек), фрагменты фарфоровой посуды и др. Костных останков собрано 9014 единиц [Сериков, Визгалов, Коноваленко, 2016: 35].

Стоянка Старые Петушки I, открытая А.П. Окладниковым, и стоянка Старые Петушки II, открытая Ю.А. Мочановым, автором, вслед за С.П. Кистеневым, будут рассматриваться как единый памятник «Старые Петушки». Стоянка расположена на правом берегу протоки Каменная, впадающей в Колыму примерно в 1 км выше по течению Колымы от с. Петушки. Основные находки были рассеяны по краю 12-метровой эрозионной террасы, полого спускающейся к югу до высоты 7 метров и обрывающейся скалистым уступом к бечевнику Колымы [Федосеева, 1980: 155]. Коллекция составила 121 каменный предмет и 1 фрагмент вафельной керамики⁶, по которой памятник отнесен к ымыяхтахской культуре.

Стоянка Фроловская I расположена на левом берегу р. Колыма, в 30 км к северу от пос. Колымское и 6 км к западу от р. Ванхотвеем в

¹Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 34.

²Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №39. Л. 35–36.

³Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 21.

⁴Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 22.

⁵Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 22.

⁶Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №80. Л. 24–25.

устье безымянного ручья. Сборы представлены 355 отщепами и одним точильным камнем¹, что не позволило датировать памятник.

Стоянка Фроловская II расположена на левом берегу р. Колыма в 120–160 м от стоянки Фроловская I. Обнаружено 9 отщепов². Памятник не датирован.

Стоянка Фроловская III расположена на левом берегу р. Колыма, в 120–160 м от стоянки Фроловская II. Характеризуется 20 изделиями из камня и 5 фрагментами сетчатой керамики³. По керамике стоянка определена относящейся к сылахской культуре.

Стоянка Фроловская IV расположена на левом берегу р. Колыма в 120–160 м от стоянки Фроловская III. Здесь собрана более внушительная коллекция из 336 отщепов, 12 ножевидных пластин, 12 вкладышей, 1 наконечника стрелы, 2 резцов, 2 скребков, 2 обломков ретушированных орудий, 25 фрагментов керамики⁴. Собранные материалы свидетельствуют о проживании на стоянке в сумнагинское, сылахское и белькачинское время.

Стоянки Четырехстолбовой I и II обнаружены в 1995 г. В ходе археологических изысканий обследовано 4 жилища и две стоянки. В общей сложности обнаружено 1626 предметов материальной культуры эпохи неолита и эскимосской культуры⁵. В настоящее время данная коллекция камерально не обработана.

Погребения Нижнеколымского района

Родинское погребение I обнаружено при раскопках стоянки Родинка II. У входа в нору американского суслика лежали бусы из створок раковин и костяное фаллосообразное изделие. Костяк был завернут в бересту и покоился на скальном основании террасы на глубине 60–64 см от дневной поверхности. Ориентирован костяк головой на восток, ногами к реке. Четкие контуры погребальной ямы в плане и разрезе не прослеживались [Кистенев, 1990: 70]. Погребальный инвентарь молодой женщины соста-

вил 173 предмета⁶, в том числе орудия охоты и предметы шаманского культа. Богатый и разнообразный инвентарь погребения позволил С.П. Кистеневу отнести погребение к поздним белькачинцам, которые имели контакты с ранними ымыяхтахцами [Кистенев, 1992].

Родинское погребение II открыто в 1981 г. через год после открытия первого погребения в той же местности. Антрополог Л.Ф. Томтосова определила останки как принадлежащие ребенку не старше 6 лет. Инвентарь составил 9 каменных отщепов, 7 бусин из створок раковин и 1 застёжку из бивня мамонта⁷. С.П. Кистенев отнес погребение к тому же периоду, что и первое [Там же].

Погребение Дуваный Яр. В статье М. Сикоры, В.В. Питулько, В. Суозы и др. «The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene» (2018) содержится информация о черепе человека возрастом 9800 лет, который обнаружили на опорном разрезе верхнеплейстоценовых отложений Колымской низменности в местности Дуваный Яр. Исследователи генетики выделили Y-хромосомную гаплогруппу, характерную для американских индейцев [Sikora, 2018: 184]. Применяя комплексные методы научного познания, исследователи сделали вывод о заселении Северо-Востока Сибири минимум тремя волнами переселенцев, где первая волна не оставила прямых потомков. Также делается предположение о формировании предков коренных американцев на Северо-Востоке Сибири.

Обсуждение и заключение. Результатом работы исследователей стали 52 обнаруженных памятника археологического наследия. Из них 9 памятников относятся к сумнагинской культуре, 7 – к сылахской, 10 – к белькачинской, 14 – к ымыяхтахской, 3 – к усть-мильской, 4 – к культурам раннего железного века и 1 памятник нового времени. 23 памятника не датированы из-за отсутствия в коллекции артефактов с маркерами, характерными той или иной культуре. Большинство памятников являются сме-

¹Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 17.

²Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 17.

³Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 18.

⁴Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №34. Л. 19–20.

⁵Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №75. Л. 1–17.

⁶Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №81. Л. 1–5.

⁷Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Книга описей №81. Л. 6.

шанными и содержат разновременные культуры. Составленная карта демонстрирует, что большинство из них компактно сгруппированы рядом друг с другом. Это говорит о экстенсивных перспективах изучения района. При этом стоит учитывать, что русла притоков Колымы не раз менялись, что затрудняет проведение разведочных и раскопочных работ в целом. Полевой сезон короче, чем в Центральной Якутии, транспортная инфраструктура в летний период представлена только водным и воздушным транспортом, а общая удаленность и финансовая затратность проведения таких исследований (в сравнении с другими регионами) требует от исследователей максимальной проработки поставленных целей и четкой реализации поставленных задач, чтобы за один сезон можно было провести наиболее полный цикл полевых работ.

Район имеет все перспективы углубления своей истории, уже полученные данные говорят о присутствии на Колыме всех основных приленских культур, что косвенно подтверждает предположение о возможном заселении района в более раннее время. Наиболее перспективные для изучения памятники Нижнеколымского района располагаются на небольшом удалении друг от друга. Это стоянки на правом берегу р. Колыма от Зеленого мыса до п. Пантелеиха, где в единых ландшафтно-географических условиях зафиксированы следы разных культур. На некотором удалении располагается другая группа памятников в окрестностях Стадухинской протоки, там же находится позднеплейстоценовый разрез Дуваный Яр с многочисленными выходами мамонтовой фауны.

Материалы настоящей статьи могут быть использованы для подготовки научных отчетов археологическими экспедициями, работающими в этом регионе, а также Департаментом по охране культурного наследия Республики Саха (Якутия) для обновления списка выявленных объектов археологического наследия и внесения памятников в ЕГРОКН.

Список литературы:

Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.

Дьяконов В.М. Карта археологических памятников Ленского района Якутии: новые материалы и уточнения к существующему списку // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. №2(19). С. 10–20.

Кистенев С.П. Древние стоянки левобережья Нижней Колымы (Халарчинская тундра) // Археология Якутии: Сборник научных трудов. Якутск, 1988. С. 98–104.

Кистенев С.П. Каменный век бассейна Нижней Колымы: Дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1990. 155 с.

Кистенев С.П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). Новосибирск: Наука, 1992. С. 68–82.

Кистенев С.П., Строгова Е.А. Древности zapолярной Колымы // Нижнеколымский улус: История. Культура. Фольклор. [Отв. ред. Е.П. Антонов]. Якутск: Бичик, 2003. С. 35–49.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Мочанов Ю.А. Исследование палеолита на Индигирке, Колыме и западном побережье Охотского моря // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 251.

Окладников А.П. История Якутской АССР (Якутия до присоединения к русскому государству). Т. I. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1955. 432 с.

Окладников А.П. Колымская экспедиция // КСИ-ИМК, 1947. Вып. 21. 76 с.

Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю, Восточному океану в продолжение восьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под началом флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 гг. СПб.: типография Шнора, 1802. 410 с.

Сери́ков Ю.Б., Визгалов Г.П., Коноваленко М.В. Каменные изделия Стадухинского острога на Нижней Колыме (Республика Саха (Якутия)) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №3 (34). С. 35–43.

Спектор В.Б. Четвертичные отложения Приморской низменности (Халлерчинская тундра) // Кайнозой Восточной Якутии: Сборник научных трудов. Якутск: Якут. фил. СО АН СССР. 1980. С. 87–97.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 1980-е – 1991 гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. №2 (31). С. 55–66.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 224 с.

Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*. 2019. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z> (дата обращения: 02.12.2020).

References:

Alekseev A.N. *Pervye russkie poselenija XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Jakutii* [The first Russian settlements of the 17th – 18th centuries. in the north-east of Yakutia]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996. 152 p. (In Russian)

D'jakonov V.M. Karta arheologicheskikh pamjatnikov Lenskogo rajona Jakutii: novye materialy i utochnenija k sushhestvujushhemu spisku [Map of archaeological sites of the Lensky district of Yakutia: new materials and clarifications to the existing list]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern journal of humanities]. 2017. №2(19). Pp. 10-20. (In Russian)

Fedoseeva S.A. *Ymyahtahskaja kul'tura Severo-Vostochnoj Azii* [Ymyahtakh culture of North-East Asia]. Novosibirsk: Science Publ., 1980. 224 p. (In Russian)

Kistenev S.P. Drevnie stojanki levoberezh'ja Nizhnej Kolymy (Halarchinskaja tundra) [Ancient sites of the left bank of the Lower Kolyma (Khalarchinskaya tundra)]. *Arheologija Jakutii: Sbornik nauchnyh trudov* [Archeology of Yakutia: Collection of Scientific Papers]. Yakutsk, 1988. Pp. 98-104. (In Russian)

Kistenev S.P. *Kamennyj vek bassejna Nizhnej Kolymy: Dis... kand. ist. Nauk* [Stone Age of the Basin of the Lower Kolyma: Dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Yakutsk, 1990. 155 p. (In Russian)

Kistenev S.P. Rodinskoe neoliticheskoe zahoronenie i ego znachenie dlja rekonstrukcii hudozhestvennyh i jesteticheskikh vozmozhnostej cheloveka v jekstremal'nyh uslovijah Krajnego Severa [Rodinskoe Neolithic burial and its significance for reconstruction of human artistic and aesthetic potential in the extreme conditions of the Far North]. *Arheologicheskie issledovaniya v Jakutii (Trudy Prilenskoj arheologicheskoy jekspedicii)* [Archaeological research in Yakutia (Proceedings of the Prilensk Archaeological Expedition)]. Novosibirsk: Science Publ., 1992. Pp. 68-82. (In Russian)

Kistenev S.P., Strogova E.A. Drevnosti zapoljarnoj Kolymy [Antiquities of the Polar Kolyma]. *Nizhnekolymskij ulus: Istorija. Kul'tura. Fol'klor. Otvetstvennyj redaktor E.P. Antonov* [Nizhnekolymsky Ulus: History. Culture. Folklore. Responsible editor by E.P. Antonov]. Yakutsk: Bichik Publ., 2003. Pp. 35-49. (In Russian)

Mochanov Ju.A. *Drevnejšie jetapy zaselenija chelovekom Severo-Vostochnoj Azii* [The earliest stages of human settlement in North-East Asia]. Novosibirsk: Science Publ., 1977. 264 p. (In Russian)

Mochanov Ju.A. Issledovanie paleolita na Indigirke, Kolyme i zapadnom poberezh'e Ohotskogo morja [Pa-

leolithic research on Indigirka, Kolyma and the western coast of the Okhotsk Sea]. *Arheologicheskie otkrytija 1971 goda* [Archaeological discoveries in 1971]. Moscow: Science Publ., 1972. Pp. 251. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Istorija Jakutskoj ASSR (Jakutija do prisoedinenija k russkomu gosudarstvu)* [The history of the Yakut ASSR (Yakutia before joining the Russian state)]. T. 1. Edition 2, addition and revision. Moscow - Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 432 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. Kolymskaja jekspedicija [The Kolyma Expedition]. *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii material'noj kul'tury* [Brief reports on reports and field research of the Institute for the History of Material Culture]. 1947. Release 21. 76 p. (In Russian)

Sarychev G.A. *Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po severo-vostochnoj chasti Sibiri, Ledovitomu morju, Vostochnomu okeanu v prodolzhenie vos'mi let pri geograficheskoi i astronomicheskoi morskoi jekspedicii, byvshej pod nachalom flota kapitana Billingsa s 1785 po 1793 gg* [The voyage of the fleet of Captain Sarychev in the northeastern part of Siberia, the Arctic Sea, the Eastern Ocean for eight years during the geographical and astronomical sea expedition, which was under the command of the fleet of Captain Billings from 1785 to 1793]. St. Petersburg: Shnor's typography, 1802. 410 p. (In Russian)

Serikov Ju.B., Vizgalov G.P., Konovalenko M.V. Kamennye Izdelija Stadhinskogo ostroga na Nizhnej Kolyme (Respublika Saha (Jakutija)) [Stone products of the Stadhinsky prison in the Lower Kolyma (Republic of Sakha (Yakutia))]. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Journal of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2016. №3 (34). Pp. 35-43. (In Russian)

Sikora M. et al. *Istorija naselenija severo-vostoka Sibiri s plejstocena* [The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene]. *Nature*. 2019. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z> (date accessed: 02.12.2020). (In English)

Spektor V.B. Chetvertichnye otlozhenija Primorskoj nizmennosti (Hallerchinskaja tundra) [Quaternary deposits of the Primorsky lowland (Hallerchinskaya tundra)]. *Kajnozoi Vostochnoj Jakutii: Sbornik nauchnyh trudov* [Cenozoic Eastern Yakutia: Collection of Scientific Papers]. Yakutsk: Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. 1980. Pp. 87-97. (In Russian)

Sulejmanov A.A. Akademija nauk SSSR i arheologicheskoe izuchenie arkticheskikh rajonov Jakutii v 1980-e – 1991 gg. [USSR Academy of Sciences and archaeological study of the Arctic regions of Yakutia in the 1980s - 1991]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern journal of humanities]. 2020. №2 (31). Pp. 55-66. (In Russian)

A.S. Yaglovskyi

Archaeological Sites of the Nizhnekolymsky Region

The article presents relevant data on the archaeological study of the Nizhnekolymsky region of the Republic of Sakha (Yakutia). Over the years, the area was studied by G.A. Sarychev, the members of the Dzhezupovskaya North-Pacific Expedition, political exiles V.I. Yokhelson and V.G. Bogoraz, Lena Historical and Archaeological Expedition led by A.P. Okladnikov, Prilenskaya Archaeological Expedition of the Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences led by Yu.A. Mochanov and S.A. Fedoseeva. The most complete study of the Lower Kolyma was carried out by the PAE employee Sergei Pavlovich Kistenev, who discovered the main part of its monuments. The result of the work was the clarification of the number of monuments up to 52 objects of archaeological heritage (sites, burials, fort) from the Late Paleolithic to the 17th century. The aim of the article is to compile an up-to-date map of objects of the archaeological heritage of the Nizhnekolymsky region, to systematize and classify the identified monuments and their material complexes. The source base of this study is the materials of the Prilenskaya Archaeological Expedition of the Arctic Scientific Center of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia). We used technical-typological, comparative research methods. The article provides a topical and updated list of the monuments of the Nizhnekolymsky region also gives their brief description, and compiled a map. Monuments are mainly found on the right bank of the Kolyma River in its lower course a tributary of the Panteleikha River, the Stadukhinskaya channel and in the Khalarhinskaya tundra. The monuments of different times contain materials from the Sumaginskaya, Syalakhskaya, Belkachinskaya, Ymyyakhthakhskaya and Ust-Milskaya Prilensk cultures, as well as cultural complexes of the early Iron Age and modern times.

Keywords: Yakutia, Kolyma, Stadukhinskaya, Panteleikha, Alazeya, Konkovaya, Bolshaya Kuropatochya, sites, burials, Stone Age

А.Д. Васильев

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.003
УДК 94(571.56)

Первый областной начальник Якутии И.Г. Кардашевский (1805–1816 гг.)

В начале XIX в. в ходе сибирских реформ первого генерал-губернатора Сибири И.О. Селифонтова Якутия была преобразована в область, которая функционировала довольно продолжительное время. С учреждением областного правления Якутский край получил новый административно-территориальный статус: к примеру, региону были вверены полномочия по составлению подрядов с якутами для эффективного провоза грузов на северо-восточные окраины империи, усовершенствована судебная часть и др.

Большую роль в учреждении областной формы управления в Якутии сыграл чиновник Иван Григорьевич Кардашевский, имевший значительный опыт службы в якутских учреждениях. С преобразованием якутской системы управления был апробирован и новый институт власти – областной начальник – председатель областного правления и главный по гражданской части в регионе. Данную должность первым занял упомянутый И.Г. Кардашевский, который в последующем являлся начальником более десяти лет.

Цель статьи – рассмотрение биографии И.Г. Кардашевского на основе вновь вводимых в научный оборот архивных источников.

© Васильев А.Д., 2021

Историческая наука на сегодняшний день не имеет специальных трудов по изучению жизни и деятельности первого якутского областного начальника, организатора областной формы управления на Северо-Востоке Российской империи, что придает выбранной теме высокую актуальность. Исследование основано на историко-биографическом методе.

В статье впервые в исторической науке подробно рассмотрены факты из биографии Ивана Григорьевича Кардашевского. Освещается его происхождение, имущественное положение, служебная карьера от подканцеляриста до начальника Якутской области, в которой якутский этап стал определяющим в продвижении по карьерной лестнице. Многолетний опыт статской службы в якутских учреждениях, руководство Якутским уездом, исполнительность и ответственность чиновника стали востребованными в разработке административной реформы Якутии (1805 г.) и в управлении региона на новой должности – областного начальника более десяти лет. Следовательно, наблюдалось высокое доверие российского правительства. Исследованы основные направления его деятельности на посту начальника, связанные с борьбой с социальными болезнями и стихийными бедствиями, улучшением коммуникации по Охотскому тракту, обустройством Якутской казачьей команды и др. Дана характеристика личности управленца в контексте провинциального чиновничества Сибири начала XIX в. Анализируются причины увольнения Ивана Григорьевича Кардашевского с должности начальника области, рассматривается его дальнейшая судьба после отставки.

Ключевые слова: И.Г. Кардашевский, областной начальник, биография, управление, Якутская область, Сибирь, Российская империя

Введение. Россия в первой половине XIX в. в административном отношении состояла из губерний и областей. Последняя учреждалась исключительно на окраинах государства и имела свою специфику в организации управления с учетом географических, социально-экономических и других особенностей регионов.

Так, в 1805 г. Якутия получила новый административно-территориальный статус – область. В г. Якутске было образовано областное правление, которому были вверены полицейские, финансовые и судебные функции. Во главе нового правления был поставлен областной начальник. Это был новый институт власти в управленческой практике российского правительства, который в последующем продолжал учреждаться исключительно на окраинах Российской империи. Начальник Якутской области непосредственно подчинялся иркутскому гражданскому губернатору и сибирскому генерал-губернатору. В 1852 г. область стала существовать на правах губернии, во главе которой находился гражданский губернатор, а Якутия была освобождена от зависимости Иркутской губернской администрации. Однако областная форма управления в Якутском крае продолжала функционировать еще довольно длительное время, вплоть до начала XX в.

Одним из востребованных направлений в современной исторической науке является исследование

персоналий, к примеру, представителей царской власти, которые долгое время не рассматривались или не являлись объектом специального исследования историков. В этом отношении высокую актуальность для изучения имеет жизнь и деятельность первого областного начальника Якутии И.Г. Кардашевского (1805–1816 гг.), одного из организаторов упомянутой новой формы управления на Северо-Востоке государства, прослужившего в должности начальника более десяти лет.

Материалы и методы. Исследование жизни и деятельности И.Г. Кардашевского проводилось лишь фрагментарно и рассматривалось в контексте других специальных исследований в трудах И.С. Москвина [Москвин, 1864], В.Л. Приклонского [Приклонский, 1896], П.П. Явловского [Явловский, 2004], Л.Г. Левенталь [Левенталь, 1929], Ф.Г. Сафронова [Сафронов, 1993], А.А. Калашникова [Якутия..., 2002] и др., в которых затрагиваются лишь некоторые факты из биографии областного начальника. Наиболее подробно биография И.Г. Кардашевского была освещена в работе якутского купца И.С. Москвина, которая была опубликована после его смерти.

Исследование основано на историко-биографическом методе (реконструкция процесса формирования и развития личности областного начальника И.Г. Кардашевского).

Основными историческими источниками при изучении представленной темы являются архивные документы, обнаруженные в фондах Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива военно-морского флота (г. Санкт-Петербург), в частности, формулярные списки и делопроизводственные документы.

Результаты. Иван Григорьевич Кардашевский является уроженцем Малороссийской (с 1802 г. Полтавской) губернии, дворянином, помещиком повета Переяславской. В 1821 г. он владел имением с 20-ю ревизскими душами¹. Согласно документу, в 1801 г. ему было 36 лет, соответственно годом рождения можно предположить 1775 г.² Предполагается, что его отцом являлся секретарь Переяславского нижнего земского суда, титулярный советник (1796) Григорий Кардашевский [Месяцеслов..., 1796, с. 391]. В формулярном списке написано, что он был женат, сведений про наличие детей не имеется³.

Иван Кардашевский свою служебную деятельность начал с Переяславской канцелярии, где был определен подканцеляристом 5 марта 1775 г. Позже, 8 апреля 1778 г., он был произведен в полковые канцеляристы. 26 ноября 1781 г. Кардашевский вступил в Переяславский казачий полк со званием значкового товарища, а уже через 6 лет, 24 мая 1787 г., был уволен с военной службы в звании корнета. Затем Иван Кардашевский переводится на статскую службу в Сибирь, где в последующем, как он сам писал, жил и трудился 26 лет. Здесь 21 декабря 1789 г. он был определен заседателем 1-го департамента Иркутского нижнего надворного суда. 1 марта 1792 г. Кардашевский отправляется в Якутию, а именно в виллюйский регион, где был определен земским комиссаром Оленского земского суда, 31 декабря 1793 г. его производят в чин титулярного советника (IX класс) [Там же]. По сведениям Ф.Г. Сафронова, Иван Кардашевский во время службы на виллюйской земле «довольно близ-

ко сошелся с якутами и при крещении некоторые из них принимали его фамилию» [Сафронов, 1993, с. 38].

15 июля 1797 г. Иван Григорьевич Кардашевский назначается заседателем Олекминского земского суда, а 27 февраля 1800 г. производится в коллежские асессоры (VIII кл.) и определяется городничим вновь образованного Якутского уезда⁴. Согласно данным И.С. Москвина, И.Г. Кардашевский перед определением в данную должность был виллюйским городничим. Однако в его формулярном списке об этом ничего не написано [Москвин, 1863, с. 198].

В 1800 г. первая Якутская область, которую возглавляли областные коменданты, упразднилась, был учрежден Якутский уезд, где стал начальствовать городничий. Кардашевскому в бытность якутским городничим приходилось заниматься приведением дел в «должной порядок запущенных бывшими в Якутске областными комендантами»⁵.

Одним из крупных мероприятий И.Г. Кардашевского за время его службы на посту якутского городничего считается обеспечение палатками и снабжение отряда военных моряков под руководством капитан-лейтенанта В.Я. Башуцкого, направлявшегося в Охотск в 1802 г. За эту деятельность Кардашевский получил от министра внутренних дел В.П. Кочубея «благоволение» императора Александра I, а от морского министра – благодарность⁶.

В 1803 г. Иван Григорьевич Кардашевский в связи с предстоящим административным преобразованием Якутского края был уволен в отпуск на 4 месяца (с 28 февраля по 28 июня) с целью поездки в Санкт-Петербург⁷. И.С. Москвин пишет, что «Кардашевский списался со знакомыми в Петербурге, узнал положительно о проекте и попросился на 4 месяца в отпуск. Получив таковой и не дождавшись распоряжения, кому сдать обязанность, передал ее уездному судье Сысолятину, и 1-го декабря отправился из Якут-

¹Российский государственный исторический факультет (РГИИ). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 50-51; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 11 об.

²РГИИ. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 471. Л. 74-75.

³РГИИ. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 50.

⁴РГИИ. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 50-51.

⁵РГИИ. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 29.

⁶Там же. Л. 25 об.

⁷РГИИ. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974. Л. 50.

ска в Петербург. Имея состояние и будучи человеком умным и кротким, он, посредством протекции, вошел в сношение с лицами, рассматривавшими проект, который и доверили ему просмотреть и изменить, что нужно было по тогдашнему времени» [Москвин, 1863, с. 199]. Позже отпуск был продлен еще на 4 месяца¹. Таким образом, в разработке предстоящей реформы участвовал местный управленец, имевший управленческий опыт.

Далее Москвин отмечает, что И.Г. Кардашевский в столице познакомился с губернским секретарем Федором Михайловичем Пономаревым – «человеком добросовестным и умным» – и пригласил его на службу в Якутию, в должность секретаря вновь открывавшегося Якутского областного правления. Позже Пономарев был определен ассессором, а затем и советником областного правления» [Москвин, 1863, с. 200].

6 августа 1803 г. И.Г. Кардашевский получил звание надворного советника (VII класс). Спустя ровно месяц он был назначен не в Якутию, где занимал должность якутского городничего, а в г. Иркутск в качестве советника Иркутского губернского правления, где ему впоследствии были поручены дела по подрядам с якутами по перевозке казенных грузов в Охотск, что явилось для него неким испытанием перед определением в новую должность в г. Якутске. За успешную реализацию данной задачи он получил признательность Сибирского генерал-губернатора И.О. Селифонтова и был определен первым якутским областным начальником, председателем областного правления [Васильев, 2020, с. 53]. 22 апреля 1805 г. был издан указ Александра I, согласно которому Якутия получила статус области: «По великому пространству, разделяющему Якутский край от Главного губернского начальства, дабы доставить обывателям сего края более удобства как в суде и расправе, так и в других отношениях их к начальству, учредить в городе Якутске особенное гражданское правление, под именем Якутского областного правления...», во главе правления стоял областной начальник².

15 ноября 1805 г. Кардашевский предписал членам Якутского уездного суда перед открытием Якутского областного правления «прибыть ко мне в дом для объяснения, каким порядком должен составлен быть обряд важности сего происшествия приличным». «Торжественное открытие» правления состоялось 19 ноября 1805 г.³ Согласно штату от 1805 г., жалованье областного начальника было 2000 руб. в год, столовых не предусматривалось⁴.

Среди приоритетных задач нового правления, где председательствовал областной начальник, являлись «подряды, заготовления, перевозки...», связанные со снабжением северо-восточных окраин Российской империи, и именно поэтому И.Г. Кардашевскому перед определением в должность начальника Якутской области были поручены дела по подрядам с якутами для перевозки казенных грузов в Охотск. В связи со сложностью доставки грузов из-за трудности передвижения по Охотскому тракту одним из крупных мероприятий И.Г. Кардашевского за время его начальства являлась организация поселений вдоль тракта, которая была запланирована еще в 1783 г., но так и не была реализована. В 1807 г. было решено возобновить данную задумку. Вследствие предпринятых мероприятий возникли населенные пункты Мас-Апчинское и Хочудинское у р. Алдан, Чернолесское, Улуннахское, Алысардахское, Аллах-Юнское, Юдомо-Крестовское, а также Мулуканское, Метинское и Медвежьеголовское. Генерал-губернатор Сибири И.Б. Пестель высоко оценил вклад Ивана Кардашевского в заселение тракта [Васильев, 2020, с. 56].

Охотский тракт оставался единственным путем сообщения, соединяющим г. Иркутск с северо-восточными окраинами Российской империи. В 1812 г. из-за сложности содержания был расформирован батальон, который был организован в 1799 г. на Камчатке для безопасности границ от внешней угрозы. В 1809 г. батальон состоял из 672 человек [Ремнев, 2004, с. 104]. В результате упразднения некоторая часть личного состава была зачислена в камчатские каза-

¹Там же.

²Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. I. 1805. Т. XXVIII. № 21726.

³Национальный архив РС (Я) (НА РС (Я)). Ф. 181-и. Оп. 2. Д. 13. Л. 1-5.

⁴ПСЗРИ. Собр. I. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. № 24985.

ки, другая отправлена в г. Иркутск, активное участие в этом принял И.Г. Кардашевский. Якутский областной начальник оказал помощь в отправлении воинских служителей: «доставлением им спокойного проследования и убеждением частных лиц на снабжение их всем нужным для столь дальнего и затруднительного пути, без чего казна должна была употребить значительные издержки»¹.

В начале мая 1807 г. в г. Якутске произошло сильное наводнение, в результате которого были затоплены частные дома, казенные здания, подверглись опасности продовольственные товары. Отмечается, что Кардашевский «благоразумными мерами и личными повсюду распоряжениями, не токмо все частные и казенные здания охранены от всякого повреждения, но и самое казенное имущество спасено без малейшего ущерба» [Там же]. В статье неизвестного автора «Г.Д.», посвященной упомянутому наводнению, отмечается роль начальника Якутской области И.Г. Кардашевского в борьбе со стихийным бедствием: «достойный человек, которому город во время описанного мною наводнения обязан чрезвычайными пособиями» [Письмо..., 1808, с. 21].

Одной из главных заслуг первого областного начальника является борьба с социальными заболеваниями в Якутии. Кардашевский проделал большую работу по оспопрививанию населения. 20 марта 1807 г. якутские головы и князцы касательно вакцинации коренных народов писали: «...в городе и округе немалому количеству ясашиным привита упомянутая коровья оспа, чрез что учинившие прививку, избегав открывшейся ныне натуральной человеческой оспы, сохранили себя и от неприятных оной следствий (так как натуральная оспа в здешнем краю всегда и в особенности в якутском народе бывает губительна) потому, что заразившиеся оной большею частию умирают...». Представители якутской родовой знати благодарили И.Г. Кардашевского, выражали признательность за «...попечительным распоряжением и первым внушениям вашим нам, в полезном действии коровьей оспы...»².

В 1811 г. российское правительство решило учредить орган власти, который бы исполнял и контролировал вакцинацию. 3 мая 1811 г. вышел указ «о распространении прививания коровьей оспой в губерниях», на основании которого в столицах и в губерниях были организованы оспенные комитеты. Председателями могли быть представители различных должностей: губернатор, вице-губернатор, предводитель губернского дворянства, член из духовенства и др. [Золотухин, 2016, с. 99]. В том же году в Якутии был учрежден оспенный комитет в доме областного начальника И.Г. Кардашевского на его личные средства, где он сам был определен председателем. «Спасительное средство» было распространено по всей области³.

Другой заботой Ивана Кардашевского являлось курирование Якутской казачьей команды, которая находилась в бедственном состоянии. Кардашевский представлял, что «тамошние казаки пешие и конные, получая жалованья и на фураж от 4 до 7 рублей и не имея в отводе от казны сенокосных земель, дошли до крайней бедности». В связи с тем якутские казаки «просили в сравнение с прочими сибирскими казаками отвести им лежащие по близости города Якутска острова: Хатыстах, Тоён-арыы и Кобден» общей площадью 285 десятин. Однако в связи с тем, что острова были «отведены под выгон Якутску, и утверждены оному в двухверстную пропорцию межевым Сената департаментом, то по заключению Казенной экспедиции просьба казаков осталась без удовлетворения»⁴.

Якутский областной начальник настаивал на предоставлении якутским казакам сенокосных мест. Кардашевский, уже вторично описывая крайне бедственное положение местных казаков, просил на 130 якутских казаков отвести сенокосные места на островах Большое и Малое Хохче, а также на Тегерчир (всего 13 десятин), которые являлись никому не назначенными и состояли в казенном ведомстве. Кроме того, ссылаясь на указ Правительствующего Сената от 27 марта 1773 г. о казаках, служащих при Иртышской линии, на основании которой велено наде-

¹РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 26.

²Там же. Л. 17 об.-19 об.

³Там же. Л. 26 об.

⁴РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 182. Л. 2-3.

лить им на каждый мужской пол по 6 десятин земель, и отмечая действие данного положения среди иркутских казаков, просил об отведении на 130 якутских казаков 780 десятин земель¹.

Деятельность областного начальника этим не ограничивалась и не заканчивалась. И.С. Москвин отмечает, что это был «человек добрый и хлебосол», который «в управление свое, сколь мог, отстаивал область...». На фоне развития злоупотреблений сибирского чиновничества в начале XIX в. данный автор отмечает, что И.Г. Кардашевский во взяточничестве особо не был замечен. «Главной слабостью» в управлении считалось то, что он отстаивал своих чиновников, несмотря на их «проделки». Однако в результате все же приходилось ему «их сменить и нарядить над ними следствие» [Москвин, 1864, с. 200].

Управление отдаленным краем не обошлось без конфликтных ситуаций с различными уровнями сибирской власти, как и наблюдалось в течение первой половины XIX в. И.Г. Кардашевский имел столкновение с вышестоящим иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным. Иркутский губернатор «не возлюбил Кардашевского за то, что он и умный Пономарев отвергали его проекты, дельные и полезные для Иркутска по местности, но вредные для Якутска, по той же самой причине», – считает упомянутый автор [Там же].

В 1810 г. представители городского населения просили у высшего начальства «оставить навсегда в Якутске начальником» И.Г. Кардашевского². Российское правительство пыталось убедить его оставаться в данной должности³. Однако 1816 г. для Кардашевского стал последним в Якутии. При увольнении областного начальника бургомистр, ратманы, якутские купцы и мещане выразили ему благодарность за время управления областью: «С самого начала управления вашего высокоблагородия Якутской области видели мы в особе вашей попечительного о благосостоянии нашем начальника, благоде-

ля, миротворца и отца. Более десяти лет счастья мы имели быть под достойною протекцией вашей, и жизнь наша протекала во блаженстве! Бедные получали от вас пропитание, покров и одежду, словом сказать, не было у нас подобного благодетеля... ..желаем усерднейше вашему высокоблагородию здоровья и счастья, от господ сил, по закону которого направлено течение ваше! И приносим вашему высокоблагородию за благодетельное начальствование всепокорнейшую благодарность, которой чистая душа ваша от чувствительных сердец достойна»⁴.

На пост областного начальника был определен М.И. Миницкий, начальник Охотского порта, а до его приезда с 8 июня 1816 г. временно управляющим областью был определен советник Якутского областного правления А.Н. Ачкасов⁵.

Причинами увольнения И.Г. Кардашевского являлись: 1) проблемы со здоровьем в результате сурового сибирского климата, продолжительной служебной деятельности и преклонности лет; 2) «неполучение никаких наград» за время управления областью. Несмотря на то, что перед увольнением, в 1816 г., ему была вручена бронзовая медаль «В память Отечественной войны 1812 года» для ношения на владимирской ленте в петлице, особое значение придавалось отсутствию повышения в чине. И.Г. Кардашевский в звании надворного советника находился с самого 1803 г. В 1812 г. Иркутский гражданский губернатор в своем отчете, подаваемом Министерству полиции, писал о необходимости повышения И.Г. Кардашевского в чин коллежского советника (VI класс). В 1814 г. это отмечали и в более высших инстанциях: так, генерал-губернатор Сибири И.Б. Пестель писал в адрес Правительствующего Сената. Однако И.Г. Кардашевский так и не получил продвижения по чину. Одной из причин считалось то, что его подозревали причастным к делу иркутских питейных сборов откупщика Передовщикова. 5 февраля 1819 г. Государственный Совет объявил о невинности Ивана Кардашевского⁶.

¹Там же. Л. 3.

²РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 23.

³Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 4.

⁴РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 23.

⁵РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1826. Д. 448. Л. 16 об.-17.

⁶РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 5 об.-6; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 28-28 об., 43.

И.Г. Кардашевский «уповал остаток жизни провести в спокойствии» и возвратился в 1818 г. на свою родину в Полтавскую губернию. В повете Переяславской¹, как уже отмечалось, в 1821 г. его имение состояло лишь из 20-и ревизских душ. Перед его увольнением генерал-губернатор Сибири И.Б. Пестель отмечал в своем письме в адрес морского министра И.И. де Траверсе, что требуется оформить Кардашевскому полное пенсионное обеспечение, т. е. 2000 руб. в год по окладу якутского областного начальника, но безрезультатно². Москвин пишет, что из-за безысходности положения и скудного состояния И.Г. Кардашевский просил поддержать его в материальном плане в виде долга у якутских купцов и чиновников [Москвин, 1864, с. 201].

После объявления Государственного Совета Иван Кардашевский, «собрав последние силы и возможности», прибыл в столицу и написал в адрес двух бывших сибирских генерал-губернаторов просьбу о том, чтобы те ходатайствовали о формировании пенсии ему по окладу якутского областного начальника (2000 руб.). Первый ответил тем, что Кардашевский не руководил областью при нем, а второй отказывался из-за того, что он больше не управляет Сибирью³.

В результате в декабре 1821 г. он решился обратиться к самому императору Александру I. В это время он проживал в доме Владимирского народного училища. Дело было передано Сибирскому комитету, где, рассмотрев его просьбу, было решено произвести его в чин коллежского советника (VI класс) и оформить пенсионное обеспечение не по званию надворного советника (VII класс), а в соответствии с новым чином, размер которого соответствовал окладу армейского полковника (VI класс). Император поддержал⁴.

Обсуждение и заключение. Иван Григорьевич Кардашевский являлся опытным сибирским управленцем, чей опыт был востребован при организации новой формы управления на Северо-Востоке России. Именно в Якутии он построил свою служебную карьеру и именно Якутии посвятил большую часть своей профессиональной деятельности вплоть до ее окончания. Это был

отличный исполнитель, при котором были реализованы многие мероприятия общегосударственного и регионального значения, а также управленец, чья деятельность была направлена на благополучие населения области, о чем свидетельствуют приведенные нами данные.

Список литературы:

Васильев А.Д. Проблемы снабжения Тихоокеанского побережья и пути их решения якутскими областными начальниками (первая половина XIX в.) // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 50-62.

Золотухин П.С. Правовое регулирование оспенных комитетов в России начала XIX века // Таврический научный обозреватель. 2016. № 8. С. 98-102.

Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 4. С. 221-448.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб.: Имп. Академия наук, 1796. 464 с.

Москвин И.С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб.: Типография В. Безобразова и ком., 1864. С. 165-202.

Письмо к издателю // Вестник Европы [Изд. В. Жуковский]. М.: 1808. № 5. С. 18-23.

Приклонский В.Л. Летопись Якутского края. Красноярск: Енис. губ. тип., 1896. 226 с.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2004. 552 с.

Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск: Ситим, 1993. 56 с.

Явловский П.П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени (1801-1914 гг.). Якутск: Якутский край, 2004. Т. 2. 353 с.

Якутия. Хроника. Факты. События. 1632-1917 / Сост. А.А. Калашников. Ч. 1. Якутск: Бичик, 2002. 504 с.

References:

Jakutija. Hronika. Fakty. Sobytija. 1632-1917 [Yakutia. Chronicle. Facts. Events. 1632-1917. Comp. by A.A. Kalashnikov]. Part 1. Yakutsk: Bichik Publ., 2002. 504 p. (In Russian)

¹Там же. Л. 27-28.

²РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 600. Л. 6 об.

³РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 95. Л. 28 об.

⁴Там же. Л. 11-12 об., 42-43 об., 47-47 об.

Javlovskij P.P. *Letopis' goroda Jakutskaja ot osnovani-ja ego do nastojashhego vremeni (1801-1914 gg.)* [Chronicle of the Yakutsk city from its foundation to the present time (1801-1914)]. Yakutsk: Yakutsk Territory Publ., 2004. Volume II. 353 p. (In Russian)

Levental L.G. Podati, povinnosti i zemlja u jakutov [Taxes, duties and land for the Yakuts]. *Materialy po obychnomu pravu i po obshhestvennomu bytu jakutov* [Materials on customary law and social life of the Yakuts]. Leningrad: AN USSR Publ., 1929. T. 4. Pp. 221-448. (In Russian)

Mesjaceslov s rospis'ju chinovnyh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Hristova 1796 [Months with the list of officials in the state for the summer from Christmas 1796]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1796. 464 p. (In Russian)

Moskvin I.S. Voevody i nachal'niki g. Jakutskaja i ih dejstvija [Voevods and chiefs of the Yakutsk city and their actions]. *Pamjatnaja knizhka Jakutskoj oblasti za 1863 god* [Commemorative book of the Yakutsk region for 1863]. St. Petersburg: Tipografija V. Bezobrazov's printing house and company, 1864. Pp. 165-202. (In Russian)

Pis'mo k izdatelju [Letter to the publisher]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. Publ. V. Zhukovskij. Moscow: 1808. № 5. Pp. 18-23. (In Russian)

Priklonskij V.L. *Letopis' Jakutskogo kraja* [Chronicle of the Yakutsk Territory]. Krasnoyarsk: Yenisei provincial printing, 1896. 226 p. (In Russian)

Remnev A.V. *Rossija Dal'nego Vostoka. Imperskaja geografija vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperial geography of power in the 19th - early 20th centuries]. Omsk: Omsk University Publ., 2004. 552 p. (In Russian)

Safronov F.G. *Dorevoljucionnye nachal'niki Jakutskogo kraja* [Pre-revolutionary chiefs of the Yakutsk Territory]. Yakutsk: Sitim Publ., 1993. 56 p. (In Russian)

Vasiliev A.D. Problemy snabzhenija Tihookeanskogo poberezhija i puti ih reshenija jakutskimi oblastnymi nachal'nikami (pervaja polovina XIX v.) [Problems of supply of the Pacific coast and ways to solve them by the Yakut regional chiefs (first half of the 19th century)]. *Rossija i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region]. 2020. № 2. Pp. 50-62. (In Russian)

Zolotuhin P.S. Pravovoe regulirovanie ospennyh komitetov v Rossii nachala XIX veka [Legal regulation of smallpox committees in Russia in the early 19th century]. *Tavriceskij nauchnyj obozrevatel* [Tavrichesky scientific observer]. 2016. № 8. Pp. 98-102. (In Russian)

A.D. Vasiliev

The First Regional Head of Yakutia I.G. Kardashevsky (1805–1816)

Yakutia was transformed into a region at the beginning of the XIX century during the Siberian reforms of the first governor-general of Siberia I.O. Selifontova and functioned for quite a long time. With the establishment of regional government the Yakutsk territory received a new administrative-territorial status: for example, the region was entrusted with the authority to draw up contracts with the Yakuts for the efficient transportation of goods to the northeastern outskirts of the empire and also the judicial system was improved, etc.

Ivan Grigorievich Kardashevsky played an important role in the establishment of the regional form of government in Yakutia, who had considerable experience in serving in Yakut institutions. With the transformation of the Yakut management system a new institution of power was tested – the regional chief – the chairman of the regional board and the chief for the civilian part in the region. This position was first occupied I.G. Kardashevsky who later served as the boss for more than ten years.

The purpose of the article is to review the biography of I.G. Kardashevsky based on newly introduced archival sources into scientific circulation.

The historical science today does not have special works on the study of the life and work of the first Yakut regional head the organizer of the regional form of government in the North-East of the Russian Empire which makes the chosen topic highly relevant. The research is based on the historical and biographical method.

For the first time in historical science the article examines in detail the facts from the biography of Ivan Grigorievich Kardashevsky. It covers his origin, property status, career from sub-clerk to the head of the Yakutsk region in which the Yakut stage became decisive in moving up the career ladder. The many years of experience of the civil service in Yakut institutions the leadership of the Yakutsk district, the diligence and responsibility of an official became in demand in the development of the administrative reform of Yakutia (1805) and in the administration of the region in a new position – the regional head for more than ten years. Consequently, there was high confidence in the Russian government. It was

investigated the main directions of his activities in the post of chief related to the fight against social diseases and natural disasters, improving communication along the Okhotsk tract, arranging the Yakut Cossack team, etc. Characteristics of the personality of a manager are given in the context of the provincial bureaucracy of Siberia at the beginning of the XIX century. The reasons for the dismissal of Ivan Grigorievich Kardashevsky from the position of the head of the region are analyzed and his further fate after his resignation is considered.

Keywords: I.G. Kardashevsky, regional chief, biography, management, Yakutsk region, Siberia, Russian Empire

А.А. Сирина

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.004

УДК 396(=512.212)

Эвенкийка Павла Васильевна Афанасьева в научной жизни С.М. Широкогорова и Г.М. Василевич*

Статья посвящена научному сотрудничеству классиков тунгусоведения Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939) и Глафиры Макарьевны Василевич (1895–1971) с эвенкийкой Павлой Васильевной Афанасьевой (1896–1968).

Целью статьи является введение в историю тунгусоведения имени эвенкийской учительницы П.В. Афанасьевой.

Статья написана на основе новых материалов из государственных и частных архивов. Работы и идеи С.М. Широкогорова оказали влияние на выбор научных тем и подходов Г.М. Василевич, с уважением относившейся к научному наследию своего предшественника. В статье показаны различия в их подходах к созданию эвенкийского литературного языка и письменности. Широкогоров и Василевич никогда не встречались, однако эвенкийке Павле Васильевне Афанасьевой из Хабаровского края посчастливилось поработать сразу с двумя этими выдающимися учеными. С.М. Широкогоров познакомился с ней, работая в Маньчжурской экспедиции 1915–1917 гг., он готовил ее к этнографической и фольклорной работе. Позже в Ленинграде она помогала Г.М. Василевич как информант в сфере лингвистики при составлении эвенкийско-русского словаря. Таким образом, оба ученых способствовали сохранению культурного наследия эвенков и формированию национальной эвенкийской интеллигенции. Делается вывод о том, что, несмотря на социальные революции начала XX в. и связанные с ними разрывы, преемственность в российском тунгусоведении сохранялась, в т. ч. благодаря эвенкам.

Ключевые слова: история сибирской этнографии, С.М. Широкогоров, Г.М. Василевич, МАЭ, эвенкийка П.В. Афанасьева, преемственность российского тунгусоведения

Введение. Процесс привлечения народов Сибири к изучению своего языка, фольклора и культуры происходил в России, начиная с первой половины XIX в. Благодаря проводимой в СССР национальной политике, коренные народы получали образование. Из их среды выходили писатели и поэты, авторы литературных произведений, часто автобиографического характера. Они также становились учеными, авто-

рами научных монографий и статей, прежде всего в сфере языка и фольклора, а позднее и этнографии. Аборигенная наука стала международным феноменом, однако именно в СССР и в постсоветской России это явление проявилось особенно ярко [Balzer, 1995].

Цель статьи состоит в том, чтобы познакомить научное сообщество тунгусоведов с талантливой эвенкийской учительницей Павлой

*Автор благодарит Светлану Андреевну Удыгир за предоставленные фотографии Павлы Васильевны Афанасьевой. Также выражает признательность Надежде Яковлевне Булатовой.

© Сирина А.А., 2021

Васильевной Афанасьевой, ставшей корреспондентом МАЭ и информантом, деловым партнером и, возможно, другом выдающихся ученых, классиков российского тунгусоведения С.М. Широкогорова и его супруги Е.Н. Широкогоровой, а позже и Г.М. Василевич. П.В. Афанасьева сыграла роль одного из связующих звеньев, которые соединили прерванные в результате революции 1917 г. научные связи и традиции. Образно говоря, знакомство Г.М. Василевич с П.В. Афанасьевой стало своеобразным приветом и научным завещанием С.М. и Е.Н. Широкогоровых.

Материалы и методы. Данная статья появилась как один из результатов работы над научно-исследовательским проектом по переводу книги С.М. Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов» [Широкогоров, 2017]. Она основана на материалах из государственных и частных архивов: Санкт-Петербургского архива РАН, фондов Амурского краеведческого музея и из архива независимого исследователя Г. Гейне, любезно предоставившего копию письма С.М. Широкогорова.

Результаты. Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939) и Глафиру Макарьевну Василевич (1895–1971), несмотря на гендерные и социальные различия, объединяла страсть к научным исследованиям тунгусов (эвенков), способности к изучению языков. Они оба стали классиками тунгусоведения благодаря своим замечательным трудам и их влиянию на последующие поколения ученых.

С.М. Широкогоров прожил короткую, насыщенную радостями творчества и счастливого супружества, жизнь (52 года), вместившую в себя учебу во Франции, работу в отделе антропологии Музея антропологии и этнографии АН в Петербурге/Петрограде, три экспедиции к восточным группам тунгусов-орочонов и маньчжуров, включая Маньчжурскую (1915–1917), преподавание во Владивостоке, вынужденную эмиграцию в Китай, где он читал лекции в разных университетах, в т.ч. с 1930 г. в университете Цинхуа в Пекине, и написал ряд фундаментальных трудов по социальной организации и шаманству тунгусов и маньчжуров, составил первый диалектный тунгусско-русский словарь [Ревуненкова, Решетов, 2003].

Г.М. Василевич всю свою жизнь отдала советской науке и тунгусоведческим исследовани-

ям, постоянно выезжала в долговременные экспедиции к разным группам эвенков, изучала язык, написала целый ряд уникальных по этнографическому содержанию монографий и статей, составила словари и сборники, воспитала несколько поколений лингвистов [Ермолова, 2003]. Её огромное творческое наследие еще предстоит изучить.

Так случилось, что ученые не встретились при жизни. Широкогоров жил в Китае и не стремился в СССР, но из Китая внимательно следил за публикациями по специальности. Ученые знали друг друга по статьям и книгам, по собранной коллекции.

Первую половину своей научной жизни Г.М. Василевич занималась практической лингвистикой. В 1930-е гг. Г.М. Василевич принимала непосредственное участие в создании эвенкийской письменности, эвенкийско-русских и русско-эвенкийских словарей, учебников. Эта работа была новаторской, ограниченной жесткими временными и идеологическими рамками. С.М. Широкогоров критически откликнулся на проект эвенкийской письменности (на латинице до 1937 г.), научная основа которого была подготовлена Г.М. Василевич, и вообще на советский проект в отношении тунгусских народов. Сергей Михайлович обратил внимание на политические и лингвополитические причины создания эвенкийской письменности, считая, что эвенкийский литературный язык не имеет будущего. В стандартизации эвенкийского языка он видел игнорирование диалектов и на этом основании называл грамматику эвенкийского письменного языка «грамматикой изобретенного языка» [Хасанова, 1994]. Причины такого отзыва были не только научные, но и политические: Широкогоров до конца жизни не признал советскую власть. Вместе с тем летом 1916 г. он и сам предпринимал попытки обучения отдельных представителей орочонов кириллическому письму с целью организации самозаписи их фольклора, поскольку маньчжурский алфавит оказался неподходящим для обозначения звуков орочонского (эвенкийского) языка. Опыт оказался удачным, и научившийся орочен «начал обучать транскрипции других орочен, при чем, утверждают они, “это и есть настоящая ороченская азбука”».

Просят они составить им азбуку, напечатать ее и прислать»¹.

Г.М. Василевич была знакома с книгами и статьями Широкогорова. В монографии «Эвенки» она впервые дала наиболее полный на тот момент историографический обзор трудов, написанных об эвенках. В обзоре есть ссылки на три англоязычные монографии Широкогорова и две его работы, опубликованные на русском языке [Василевич, 1969]. Одним из поводов к аресту Г.М. Василевич в 1952 г. был тот факт, что она хранила две книги Широкогорова. Эти книги впоследствии были уничтожены, а Василевич заставили подписать документы об их ликвидации как «не имеющих ценности» [С.М. Широкогород, 2017: 688]. Она также просматривала перевод книги Широкогорова «Социальная организация северных тунгусов» из архива МАЭ на предмет его публикации и делала на нем пометки, касающиеся перевода отдельных терминов и использования эвенкийских слов [там же].

Василевич имела возможность работать с широкогородскими вещевыми и фотографическими коллекциями, хранящимися в фондах Сибири и в помещении отдела этнографии Сибири МАЭ, когда исследовала проблемы этногенеза тунгусо-маньчжурских народов на примере предметов их материальной культуры – колыбели, одежды и других, тем самым восполняя пробел, вызванный невозможностью для нее вести полевую работу у эвенков Китая.

Глафира Макарьевна соглашалась не со всеми выводами С.М. Широкогорова. Так, например, она не поддерживала его гипотезу о южном происхождении тунгусов. В то же время она активно использовала его работы и как источник новых фактов и идей, и как образец.

Хотя Широкогород и Василевич никогда не встречались, они имели общих знакомых из числа старших коллег (Л.Я. Штернберг и др.) и информантов. Так, Павле Васильевне Афанасьевой посчастливилось поработать сразу с двумя этими выдающимися учеными. Её «нашел» и готовил к этнографической и фольклорной работе С.М. Широкогород, будучи в Маньчжурской экспедиции 1915–1917 гг.

Рис. 1. П.В. Афанасьева. 1930-е годы. Фото из личного архива С.А. Удыгир.

Позже в Ленинграде она работала с Г.М. Василевич над составлением словаря [Василевич, 1958] как информант в сфере лингвистики.

Г.М. Василевич воспитала целую плеяду ученых – лингвистов и этнографов из числа эвенков. Таким образом, оба ученых способствовали сохранению культурного наследия эвенков и формированию национальной эвенкийской интеллигенции.

Г.М. Василевич даже включила в свою монографию историю учебы Павлы Васильевны Афанасьевой из Хабаровского края: «В пос. Чекунде (район Буреи) один золотопромышленник, якут Аполлон Жирков², построил в 1900 г. трехклассную начальную школу-интернат для местных детей якутов и эвенков. Школа была рассчитана на 40 учащихся. Наиболее способных Жирков направлял по окончании школы в Благовещенск, где для этого содержал квартиру-интернат и воспитателя. Учились они в гимназии или в техническом училище на деньги Жиркова. Большинство направленных не выдерживало новых условий жизни, заболело туберкулезом и возвращалось обратно. Только одной эвенкийке Афанасьевой Павле Васильев-

¹Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 68. Л. 124.

²Подробнее об А.Н. Жиркове см. работу Саввинова А.И. (2020).

не удалось окончить гимназию. По окончании ее она два года (1912–1914 гг.) учительствовала в Чекундинской школе, после чего продолжила учебу во Владивостокском университете».

Важное дополнение Василевич дает в сноске: «П.В. Венглинская-Афанасьева принимала участие в работе над эвенкийским словарем, изданным автором в 1958 г. Она много лет работала в эвенкийских школах. Скончалась в 1968 г.» [Василевич, 1969: 193]. Упоминание года смерти Афанасьевой говорит о том, что Василевич поддерживала с ней постоянные отношения, или, по крайней мере, ей была небезразлична жизнь своего информанта и коллеги, и она хотела увековечить память о ней в книге.

А вот как описывал историю обучения той же самой П.В. Афанасьевой (не называя ее имени) С.М. Широкогоров в письме к немецкому этнологу Гансу Финдейзену из китайского Амоя от 3 июня 1927 г., на сорок лет раньше книги Василевич: «В девяностые годы прошлого столетия богатый (мехоторговец) якут ведший дела с тунгусами (часть их теперь уключала на о. Сахалин) устроил школу для тунгусских детей и немногих якутских детей этого района. В этой школе в конце 90-х и в начале 900-х годов училось большое количество тунгусских детей. 11 детей (10 мальчиков и 1 девочка) по окончании этой школы были приняты в гимназию в г. Благовещенске. Все мальчики (быть может, часть их осталась и жива) прекратили занятия в гимназии до окончания курса вследствие поголовного заболевания туберкулезом. Девочка же окончила гимназию и в течение трех или четырех лет изучала медицину в России. Ввиду туберкулезного процесса она, однако, вернулась в тайгу к своим родителям и до революции состояла заведующей школой на Нимане (река Бурея, склад Чекунда) и складом товаров для тунгусов, отпущенных в кредит русским правительством. Эту тунгуску, ее сородовичей и детей учившихся, местное русское население называло «якутами». Мне удалось в этой тунгуске пробудить интерес к изучению антропологии и языка тунгусов. К сожалению, во время известного разгрома го-

рода Николаевска большевиками все антропологические материалы сгорели (они были в доме друзей этой тунгуски), но часть лингвистических материалов у меня сохранилась в моих материалах за границей. Т. обр. их диалект известен мне. Он принадлежит к северной группе диалектов, а вся группа этих тунгусов к IV сев.-тунгус. миграционной волне (см. мою “North. Tung. Migrations”)»¹.

Два текста выдающихся тунгусоведов во многом совпадают и взаимодополняют друг друга, восстанавливая историю образования эвенкийки Павлы Васильевны Афанасьевой, а также позволяют предположить, что она рассказывала Г.М. Василевич о своих встречах с Широкогоровыми.

С.М. Широкогоров познакомился с П.В. Афанасьевой в Маньчжурской экспедиции 1915–1917 гг. [Сирина, 2018]. В письме к Л.Я. Штернбергу из ст. Радде Амурской обл. от 2 сентября 1916 г. он замечал: «Я искренне счастлив, что мне удалось найти Афанасьеву. Это будет исключительной ценности научный деятель по тунгусоведению»². Ученый с «тунгусоведным сердцем», Сергей Михайлович радовался возможности привлечь самих представителей изучаемых им народов к сбору фольклорного и этнографического материала и вещевых коллекций, сделать их корреспондентами Музея антропологии и этнографии и своими собственными. Приведу выдержку из этого письма: «Афанасьева... уже записала около 2 печ.[атных] листов сказок. Она же привезла коллекцию тунгусских орнаментов (я их посылаю посылочкой). Записи ее очень недурны и скоро она будет писать очень хорошо. Теперь она будет зимою у тунгусов и снова будет работать. Я ее инструктировал по антропометрии, а Е.[лизавета] Н.[иколаевна] во время пребывания обратит ее внимание на изучение матер.[иальной] культуры и др. вопросов этнографии. Я же со своей стороны наградил ее кучей вопросов лингвистич.[еского] и этногр.[афического] характера. Необходимо нам ее снабдить антропометрическими инструментами и листками»³.

¹Копию фрагмента письма С.М. Широкогорова к Г. Финдейзену любезно предоставил в распоряжение автора этой статьи немецкий исследователь Г. Гейне, в личном архиве которого хранится оригинал.

²СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 68. Л. 94–96об.

³Там же.

В состав упомянутой коллекции вошли трафареты для вышивки, орнаменты и фигурки оленей, вырезанные из плотной бумаги и бересты. Коллекция, куда вошли 29 ед. хр. (20 коллекционных номеров), собранная П.В. Афанасьевой, была зарегистрирована в МАЭ 1 февраля 1930 г. С.В. Ивановым под № 2652. В КП МАЭ РАН имеется запись: «От Павлы Васильевны Афанасьевой, через С.М. Широкогорова» [Сирина, Давыдов, 2017].

Супруги Широкогоры планировали, что осенью 1916 г. Елизавета Николаевна поедет вместе с Павлой Васильевной к бурейским тунгусам на два месяца для проведения антропометрических измерений и этнографической работы, обучения Афанасьевой научным методам. Однако Елизавета Николаевна пропустила последний до ледостава пароход и поездка не состоялась.

Находясь в экспедиции, Широкогоры постоянно поддерживали письменное общение с Павлой Васильевной, однако не все письма сохранились. В связи с большой ценностью подобной переписки приведем ниже письмо П.В. Афанасьевой к С.М. и Е.Н. Широкогорым от 26 января 1917 г. из Чекунды.

«Многоуважаемые Сергей Михайлович и Елизавета Николаевна, здравствуйте!

Не зная, где Вы обитаете, решила написать Вам по старому адресу. Сперва о делах. Они у меня подвигаются скверно. Хотя я знаю, что Вы не одобрите меня, но, по личным моим убеждениям, я иначе поступить не могу. Дело в том, что я, вопреки моим летним соображениям не брать уроков, опять ими завалена.

Эти ученики – бывшие школьники, окончившие при мне школу и желающие поступить в среднее учебное заведение. Кроме меня, подготовить здесь некому, а везти их куда-либо для подготовки родители не в состоянии. Вот! И пришлось мне с ними заниматься; времени они у меня занимают много и устаю я, все-таки, порядком, но отказаться не имею нравственного права. А потому, едва ли удастся подготовиться к аттестату зрелости. Книги, мною выписанные, до сих пор не пришли. О них хлопотал Михаил Кузьмич (Толмачев, консерватор Благовещенского музея – А.С.). И если книги не скоро при-

дут, то когда я их прочту. На Рождестве ездила к шаману, но весьма неудачно: не застала его дома. Думаю на масленице опять поехать. Некоторые вещи тунгус[ские] приобрела. А сказок еще ни единой. Все евенки разъехались соболевать и ни одного теперь не поймашь до весны. Думаю весной что-нибудь записать. Дела школьные тоже не клеятся, в общем в этом году мне не везет. Неприятности с инспектором, хотя он здесь не был и ни одной бумажки я от него не получила.

С первым пароходом думаю выехать в Благовещенск-Сахалин. Ехать в Петроград, окончательно, решила. Управление Водных Путей покупает мои постройки – это решено. Гоша мой учится немного, читает и лепечет по-русски.

Скоро на Чекунде будет ярмарка, съедутся все тунгусы и тогда, надеюсь, что-нибудь сделаю. Соболиная охота в этом году скверная: мало соболей и, кроме того, сорт соболей совсем стал не тот, как прежде. Не знаю, чем это объяснить; вероятно, переходом местных соболей в другие места и приходом сюда соболей других мест.

Местные тунгусы страшно материально нуждаются: нет ни провизии, ни одежды. Приехал из тайги один знакомый и рассказывал, и трудно поверить, что человек может жить в подобных условиях. Много пользы принесла казенная провизия, не будь провизии казенной, многие бы тунгусы поумирали с голоду.

Как мне это ни больно, но видно придется им бросить свою бродячую, свободную жизнь и начать оседлую, с известным, постоянным заработком, жизнь. Много надежд тунгусы возлагали на этот год, но все напрасно: соболей мало, и кроме того, они дешевые в этом году.

Пока примите привет и наилучшие пожелания

С почтением. П. Афанасьева

P.S. Гоша шлет Вам привет. Он у меня молодец: не скучает. П. Афанасьева¹».

Связь с Афанасьевой Широкогоры поддерживали и после их возвращения из Маньчжурской экспедиции. Это было время двух революций, турбулентности в обществе. Широкогоры летом 1917 г. уехали из революционного Петрограда в Екатеринодар, где, живя на хуторе

¹СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 117. Л. 32–33.

Рис. 2. П.В. Афанасьева. 1960-е годы. Фото из личного архива С.А. Удыгир.

родственников жены, занимались обработкой собранных материалов. Оттуда С.М. Широкогоров 28 августа писал Л.Я. Штернбергу: «В телеграмме г. Афанасьева извещает меня, что она выехала на о. Сахалин, что будет продолжать работу – записи сказок, антропометрия etc. Это очень хорошо! Она просит, как я ей говорил, выслать ей деньги на покупку коллекций» [Широкогоров, 2015].

После революции Афанасьева, по выражению Широкогорова, «занималась комиссарством» на Сахалине и в устье р. Амура, как и сотрудник археологического отряда Маньчжурской экспедиции, дальневосточный археолог и краевед А.З. Федоров. Они провели повторную перепись среди коренных народов на Сахалине, Амуре, в Уссурийском крае, собрали большой материал по численности и экономическому состоянию населения. Широкогоров сообщал Штернбергу из Пекина в декабре 1917 г.: «Эти комиссары у всех «инородцев» пользовались большим успехом и их именовали «наш царь». Учредит.[ельное] Собр.[ание] они бойкотировали и признавали лишь те распоряжения, кот.[орые] исходили от «их царей». Обычный курьез»¹.

Получив телеграфное сообщение от Афанасьевой о том, что на Дальнем Востоке в районе Николаевска можно было начинать работать, Широкогоровы весной 1918 г. планировали выехать из Китая для проведения полевых исследований на территории российского Дальнего Востока², но поездка не состоялась.

Обсуждение и заключение. Неизвестно, как долго продолжалась переписка Широкогоровых с Афанасьевой после их эмиграции. Вероятнее всего, она прервалась. Однако из уже имеющихся материалов можно понять, что супруги Широкогоровы оказали большое влияние на формирование национального самосознания и интереса к эвенкийскому языку и этнографии Павлы Васильевны Афанасьевой и не только её, но и некоторых других ороchon. Активное сотрудничество ученого с Павлой Афанасьевой принесло свои плоды, выразившиеся в сборе коллекций для МАЭ, новых материалов в копилку этнографа и в собственное образование Павлы Васильевны. Когда она стала сотрудничать с Глафирой Макарьевной Василевич в Ленинграде, консультируя и помогая ей в работе над словарем, она была вполне подготовленным человеком, понимавшим смысл и значение лингвистической и этнографической работы.

Таким образом, оба ученых способствовали сохранению культурного наследия эвенков и формированию национальной эвенкийской интеллигенции.

Тот факт, что П.В. Афанасьева сотрудничала с двумя крупнейшими тунгусоведами XX в. – С.М. Широкогоровым и Г.М. Василевич – в сфере этнографии, фольклора, музейного собирательства и языкознания позволяет говорить о преемственности российского дореволюционного, эмигрантского и советского тунгусоведения, и важной роли представителей эвенков в процессе формирования научных знаний о культуре своего народа.

Список литературы:

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX вв.). Л.: Наука, 1969. 302, [2] с.

¹СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 319. Л.19.

²СПбФ АРАН Ф. 282. Оп. 2. Д. 319. Л. 22–22об.

Ермолова Н.В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы / Сост. и ред. Д.Д. Тумаркин. 2003. Вып. 2. С. 10-46.

Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100-119.

С.М. Широкогоров и его книга «Социальная организация северных тунгусов»: история создания и перевода, структура, интерпретации / Сирина А.А., Давыдов В.Н., Певнов А.М., Поворознюк О.А., Симонова В.В. // Социальная организация северных тунгусов [Автор С.М. Широкогоров. Отв. ред. А.А. Сирина, В.Н. Давыдов]. М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 676-706.

Саввинов А.И. Приамурские якуты в материалах Петра Шимкевича: к истории формирования этно-территориальных групп в Приамурье // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 4 (33). С. 45-57.

Сирина А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1915–1917) // Этнография. 2018. № 1. С. 64-85.

Сирина А.А., Давыдов В.Н. «Продававшая леди плакала... когда покупку уносили»: Этнографические коллекции С.М. и Е.Н. Широкогоровых // Этнографическое обозрение. 2017. №5. С. 9-31.

Хасанова М.М. Рецензия на: S.M. Shirokogoroff. Tungus Literary Language. Asian Folklore Studies, Vol. 50, 1991 // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 74-75.

Широкогоров С.М. Письма к Л.Я. Штернбергу (1912–1924) // Этнографическое обозрение. 2015. №6. С.155-174.

Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов. М.: Наука – Восточная литература, 2017. 710 с.

Balzer M.M. What's "Native" About Non-Russian Anthropology? // Culture Incarnate: Native Anthropology From Russia [Edited by M.M. Balzer]. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1995. P. 3-28.

Словари:

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 803 с.

References:

Balzer M.M. *Chto «rodnogo» v nerusskoj antropologii? Voploshhenie kul'tury: otechestvennaja antropologija iz Rossii. Pod redakciej M.M. Balzer* [What's "Native" About Non-Russian Anthropology? Culture Incarnate: Native Anthropology From Russia. Edited by

M.M. Balzer]. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1995. Pp. 3-28. (In English)

Ermolova N.V. Tungusoved Glafira Makar'evna Vasilevich [Tungus scholar Glafira Makarieva Vasilevich]. *Repressirovannye jetnografy* [Репрессированные этнографы. Compiled and edited by D.D. Tumarkin]. 2003. Release 2. Pp. 10-46. (In Russian)

Hasanova M.M. Recenzija na: S.M. Shirokogorov. Tungusskij literaturnyj jazyk. Aziatskij fol'klor [Review: S.M. Shirokogorov. Tungus literary language. Asian folklore]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 1994. № 4. Pp. 74-75. (In Russian)

Revunenkov E.V., Reshetov A.M. Sergei Mihailovich Shirokogorov [Sergey Mikhailovich Shirokogorov]. *Jetnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review]. 2003. № 3. Pp. 100-119. (In Russian)

S.M. Shirokogorov i ego kniga "Social'naja organizacija severnyh tungusov": istorija sozdaniya i perevoda, struktura, interpretacii. Sirina A.A., Davydov V.N., Pevnov A.M., Povoroznjuk O.A., Simonova V.V. [S.M. Shirokogorov and his book "The Social Organization of the Northern Tungus": the history of creation and translation, structure, interpretation. Sirina A.A., Davydov V.N., Pevnov A.M., Povoroznjuk O.A., Simonova V.V.]. *Social'naja organizacija severnyh tungusov. Avtor S.M. Shirokogorov. Ot. red. A.A. Sirina, V.N. Davydov* [Social organization of the northern Tungus. Author S.M. Shirokogorov. Resp. ed. A.A. Sirina, V.N. Davydov]. Moscow: Science – Eastern Literature Publ., 2017. Pp. 676-706. (In Russian)

Savvinov A.I. Priamurskie jakuty v materialah Petra Shimkevicha: k istorii formirovaniya jetnoterritorial'nyh grupp v Priamur'e [Amur Yakuts in the materials of Pyotr Shimkevich: on the history of the formation of ethnic and territorial group in the Amur region]. *Severo-Vostochnyj humanitarnyj vestnik* [North – Eastern journal of humanities]. 2020. № 4 (33). Pp. 45-57. (In Russian)

Shirokogorov S.M. Pis'ma k L.Ja. Shternbergu (1912–1924) [Letters to L.Ya. Sternberg (1912-1924)]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2015. №6. Pp.155-174. (In Russian)

Shirokogorov S.M. *Social'naja organizacija severnyh tungusov* [Social organization of the northern Tungus]. Moscow: Science - Eastern Literature Publ., 2017. 710 p.

Sirina A.A. Man'chzhurskaja jekspedicija S.M. i E.N. Shirokogorovyh (1915–1917) [Manchurian Expedition of S.M. and E.N. Shirokogorovs (1915-1917)]. *Jetnografija* [Ethnography]. 2018. № 1. Pp. 64-85. (In Russian)

Sirina A.A., Davydov V.N. "Prodavavshaja ledi plakala... kogda pokupku unosili": Jetnograficheskie kollekcii S.M. i E.N. Shirokogorovyh ["The lady who sold was crying ... when the purchase was carried away":

Ethnographic collections of S.M. and E.N. Shirokogorov]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2017. №5. Pp. 9-31. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX vv.)* [Evenks. Historical

and ethnographic essays (XVIII - early XX centuries)]. Leningrad: Science Publ., 1969. 302 p. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Jevenkijsko-russkij slovar* [Evenk-Russian Dictionary]. Moscow: Foreign and national dictionaries State Publ., 1958. 803 p. (In Russian)

A.A. Sirina

The Evenk Woman Pavla Vasilievna Afanaseva in S.M. Shirikogorov's and G.M. Vasilivich's Scientific Life

The article is devoted to the scientific cooperation of the classics of Tungus studies Sergei Mikhailovich Shirokogorov (1887–1939) and Glafira Makarevna Vasilevich (1895–1971) with the Evenk teacher Pavla Vasilievna Afanasyeva (1896–1968). The aim of the article is to introduce the name of the Evenk teacher P.V. Afanasyeva into the history of Tungus studies. The article was written on the basis of new materials from public and private archives. The works and ideas of S.M. Shirokogorov influenced the choice of scientific topics and approaches of G.M. Vasilevich, who respected the scientific heritage of her predecessor. The article shows the differences in their approaches to the creation of the Evenk literary language and writing. Shirokogorov and Vasilevich have never met, but the Evenk woman Pavla Vasilyevna Afanasyeva from the Khabarovsk Kray was lucky to work with these two outstanding scientists at once. S.M. Shirokogorov got to know her while working in the Manchurian Expedition of 1915–1917, he prepared her for ethnographic and folklore work. Later in Leningrad, she helped G.M. Vasilevich as an informant in the field of linguistics in the compilation of the Evenk-Russian dictionary. Thus, both scientists contributed to the preservation of the cultural heritage of the Evenks and the formation of the national Evenk intelligentsia. The conclusion is made that, despite the social revolutions of the early XX century and the breaks associated with them, the continuity in the Russian Tungus studies was preserved, including thanks to the Evenks.

Keywords: history of Siberian ethnography, S.M. Shirokogorov, G.M. Vasilevich, MAE, Evenk woman P.V. Afanasyeva, continuity of Russian Tungus studies

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Г.А. Дырхеева

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.005

УДК 811.512.31

Бурятский язык: современное состояние, проблемы и перспективы

Статья посвящена современной социолингвистической проблематике бурятского языка в Республике Бурятия. Цель статьи – на основе краткого социолингвистического анализа современного состояния бурятского языка показать проблемы и перспективы сохранения и развития бурятского языка в Республике Бурятия.

Материалами для данного исследования послужили статистические показатели переписей населения, отчетности Министерства образования РБ, документы правительства, связанные в действии языкового законодательства, принятием государственных решений, программ его развития, результаты анкетирования учащихся 1999–2000 и 2015–2016 гг. В статье используется научный принцип системного и сравнительного анализа, принцип комплексности, сравнительный метод, анкетирование.

Выявлено, что, несмотря на отдельные позитивные моменты, проблема поддержки и сохранения бурятского языка остается наиболее актуальной в языковой жизни республики. Представлена характеристика его функционирования в сфере массовой коммуникации (телевидение, радио, пресса, компьютерные и виртуальные технологии), отмечена необходимость подготовки кадров для работы в СМИ. Актуальной остается проблема поиска новых возможностей бурятского языка в сохранении и развитии элементов национальной культуры (развитие отдельных видов произведений малых жанров, сужение сфер функционирования крупных эпических произведений). В связи с возвратом многих забытых национально-культурных и религиозных ценностей, традиционной народной медицины усилились его позиции в религиозной сфере. Показаны положительные и отрицательные стороны активизации деятельности Буддийской сангхи России, которые выражаются, в частности, в усилении идей дезинтеграции, поддержки функционирования диалектов, ослаблении позиций бурятского литературного языка как ресурса этнической идентичности. На основе сравнительных данных по учащейся молодежи, опросов, проведенных в Бурятии в 1999–2000 и 2015–2016 гг., показано, что процесс сокращения сфер использования бурятского языка продолжается, хотя и на фоне роста национального самосознания. Данный факт рассматривается как один из важнейших факторов поддержки бурятского языка. Предполагается, что необходимо усиление, помимо сентиментально-оценочной, символической функции бурятского языка, поскольку некоторые специалисты считают, что символическая функция важнее, чем коммуникативная. Новизна статьи определяется выявлением современных факторов утраты и поддержки бурятского языка.

Ключевые слова: языковая ситуация, государственный бурятский язык, государственная программа, средства массовой информации, культура, религия, литературный бурятский язык, языковая компетенция школьников, этноязыковое сознание

© Дырхеева Г.А., 2021

Введение. В последнее время появляются работы, в которых проводится оценка особенностей изменения языковой ситуации в национальных регионах, в частности, в условиях новой языковой политики, которая проводилась в Российской Федерации и в ближайшем зарубежье в течение почти 30 лет, в условиях становления нового демократического общества. Очевидно, встают вопросы, насколько эффективной оказалась проводимая языковая политика в том или ином регионе, где были приняты языковые законы и, в частности, в Республике Бурятия в отношении бурятского языка, второго государственного языка республики, занесенного в Красную книгу исчезающих языков, и каковы перспективы его дальнейшего существования и развития?

Таким образом, цель настоящей статьи – анализ современного состояния и проблем функционирования бурятского языка, перспектив его развития и сохранения. Поскольку эта тема достаточно обширная, особое внимание уделено мерам, которые принимаются в последние годы руководством республики для реализации языкового законодательства. Из законодательно регулируемых сфер функционирования для рассмотрения выбрана актуальная на сегодня сфера информационной поддержки языка, традиционная, но испытывающая определенные проблемы сфера культуры (устное народное творчество), а также приобретающая большое влияние религиозная сфера.

Сохранение и развитие национальной культуры и прежде всего языка пока остается самой насущной социолингвистической и социокультурной проблемой. Результаты проводимых в Бурятии исследований, обсуждения на различного рода научных и общественных мероприятиях также показывают, что интерес к проблемам современного состояния и положения бурятского языка не ослабевает практически уже почти три десятка лет. Регулярный мониторинг состояния бурятского языка в условиях двуязычия проводится социолингвистами и социологами Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН [Дырхеева и др., 1999; Дырхеева, 2002; Бажеева, 2009; Рандалов и др., 2006; Рандалов и др., 2013; Рандалов и др., 2016 и др.]. Одним из последних является крупное исследование, проведенное

при поддержке Правительства РБ по изучению состояния бурятского языка в России, Монголии и Китае [Бурятский язык..., 2018].

Проводимые исследования и их результаты необходимы для разработки единого междисциплинарного подхода к изучению взаимодействия языков, разрешения общих теоретических вопросов развития и функционирования языков в условиях дву- и многоязычия. Прикладной их аспект – поиск пути, обеспечивающего сохранение и развитие языка в конкретном случае сосуществования народов в РБ, помощь в решении проблем соответствия целей и задач языковой политики РБ реальной картине языкового функционирования. Полученные материалы используются для прогноза дальнейшего развития языковой ситуации в Бурятии, для сравнения национально-языковых отношений в различных регионах страны, также они могут помочь в стабилизации межнациональных отношений.

Материалы и методы. Информационной базой исследования послужили результаты переписей населения, материалы документов Правительства Республики Бурятия, касающиеся сохранения и развития бурятского языка, принятые за последние 15 лет, авторские аналитические сведения по использованию бурятского языка в средствах массовой информации (телевидение, радио, пресса, компьютерная и виртуальная среда), в культуре (сфере устного народного творчества), в религиозной сфере (Буддийская сангха России), результаты анкетных опросов учащейся молодежи 1999–2000 и 2015–2016 гг.

Для достижения цели исследования используются принцип системного анализа, а также принципы комплексности и динамичности, связанные с анализом изменений языковой жизни в республике и влияющие на состояние и развитие языка, его статус и престиж. Комплексное рассмотрение проблемы предопределило использование сравнительного метода, который предполагает учет диалектики общего, частного и относительного; метод проведения научного анализа изучаемого языкового процесса в мониторинговом режиме; социологического подхода в виде анкетирования.

Результаты. Языковая ситуация в Бурятии определяется специфичностью положения языков двух основных этносов, представляющих

русских и бурят и составляющих около 96 % населения полиэтнической Бурятии. Соответственно, как и во многих национальных регионах России, основными языками, которые функционируют в республике, являются титульный бурятский и русский языки.

В 1992 г. бурятский язык был признан, наряду с русским, государственным, что в значительной мере способствовало повышению национального самосознания, престижа и роли бурятского языка в общественной жизни. Несмотря на это, сегодня можно отметить, что проблема сохранения и развития национальной культуры и прежде всего языка пока остается самой насущной социокультурной проблемой в республике. Результаты многочисленных проводимых в Бурятии исследований [Бажеева, 2009; Дырхеева и др. 1999; Дырхеева, 2002; Хилханова 2007; Рандалов и др. 2006; Рандалов и др. 2013; Рандалов и др. 2016; Бурятский язык... 2018 и др.], проведение различного рода научных и общественных мероприятий также показывают, что интерес к проблемам современного состояния и положения бурятского языка не ослабевает почти три десятка лет.

Это подтверждается в том числе и официальными данными по переписи населения. Только 13,7 % населения владеет вторым государственным языком – бурятским (в 2002 г. было 23,6 %). По данным переписи 2002 г., бурятским языком в республике владели 81,4 % бурят. А по данным переписи 2010 г. наблюдается существенное снижение доли владеющих бурятским языком среди бурят – 43,6 %.

Коммуникативная мощь бурятского языка постепенно снижается. Более или менее активно он используется в семейно-бытовой сфере, сфере художественного творчества, религии, культуре, образовании, в сельском хозяйстве, средствах массовой информации, кни-

гопечатании. При этом здесь он обладает неполной взаимодополняющей функцией. Сокращение количества сфер его использования связано с тем, что он не востребован в таких значимых для общества сферах жизнедеятельности, как государственное управление, делопроизводство, промышленность, наука, торговля, сфера обслуживания.

В различных выступлениях и отчетах правительства, общественных организаций, учебных заведений и научных учреждений, занимающихся данной проблематикой, содержится многочисленная и разнообразная информация о предпринимаемых мерах по улучшению данной ситуации. Реализация закона в период до 2010 г. осуществлялась посредством принятия Постановлений Правительства РБ, которые в том числе включали и языковые проблемы.

В 2006 г. при Правительстве РБ была создана комиссия по развитию бурятского языка. В дальнейшем в целях реализации закона Постановлением Правительства РБ № 80 от 12 марта 2009 г. была принята Концепция развития бурятского языка¹.

Постановлением Правительства РБ от 2 августа 2010 г. № 312 принята Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка на 2011–2014 гг.»², информация о ходе выполнения которой ежегодно заслушивается на заседании комиссии. Так, в 2014 г. на реализацию программы было выделено более 28 млн рублей, в 2015 г. – более 36 миллионов, в 2019 г. – 30 млн рублей. Весной 2014 г. был принят Закон Республики Бурятия от 7 марта 2014 г. № 383-V «О мерах поддержки бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия»³. Соответственно была утверждена Государственная программа развития и сохранения бурятского языка⁴, сроки реализации которой определены до 2020 г. Однако

¹Концепция развития бурятского языка, 2009. URL: <https://cat.convdocs.org/docs/index-15214.html> (дата обращения: 01.01.2021).

²Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка на 2011–2014 гг.», 2010. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422454709> (дата обращения: 01.01.2021).

³Закон Республики Бурятия от 7 марта 2014 г. №383-V «О мерах поддержки бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия», 2014. URL: <http://base.garant.ru/29575529/> (дата обращения: 01.01.2021).

⁴Государственная программа «Сохранение и развития бурятского языка в Республике Бурятия», 2014. URL: <http://buryatia-gov.ru/doc/20229> (дата обращения: 01.01.2021).

стоит отметить, что объем финансирования программы недостаточен, особенно в условиях инфляции.

В апреле 2019 г. Правительством Республики Бурятия был рассмотрен и утвержден новый нормативно-правовой акт, касающийся бурятского языка – Стратегия развития бурятского языка на период до 2030 года¹. Предварительное обсуждение проекта состоялось на II Международном форуме бурятского языка, прошедшем в ноябре 2018 г. в г. Улан-Удэ. Стратегия как программный документ представляет собой систему целей, направлений, задач и механизмов развития бурятского языка в Республике Бурятия, в бурятских диаспорах регионов России и зарубежья. В Стратегии отмечено, что пока общественные функции бурятского языка не получили расширения: бурятский язык как государственный все еще не стал рабочим языком в органах муниципальной и государственной власти Республики Бурятия и слабо представлен в других сферах общественной жизни. Главный принцип Стратегии – бурятский язык должен пониматься и признаваться как стратегический ресурс дальнейшего этнокультурного развития бурятского народа.

В рамках объявленного ЮНЕСКО 2019 года Международным Годом языков коренных народов была проведена серия масштабных мероприятий, посвященных поддержке бурятского языка. Так, 24 апреля состоялось Республиканское лингвистическое совещание, основной задачей которого была стабилизация языковой ситуации в республике, сохранение и развитие литературного бурятского языка. Было высказано мнение о неприемлемости предложений по изменению основы и норм современного литературного бурятского языка. Соответственно было принято решение внести изменения в Закон Республики Бурятия от 07 марта 2014 года № 383-V «О мерах поддержки бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия»²,

дополнив его статьей, определяющей литературный бурятский язык как основную форму существования бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия, а также в Закон Республики Бурятия от 13 декабря 2013 года № 240-V «Об образовании в Республике Бурятия»³, дополнив его статьей об обязательности преподавания и изучения в общеобразовательных организациях Республики Бурятия исключительно литературного бурятского языка.

В ноябре был проведен круглый стол Общественной палаты на тему «Проблемы и стратегии развития бурятского народа», на котором одним из основных также стоял вопрос о сохранении и развитии бурятского языка. Был рассмотрен комплекс мер для внесения в Государственную программу, которая будет приниматься на период с 2020 по 2027 гг.

Участниками всех указанных мероприятий отмечалось, что, несмотря на предпринимаемые меры, функциональный статус бурятского языка все более понижается, сокращается количество сфер его активного применения, что особенно заметно по сфере массовой коммуникации, одной из доминантных сфер организованного общения миноритарного языка.

О проблемах, связанных с реализацией языкового законодательства, можно судить, например, по тому, как они реализуются в сферах, которые можно регулировать в законодательном порядке. Одной из таких является сфера информационной поддержки языка.

СМИ (радио, телевидение, пресса, интернет), охватывающие сегодня практически все население мира, имеют огромное влияние, воздействуя на образ жизни людей, всего общества. Особенно оно ощутимо в речевом и языковом поведении и очень важно для национальных меньшинств: помимо того, что СМИ должны способствовать сохранению и развитию их языков и культур, они являются эффективным средством обучения языкам, привлечения к изуче-

¹Стратегия развития бурятского языка на период до 2030 года, 2019. URL: <https://poisk-ru.ru/s29156t11.html> (дата обращения: 01.01.2021).

²Закон Республики Бурятия от 07 марта 2014 года № 383-V «О мерах поддержки бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия», 2014. URL: <http://base.garant.ru/29575529/> (дата обращения: 01.01.2021).

³Закон Республики Бурятия от 13 декабря 2013 года №240-V «Об образовании в Республике Бурятия», 2013. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/buryat/517303/> (дата обращения: 01.01.2021).

нию и употреблению языков национальных меньшинств, они способствуют развитию билингвизма. Очень важной является и регулирующая, нормализаторская функция СМИ, пропаганда литературной формы языка. Значение современных СМИ для развития языка очевидно.

Как и для многих других народов, для современных бурят характерно то, что их мировосприятие многослойно, также как и его самоидентификация, оно состоит из таких компонентов, как генетическое, индивидуальное, национальное, этническое, российское, глобальное. Соответственно, выбор языка билингвов во многом зависит от ситуации. В частности, восприятие масштабной информации о политических, культурных, экономических событиях в рамках мира, страны, республики, общение на работе, в официально-деловой сфере происходит преимущественно на русском языке, частная, личная информация перерабатывается как на русском, так и на бурятском языках.

В Бурятии, как и во многих национальных регионах России, функционирование бурятского языка поддерживается и по возможности развивается республиканскими средствами массовой информации.

Так, в настоящее время регулярные и нерегулярные (тематические) передачи на бурятском языке ведутся на 6 каналах, в том числе на государственном «Россия 1» (1-1,5 часа в день, регулярно в рабочие дни), частных: «Ариг ус» (с государственным софинансированием, 40 минут, нерегулярно), «Мир-24-Бурятия» (30 минут-1 час, нерегулярно), «А-ТВ» (1 час, регулярно, передача «Учим бурятский язык»). С конца 2016 г. на 23-й кнопке интерактивного телевидения «Ростелеком» начал вещать новый телеканал «Селенга-ТВ». Телекомпания «Селенга-ТВ» была создана при содействии Буддийской сангхи России и лично Хамбо ламы Дамбы Аюшеева.

Что касается радиопередач, то можно отметить, что сегодня в Бурятии работают 12 радиокompаний. Ранее передачи на бурятском языке велись несколько часов в день на волнах Радио ГТРК «Бурятия». В 2011 г. было создано музыкальное бурят-монгольское интернет-радио «Буряад FM». В августе 2016 г. начала круглосуточное вещание радиостанция Buryad-FM (Улан-Удэ, 90.8 FM) – первая радиостанция, ве-

дущая передачи только на бурятском языке. Данная радиостанция также была создана при содействии Буддийской сангхи России.

Пресса представляет собой в основном смешанные русско-бурятские издания. Старейшим периодическим изданием на бурятском языке является газета «Буряад үнэн» (тираж 5000 экз.), которая издается на базе издательского дома ««Буряад үнэн». В настоящее время издательский дом осуществляет также выпуск журнала на бурятском языке «Байгал» с периодичностью один раз в два месяца (тираж 300 экз.). Что касается районных газет, то лишь в 4 районах сохранились бурятоязычные газеты. Из них только газета «Хэжэнгэ» выходит один раз в неделю, остальные – раз в месяц. Их тиражи колеблются от 100 до 500 экземпляров.

Большинство районных газет печатается на двух языках. Выпуск газет на двух языках, как считают издатели, увеличил их тираж, хотя этот шаг сделан не от хорошей жизни и не ясно, насколько данный акт способствовал развитию языка средств массовой информации, а ведь именно через СМИ происходит не только информационное обеспечение и формирование общественного мнения, но и каждодневное культивирование, закрепление основных форм существования языка как средства коммуникации.

Последние годы отмечены резким ростом в бурятоведении интереса к исследованиям, связанным с информационной поддержкой бурятского языка в компьютерных и виртуальных средах. Можно отметить, что в Государственной программе РБ по сохранению и развитию бурятского языка на 2011–2014 гг. был выделен раздел 4.3 «Информационные технологии и техническое обеспечение», выполнение которого предположительно должно обеспечить ресурсы функционирования бурятского языка в информационных технологиях. Как отмечают участники разработки данного раздела программы, уже сейчас можно делать веб-сайты на бурятском языке, локализовать готовые программы, виртуальные сервисы, разрабатывать программные продукты с бурятским языком интерфейса, создавать научный инструментарий для изучения бурятского языка с использованием современных технологий.

На данный момент в сети действует моноязычный бурятский проект – электронная би-

блиотека бурят-монгольской литературы¹, многоязычные сайты на бурятском языке, о бурятском народе, языке и литературе² и др. На бурятский язык переводится также крупнейшая социальная сеть, охватившая все страны бывшего СССР – «ВКонтакте»³, а также свободная виртуальная энциклопедия – «Википедия»⁴.

Особый раздел в Государственной программе посвящен разработке проекта «Электронный корпус бурятского языка». Цель данной работы – обработка текстов на бурятском языке, переведенных из бумажных версий в электронные. В результате данной обработки предполагается получить корпус бурятского языка, который будет включать художественные, общественно-публицистические, учебно-научные тексты. Предполагается создание корпуса текстов на старомонгольской графике. В настоящее время уже проведена большая подготовительная работа, значительная часть текстов оцифрована и вычитана, разработаны основные принципы создания корпуса и принципов лемматизации слов, открыт сайт⁵, включающий более 2 млн единиц.

Из программ с бурятским языком интерфейса пока можно назвать только электронный учебник бурятского языка «Буряад хэлэн».

Общеизвестно, что в современных условиях выжить национальным СМИ становится все сложнее. Как отмечают работники радио и телевидения, программы на национальных языках постоянно подвергаются секвестированию, предлагается искать дополнительное финансирование национальных программ. В этом плане хотелось бы отметить, что среди внешних факторов наиболее влиятельными из социальных параметров функционирования языка остается государственное учебное образование и СМИ, которые в России всегда будут диктовать программу приоритетного преподавания русского языка. Соответственно, национальные радио и

телевидение должны быть преимущественно на национальном языке.

Очевидно, что для многих национальных языков СМИ – относительно новая сфера его использования, новая лексика, терминология, стиль изложения, также меняется и синтаксис. Поэтому очень важно постараться сохранить, соблюсти традиции его становления и развития. В связи с этим необходимо также отметить достаточно значимую для СМИ кадровую проблему. В Бурятии, как и во многих национальных регионах, фактически не готовятся дикторы для национального радио- и телевизионного вещания. Соответственно, необходимо изыскивать средства для подготовки или переподготовки специалистов для данной сферы функционирования бурятского языка.

Кроме того, можно создать на бурятском ТВ терминологическую комиссию, поскольку именно через СМИ происходит каждодневное культивирование и закрепление основной формы существования языка как средства коммуникации, а речь дикторов радио и телевидения чаще всего является законодателем языковой нормы. В функции комиссии должно входить не только создание нормативных терминологических словарей, совершенствование бурятской терминологической системы, в целом развитие терминоведения, но и контроль за соблюдением нормативных правил, принятие и оповещение о появлении новых терминов и языковых инноваций, обусловленных общественно-политическими и культурными процессами, а также выработка критериев их оценки и рекомендаций о целесообразности их введения в общее употребление. Несомненно, СМИ должны принять активное участие в формировании позитивного отношения к языковому многообразию, способствовать поднятию престижа и имиджа национальных языков и народов, говорить об их богатстве, своеобразии.

¹Буряад-монгол номой хан. URL: <http://nomoihan.com/> (дата обращения: 1.01.2021).

²Буряад хэлэн. URL: <https://buriadxlenn.com/> (дата обращения: 1.01.2021); Буряад-монгол арадай сайт. URL: <http://buriatia.org/modules.php?file=viewtopic&name=Forums&start=15&t=10277> (дата обращения: 1.01.2021); Республика Бурятия. Официальный портал. URL: <https://egov-buriatia.ru/?id=1493> (дата обращения: 1.01.2021).

³Социальная сеть ВКонтакте. URL: <https://vk.com/> (дата обращения: 1.01.2021).

⁴Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 1.01.2021).

⁵Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 1.01.2021).

Результаты различных социолингвистических и социологических опросов показывают, что достаточно значимой для большинства недоминирующих языков является сфера культуры, причем выявлено, что для бурят знание обычаев, традиций оказывается важнее, чем знание родного языка. Национальная или этническая принадлежность, как показывают исследования, чаще индивидуально связываются с культурной принадлежностью, а не с языковой. То есть очевидно, что решение проблем любого национального языка тесно связано с вопросами развития национальной культуры: литературы, искусства, народного творчества, системы обрядов и традиций и т.д.

В результате анализа материалов экспедиционных исследований можно сделать вывод, что в последние годы наблюдается активизация малых жанров бурятского фольклора: песен, благопожеланий, топонимических легенд, рассказов, генеалогических преданий и т. д. Развивающимися жанрами являются также магтаалы (прославления) и юроолы (благопожелания). Очевидно, что в новых социальных условиях происходит их трансформация, переосмысление старых форм, поиск новых. Причем при сохранении и дальнейшем развитии формы может происходить разрушение их функциональной значимости. Этому способствуют различного рода мероприятия: конкурсы, соревнования, празднества, турниры и т.д. Необходимость придания тому или иному мероприятию национального колорита подчас приводит к несоблюдению, нарушению традиционного ритуала, что обычно является следствием незнания ритуала либо стремления к его стилизации.

Как показывают опросы, одним из основных элементов бурятской культурной идентичности наряду с юроолами и магтаалами сегодня является песня, она служит и маркером культурной специфики и свидетельством бурятского культурного единства. Активизация данного жанра объясняется, во-первых, богатыми вокальными данными бурят, и, во-вторых, наличием прекрасной поэзии и, несомненно, талантливыми композиторами.

Вершиной бурятской поэзии считаются улигеры – монументальные эпические поэмы героического содержания, в которых реальные исторические события представлялись ярко, точно и

красочно, обильно сопровождалось описанием жизненных наблюдений, рассуждений и обобщений. Всего в сокровищницу художественного наследия бурят включено более сотни таких улигеров. Состязания улигершинов, нередкие в прошлом, были возрождены в последние десятилетия. Интерес к этому виду фольклора во многом был обусловлен интересом к своему прошлому, поиску себя в новой жизни. То есть, как и в остальных сферах жизни, здесь преобладают прагматические тенденции: наряду с сужением сфер их функционирования, особенно бытования произведений с мифологическими сюжетами утрачивается эстетическая функция устных художественных жанров. В связи с утратой элементов традиционного хозяйства постепенно забываются охотничьи и промысловые заклинания. Все менее распространенными становятся или не развиваются такие детские жанры, как колыбельная, сказки и загадки, чему во многом способствуют отсутствие ярких современных детских изданий на бурятском языке, вытеснение бурятской сказки русской, телевизионная реклама и мультфильмы, а в последние годы и компьютерные игры. Однако необходимо отметить: современное бурятское общество пока не осознает, что в основе бурятской культуры лежит именно язык, знание и понимание национальных традиций и обычаев зиждется на знании бурятского языка.

Сегодня, подчеркивая важность использования государственного языка, многие социолингвисты при описании сфер функционирования малых языков в первую очередь указывают на язык, используемый не только в СМИ, образовании, официальных сферах, культуре, но и в религии. Религия и национальный менталитет считаются мощнейшими факторами национально-культурного языкового развития. Если до революции религия в России была этнодифференцирующим фактором, то сегодня она приобретает этноинтегрирующий характер, поэтому очень важно учитывать, какой язык используется при совершении религиозных обрядов, при богослужении. Буряты, как и любая другая малая народность, испытывали и испытывают на себе влияние не только господствующего языка государства, с которым контактируют или в состав которого входят, но и языка религии данной страны. Так, до революции тибетский язык

оказывал сильное влияние на языки монголов-буддистов, а русский – на язык крещеных бурят.

В последние годы в связи с возвратом многих забытых национально-культурных и религиозных ценностей, традиционной народной медицины несколько усилились и позиции бурятского языка. Возрождение народных праздников и обрядов, открытие дацанов, национально-культурных центров, землячеств способствовало не только тому, что буряты стали вспоминать давно забытые слова, но и переоценке значения родного бурятского языка.

Активизация данной сферы общения позволила, в частности, Э.В. Хилхановой [Хилханова, 2007] выделить ее как самостоятельную макроситуацию. По ее данным, 41,7 % молодых людей используют в данном случае родной язык (ср.: в официальной сфере – 7,4 %). Причем в Бурятии данный показатель является самым высоким среди всех сфер общения по всем группам населения. Это позволяет автору утверждать, что бурятский язык остается конкурентоспособным в семейно-бытовой сфере и доминирующим в религиозной.

Буддийская сангха России принимает активное участие и в общественно-культурной жизни республики. При ее поддержке с 2016 г. в Бурятии функционирует ФМ-радиостанция, передачи ведутся на пяти бурятских диалектах. То есть в своей деятельности по сохранению бурятского языка Пандито-хамбо лама XXIV Дамба Аюшеев делает акцент на развитие диалектов и говоров бурятского языка, он высказывается за отказ от современного бурятского литературного языка в пользу образования нескольких литературных языков на базе соответствующих диалектов. Конечной представляется идея перевода бурятского языка на одну из групп говоров – цонголо-сартульский диалект как наиболее близкий к другим монгольским языкам.

Очевидно, что такие высказывания носят дестабилизирующий характер, способствуют разобщению единой бурятской нации, создают искусственный раскол народа по территориально-диалектным общностям. Подорываются все усилия государства и субъектов, направленные на единение общества, нации, государственной целостности, что противоречит положениям национально-культурной и языковой политики Российской Федерации, Республики Бурятия.

То есть необходимо отметить, что неожиданно обострившейся в последние годы оказалась проблема лингвоэтнической консолидации, она касается проблемы литературной формы языка, замечено, что литературный бурятский язык ослабляется как ресурс этнической идентичности. Эта тема неоднократно официально поднималась на заседаниях комиссии при Правительстве РБ по реализации закона «О языках народов Республики Бурятия», на которых выдвигались, в частности, пожелания о создании отдельных грамматик для некоторых диалектов и говоров. Рядом общественных и религиозных деятелей обостряются дискуссии относительно диалектной основы бурятского языка. Об актуализации в последнее время интереса к литературному бурятскому языку, проблеме его единства, в частности, говорит появление газеты «Нютагай хэлэн/диалекты», которая, как отмечают киоскеры, расходится «как горячие пирожки». Очевидно, что актуализация данной тематики во многом обусловлена активным развитием бурятско-русского двуязычия, сокращением числа носителей бурятского языка. Несомненно, она требует фундаментального рассмотрения и решения. Исходя из вышеприведенных фактов, можно констатировать, что достаточно сильная диалектная дифференциация бурятского языка поддерживается доминирующими идеями дезинтеграции, изоляционизма. А единое самосознание и самоназвание носителей языка пока не способствует функционированию объединяющей идиомы «бурятский литературный язык».

Среди положительных моментов улучшения положения бурятского языка после принятия закона можно отметить в основном те, которые были реализованы в области образования Министерством образования и науки РБ [Дырхеева, 2013; Рандалов и др., 2006]. Поэтому, говоря о перспективах дальнейшего функционирования бурятского языка, рассмотрим, какие изменения произошли в языковой ситуации республики в связи с введением бурятского языка в программы школьного обучения. Отчасти с этой целью в ИМБТ СО РАН в 2018–2019 гг. было проведено обследование степени сохранности и перспектив развития бурятского языка среди учащихся-бурят в местах дисперсного расселения бурят в анклавах Центральной и Северной

Азии. Так, в Республике Бурятия в 2015–2016 гг. был проведен опрос школьников старших классов, количество респондентов составило 1225 человек. Трехэтапный алгоритм исследования позволил выявить соотношение «хорошо знающих», «плохо знающих» и «не знающих» бурятский язык детей-школьников. Анализ статистических результатов, представленных школами республики, показал, что 38,4 % респондентов хорошо владеют бурятским языком, 35,6 % респондентов плохо владеют родным языком, 26,0 % не владеют. Самый высокий процент хорошо владеющих родным языком оказался в Бичурском, Окинском и Баргузинском районах – выше 80 %. В г. Улан-Удэ показатель хорошего владения бурятским языком составил лишь 24 %. При этом родным бурятский язык признали 76,6 % опрошенных, русский язык – 10,5 %, не ответили на вопрос о признании того или иного языка родным 12,7 % респондентов. Можно предположить, что 76,6 % – это именно те дети, которые хорошо и плохо владеют бурятским языком.

На экспертный вопрос о языке, на котором больше или чаще говорил респондент до поступления в школу, были получены такие ответы: русский язык – 56,3 % респондентов, бурятский язык – 41,4 %, не ответили на вопрос 2,3 % респондентов. Эти данные свидетельствуют о том, что для многих основным языком общения с рождения является русский язык. Очевидно, что на родном языке с детства чаще говорят дети бурятской национальности, проживающие в сельской местности.

Если сравнивать эти данные с результатами обследования, проведенного в 1999–2000 гг. [Дырхеева, 2002: 70–92], то можно отметить, во-первых, рост доли учащихся, признающих родным бурятский язык, с 66,4 до 76,6 %. Скорее всего, данное изменение можно объяснить ростом этноязыкового самосознания. В прошлом опросе достаточно высокий процент (около 20 %) составили учащиеся, не ответившие на этот вопрос. Во-вторых, о росте этноязыкового сознания можно судить по показателям «владения родным языком с детства» и «говорил до школы на бурятском языке». При опросе двадцатилетней давности наблюдался существенный перекося между этими данными: 63,9 % респондентов ответили, что знают бурятский язык

с детства, но до школы преимущественно на родном языке говорили лишь 29,3 % опрошенных. Последнее обследование показало, что те, кто владеет родным языком с детства (42,9 %) обычно на нем и общается (почти 42 %). Хотя очевидно, что примерно на 20 % снизился показатель «владения родным языком с детства».

Уровень владения тем или иным языком зависит от активности его использования. Пока более или менее активно родной язык поддерживается в семье: примерно половина опрошенных школьников используют его дома. Здесь можно отметить, что опрос взрослого бурятского населения показал, что с детьми дома российские респонденты чаще используют оба языка – бурятский и русский (48,4 %), только на русском общаются 32,5 %, а на бурятском лишь 19,1 % родителей. Для сравнения можно привести данные опроса 1989–1990 гг. [Дырхеева, 1999: 28], когда 33,7 % взрослого бурятского населения ответили, что общаются с детьми по-бурятски. Также можно отметить, что доля учащихся, использующих только русский язык в школе и в общении с друзьями, выросла с 72,6 % в 1999–2000 до 81 % в настоящее время.

Процесс сокращения сфер использования бурятского языка продолжается, хотя и на фоне роста национального самосознания. О возросшем самосознании бурят, как взрослых, так и детей говорит также тот факт, что большинство школьников бурятской национальности высказали пожелание изучать свой родной язык, хотя некоторые справедливо отметили, что бурятский язык не пригодится им в жизни, на нем негде общаться.

Безусловно, рост уровня этнического самосознания – один из важнейших факторов поддержки языка, однако несомненно также, что в современных условиях, в период так называемого этноязыкового ренессанса, наблюдаемого в разных регионах мира, необходимо приложить максимум разнообразных усилий для сохранения языков, в том числе и бурятского. Как отмечал Доналл О’Риаган, ни один язык нельзя оживить через закон: законодательство важно, но оно может создать только каркас, в пределах которого язык может существовать и развиваться. Существует три типа языкового планирования: корпусное – создание словарей, грамматик и т.д.; статусное – это не только определение

юридического статуса языка, но и того, как, когда и где он может быть использован, и, наконец, планирование освоения языка с помощью межпоколенной передачи и/или образовательной системы. Только семья, объединив усилия всех поколений, систематически и серьезно, поддерживая деятельность школы и иных общественных институтов, сможет добиться позитивного взаимодействия с национальным языком. Языковое планирование должно быть целостным, то есть направлено на решение всех языковых аспектов [О'Риаган, 2009: 29–30].

Проведенный серийный анализ системы преподавания бурятского языка в школе, показала, что в области образования главное – усиление коммуникативного аспекта в преподавании бурятского языка. Как показывают последние исследования по городским школам, где преподается бурятский язык, положительные сдвиги имеются, однако одна из основных проблем – небольшое в среднем число часов (1–2), выделяемых по программе «Бурятский язык как государственный». Очевидно, что этого недостаточно особенно в том случае, когда он преподается фактически как иностранный. Педагогам известно, что для того чтобы знать язык, надо каждое слово повторить в среднем 36 раз, причем в разных контекстах, конструкциях. Очевидно, что за 2 часа в неделю это сделать невозможно. Необходимо шире использовать современные обучающие средства, особенно компьютерные. Кроме того, нужна очень серьезная практическая мотивация обучения бурятскому языку помимо роста национального самосознания. Для языка нужна среда его обитания. При этом очевидно, что особое внимание надо обратить на столицу Бурятии, в частности, на создание пласта городской бурятской культуры. Ведь сегодня мы можем сказать, что Улан-Удэ – это русский город, в котором присутствие бурятского языка практически незаметно.

Обсуждение и заключение. Таким образом, среди наиболее актуальных проблем, стоящих в настоящее время перед бурятским языкознанием, связанных с софункционированием бурятского и русского языков в Бурятии можно выделить следующие: проблемы, связанные с расширением общественных функций бурятского языка, уточнение форм его взаимодей-

ствия с русским языком, изучение диалектики процесса данного языкового контакта, зависимостей социальных изменений в обществе и языковых (на примере бурятского и русского языков), определение влияния (осознанное и неосознанное) общества на язык, создание и унификация терминологии, изучение процессов сближения литературного языка с народной речью, исследования по двуязычной диалектологии, поиск новых возможностей родного языка в сохранении и развитии элементов национальной культуры и национального самосознания, выяснение роли языкового фактора в этнических процессах, лингвистическая оценка билингвизма на различных этапах его развития с учетом социальной принадлежности индивида и т.д.

Публикуемые материалы по языковой ситуации в национальных регионах России говорят, во-первых, о том, что огосударствление ряда языков сыграло положительную роль, оно замедлило процесс утраты языков и в целом состояние отдельных титульных языков оценивается как удовлетворительное. Во-вторых, некоторые положительные моменты в процессе языкового возрождения обусловлены общими процессами духовного, национального возрождения, которые отчасти вызваны противостоянием процессу глобализации, вниманием мировой общественности к состоянию национальных культур, а также процессами демократизации в России, которые в языковом отношении оцениваются как естественная реакция на длительный период вытеснения национальных языков.

Имеется мнение, что в современном обществе на сохранность языка влияют также интерес и понимание ценности аутентичности традиций, культурного наследия, свободный выбор языка и своей идентичности среди молодежи. В связи с этим возникают вопросы: насколько глубоким и длительным будет этот период? как далеко зашел процесс утраты ряда языков России, поскольку в принципе он совпадает с общемировым процессом сокращения числа языков и диалектов?

Соответственно, в контексте международного опыта и опыта языкового законодательства стоит задача разработки новых ориентиров и приоритетов в целях сохранения и дальнейшего развития языкового и культурного разнообразия

регионов России и в том числе Бурятии. В плане исследовательских задач, наряду с продолжением анализа тенденций изменения национального самосознания в условиях глобализации, определения ассимилятивного порога, за которым уже невозможно восстановление языка, попыткой построить личностную модель двуязычия с опережающим развитием на родном языке, необходимо обратить особое внимание на такие субъективные факторы, как способность, возможность и отношение, которые в значительной мере способствуют витальности языка. Что касается конкретно Республики Бурятия, то перед исследователями стоит задача анализа развития современной языковой ситуации в Бурятии, положения бурятского языка в контексте эмоционально-этнических характеристик его носителей, выявление основных мотиваций, направленных на поддержание родного языка, и формирования мотивационно-ценностного отношения к изучению бурятского языка.

В связи с этим необходимо усиление, помимо сентиментально-оценочной, еще и символической функции бурятского языка, поскольку некоторые специалисты считают, что символическая функция важнее, чем коммуникативная. Есть мнение, что в полиэтническом обществе, в условиях дву- и многоязычия отождествление языка с символом этноса, признание его ценностью, частью этнической культуры способствует сохранению родного языка.

Список литературы:

Бажеева Т.П. Дети в языковом пространстве Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 138 с.

Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития [Отв. ред. Д.Д. Бадараев]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 256 с.

Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 188 с.

Дырхеева Г.А. Этнолингвистическое образование в Бурятии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 6 (97). С. 116-121.

Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингви-

стический аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 143 с.

О’Риаган Доналл. Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств – эффективный Европейский инструмент защиты малых языков меньшинств // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: Сборник трудов Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 23-33.

Рандалов Ю.Б., Будаева Т.Ч., Бадараев Д.Д. Учительство, семья, гражданское общество: позиция, видение процессов возрождения национального языка (аспекты социологического анализа). Улан-Удэ: Изд-во ГБУ РЦ «Бэлиг», 2013. 120 с.

Рандалов Ю.Б., Будаева Т.Ч., Дагбаев Э.Д., Бадараев Д.Д. Представители управленческой структуры и формирующегося гражданского общества республики о национальном языке бурятского народа и перспективах его возрождения (аспекты социологического анализа). Улан-Удэ: Изд-во ГБУ РЦ «Бэлиг», 2016. 84 с.

Рандалов Ю.Б., Жалсанова В.Г., Дашибалова И.Н. Перестройка и социальные аспекты процесса возрождения и развития бурятского языка в общеобразовательных школах Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 170 с.

Хилханова Э.В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход). Улан-Удэ: Изд-во ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. 205 с.

References:

Bazheeva T.P. *Deti v jazykovom prostranstve Respubliki Burjatija* [Children in the linguistic space of the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009. 138 p. (In Russian)

Burjatskij jazyk v regionah Rossii, Mongolii i Kitaja: sostojanie, problemy, faktory sohraneniya i razvitiya. Otvetstvennyj redaktor D.D. Badaraev [The Buryat language in the regions of Russia, Mongolia and China: state, problems, factors of preservation and development. Edited by D.D. Badaraev]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 256 p. (In Russian)

Dyrheeva G.A. *Burjatskij jazyk v uslovijah dvujazychija: problemy funkcionirovaniya i perspektivy razvitiya* [Buryat language in conditions of bilingualism: problems of functioning and development prospects]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. 188 p. (In Russian)

Dyrheeva G.A. Jetnolingvisticheskoe obrazovanie v Burjatii [Ethnic and linguistic education in Buryatia]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikal State University Bulletin]. 2013. № 6 (97). Pp. 116-121. (In Russian)

Dyrheeva G.A., Budaev B.Zh., Bazheeva T.P. *Burjatskij jazyk: sovremennoe sostojanie (sociolingvisticheskij aspekt)* [Buryat language: modern state (sociolinguistic aspect)]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 143 p. (In Russian)

Hilhanova Je.V. *Faktory kollektivnogo vybora jazyka i jetnokul'turnaja identichnost' u sovremennyh burjat (diskurs-analiticheskij podhod)* [Factors of collective choice of language and ethnic and cultural identity among modern Buryats (discourse-analytical approach)]. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts Publ., 2007. 205 p. (In Russian)

O'Riagan Donall. Evropejskaja Hartija regional'nyh jazykov i jazykov men'shinstv – jeffektivnyj Evropejskij instrument zashhity malyh jazykov men'shinstv [The European Charter for Regional or Minority Languages is an effective European instrument for the protection of small minority languages]. *Jazyk kak nacional'noe dostojanie: problemy sohraneniya lingvisticheskogo raznoobraziya: Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Language as a national treasure: problems of preserving linguistic diversity: Proceedings of the International Sci-

entific Conference]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009. Pp. 23-33. (In Russian)

Randalov Ju.B., Budaeva T.Ch., Badaraev D.D. *Uchitel'stvo, sem'ja, grazhdanskoe obshchestvo: pozicija, videnie processov vozrozhdenija nacional'nogo jazyka (aspekty sociologicheskogo analiza)* [Teachers, family, civil society: position, vision of the processes of the revival of the national language (aspects of sociological analysis)]. Ulan-Ude: State budgetary institution Republican center "Belig" Publ., 2013. 120 p. (In Russian)

Randalov Ju.B., Budaeva T.Ch., Dagbaev Je.D., Badaraev D.D. *Representatives of the administrative structure and the emerging civil society of the republic on the national language of the Buryat people and the prospects for its revival (aspects of sociological analysis)*. Ulan-Ude: State budgetary institution Republican center "Belig" Publ., 2016. 84 p. (In Russian)

Randalov Ju.B., Zhalsanova V.G., Dashibalova I.N. *Perestrojka i social'nye aspekty processa vozrozhdenija i razvitija burjatskogo jazyka v obshheobrazovatel'nyh shkolah Respubliki Burjatija* [Restructuring and social aspects of the process of revival and development of the Buryat language in secondary schools of the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006. 170 p. (In Russian)

G.A. Dyrheeva

Buryat Language: Present State, Problems and Prospects

The article is devoted to the modern sociolinguistic problems of the Buryat language in the Republic of Buryatia. The purpose of the article is to show the problems and prospects for the preservation and development of the Buryat language in the Republic of Buryatia on the basis of a brief sociolinguistic analysis of the present state of the Buryat language.

The materials for this study were statistical indicators of population censuses, reports of the Ministry of Education of the Republic of Buryatia, government documents related to the operation of language legislation, the adoption of state decisions, programs for its development, the results of a survey of students in 1999-2000 and 2015-2016. The article uses the scientific principle of systematic and comparative analysis, the principle of complexity, the comparative method, and the questionnaire. It is revealed that despite some positive aspects, the problem of support and preservation of the Buryat language remains the most relevant in the language life of the republic. The characteristics of its functioning in the field of mass communication (television, radio, press, computer and virtual technologies) are presented and the need for training personnel to work in the media is noted. The problem of finding new opportunities for the Buryat language in the preservation and development of elements of national culture (the development of certain types of works of small genres, the narrowing of the spheres of functioning of large epic works) remains urgent. In connection with the return of many forgotten national, cultural and religious values, traditional folk medicine its position in the religious sphere has strengthened. The positive and negative aspects of the revitalization of the Buddhist Sangha of Russia which are expressed in particular in enhancing ideas disintegration, maintenance dialects, the weakening of the

Buryat literary language as a source of ethnic identity. Based on comparative data on students and surveys conducted in Buryatia in 1999-2000 and 2015-2016 it is shown that the process of reducing the use of the Buryat language continues, although against the background of the growth of national consciousness. This fact is considered as one of the most important factors in supporting the Buryat language. It is assumed that it is necessary to strengthen in addition to the sentimental and evaluative the symbolic function of the Buryat language, since some experts believe that the symbolic function is more important than the communicative one. The novelty of the article is determined by the identification of modern factors of loss and support of the Buryat language.

Keywords: language situation, state Buryat language, state program, mass media, culture, religion, literary Buryat language, language competence of schoolchildren, ethnic and linguistic consciousness

И.Я. Селютина

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.006

УДК 81'44:81'342.2

Артикуляционно-акустическая база как маркер культурно-языковой идентичности

Язык как одна из основных составляющих культуры представляет собой сложноорганизованную многоуровневую двустороннюю сущность, имеющую план выражения и план содержания. Артикуляционно-акустическая база (ААБ) как система произносительных навыков и их акустических коррелятов, свойственная этносу и через этнос – языку, не являлась предметом непосредственного анализа в исследованиях лингвистических универсалий.

Цель статьи – определить роль артикуляционно-акустической базы в формировании культурной специфики этноса.

В работе обобщены результаты фонико-фонологических исследований по сибирским языкам различного генезиса (тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, самодийским, обско-угорским, енисейским и палеоазиатским), которые были получены сибирскими фонетистами с использованием комплексной методики, включающей как собственно лингвистические методы фонологического анализа, так и экспериментально-фонетические соматические и акустические методики.

Простое логическое заключение о том, что артикуляционно-акустическая база – основная составляющая любого языка как средства вербального общения, непреложное условие осуществления процесса речепроизводства и речевой перцепции, позволяет выдвинуть дедуктивную универсалию о том, что всякому языку свойственна своя артикуляционно-акустическая база. Это теоретическое допущение подтверждается всеми реально существующими и известными науке языками. Актуализация теории ААБ как информационного источника в области культурной антропологии возможна лишь при достаточной разработанности типологической классификации ААБаз, основанной на корректном и всестороннем описании потенциальных доминант – определяющих артикуляционных настроек в единстве с их акустическими соответствиями. Представленная в статье сетка фонико-фонологических оппозиций может рассматриваться как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных артикуляционно-базовых системах, каждая из которых характеризуется своим уникальным пучком корреляций и модусов, является одним из маркеров культурно-языковой идентичности.

Ключевые слова: вербальные традиции, лингвистические универсалии, фонетическая типология, артикуляционно-акустическая база, междисциплинарные исследования, языки Сибири, языковые контакты

Введение. В статье рассматривается роль артикуляционно-акустической базы (ААБ) в формировании культурной специфики этноса.

Культура – это сложноорганизованная система духовных и материальных ценностей общества, нации, этнической группы. Многомерная совокупность мировоззренческих и поведенческих стереотипов, норм, идей, традиций, материальных артефактов складывается и трансформируется в процессе исторического развития данного этнического образования и определяет как его интегрированность в человеческое общество, так и культурную самобытность социального объединения.

Э.Б. Тэйлор, считающийся отцом эволюционной теории развития культуры, включал в понятие культуры полный перечень явлений, составляющих жизнь того или иного народа [Tylor, 1871]. Э. Сепир также считал, что термин культура означает «любой социально унаследованный элемент человеческой жизни – как материальной, так и духовной» [Sapir, 1924: 402].

Культура в широком понимании этого термина – отражение картины мира этноса, нации, цивилизации, человечества. Картина мира как система знаний, дающих интегральное отображение бытия природы, общества и человека, материальной и духовной жизни людей, бесконечна. Следовательно, и культура – это глобальное структурированное многоуровневое множество, включающее огромное количество взаимосвязанных, взаимообусловленных, взаимопересекающихся, динамично развивающихся подмножеств: обыденная культура, мифологическая, религиозная, художественная, научная.

Цель статьи – показать универсальный характер артикуляционно-акустической базы как основной составляющей плана выражения в акте речевого взаимодействия, определить роль ААБ в интеграции глобальной целостности коммуникативных процессов, с одной стороны, и её значимость в формировании культурно-языковой специфики, самобытности этноса, с другой.

Материалы и методы. В работе обобщены результаты изучения звуковых систем языков народов Сибири и сопредельных регионов, полученные сибирскими фонетистами за последние полвека, начиная с конца 1960-х годов. При проведении исследований использовалась комплексная методика, включающая как собствен-

но лингвистические методы фонологического анализа, так и экспериментально-фонетические традиционные и авторские соматические методики рентгенографирования, дентографирования, лабиографирования, лингвографирования и акустические методики спектрографирования, пневмоосциллографирования и интонографирования, а также компьютерные программы создания и обработки звуковых файлов (Speech Analyzer, WinCecil, Praat и др.). С 2009 г. появилась возможность получения соматических данных методом магнитно-резонансного томографирования. Эксперименты проводились на томографе Philips Achieva Nova Dual 1.5 T, катушка Head/Neck synergy SENSE (Philips medical systems; Eindhoven, Netherlands) в Лаборатории медицинской диагностики Института «Международный томографический центр» Сибирского отделения РАН. Графическая постобработка, архивация и морфометрия МР-томограмм осуществлялись на рабочей станции Philips ViewForum RS.1 (Dell). Материал получен более чем по шестидесяти пяти типологически и генетически различным языкам, диалектам и говорам народов Сибири: тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, самодийским, обско-угорским, енисейским и палеоазиатским.

Результаты. Универсалии культуры. Всем культурам на всех этапах их развития присущи общие характеристики – универсалии культуры, некие инварианты, понимаемые как общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности, не зависящие от локализации, исторического периода развития и социального устройства общества и являющиеся основой межцивилизационного диалога. «Универсалии культуры являются элементом, способствующим интеграции глобальной целостности, но вместе с тем они служат тем способом измерения, который позволяет определить самобытность отдельных культур, обеспечивают установление этой самобытности и способствуют межкультурному взаимопониманию» [Дианова, 2008: 36].

Проблема культурных универсалий была актуализирована антропологами в 1950-е гг. В 1959 г. Джордж Питер Мердок, американский социолог, выделил более 70 общих для всех культур универсалий и представил их в виде несистематизированного и неструктурированного списка элементов, оказавшихся в поле зрения

ученого. Это была первая попытка сформулировать научную проблему, но этот опыт послужил стимулом для широкомасштабных и последовательных исследований всех уровней культуры, потенциально отражающих все аспекты человеческого бытия.

Лингвистические универсалии. В перечень универсалий культуры, выявленных Дж. Мердоком, входят в том числе язык, фольклор, мифология, религиозные ритуалы, музыка. Культурные универсалии существуют и могут воплощаться в вербальных традициях разных народов в разных опосредованных вербаликой культурных формах (фольклоре, литературе, языке) [Шапошникова, 2020: 200].

Язык как одна из основных составляющих культуры представляет собой сложноорганизованную многоуровневую систему систем, «... единство, состоящее из взаимосвязанных или взаимообусловленных частей – элементов, воплощенных в реальную субстанцию и имеющих конкретную схему взаимосвязей (отношений), т. е. структуру... не менее важной характеристикой системы является ее субстанция» [Мельников, 1967: 98]. Язык – знаковая система, в которой знак как единица (морфема, слово, словосочетание, предложение) является двусторонней сущностью, имеющей план выражения и план содержания.

Каждый ярус языка имеет свою систему лингвистических универсалий, свойственных всем языкам мира: универсалии фонетические, грамматические (морфологические, синтаксические), семантические. «Эта группировка соответствует членениям по принципу “план выражения – план содержания”» [Степанов, 1966: 135].

Лингвистические универсалии – это языковые явления (свойства, характеристики, отношения, процессы), которые имеют место во всех (или почти во всех, за очень малым исключением) языках мира [Мечковская, 2001: 19].

Интерес к изучению универсалий, восходящий к античности, получил развитие в средние века при разработке универсальных грамматик («grammatica universalis»). Отклонения живых языков от универсальной схемы трактовались как деградация языков, их изменения, варьирование – как порча (итальянский – испорченная латынь, русский – испорченный церковнославянский). Усилия лингвистов вплоть до XIX в.

были направлены на поиски в языках общего, а не специфического. Позднее, в середине XX в., поиски языковых универсалий актуализировались в связи с развитием структурной лингвистики под влиянием трудов Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy, 1938; Трубецкой, 1960] и связаны с именами Р.О. Якобсона и Дж. Гринберга.

Понимание того, что исследование универсалий представляет собой одно из самых перспективных направлений общего языкознания, нашло отражение в докладах ученых на Нью-Йоркской конференции 1961 г. [Universals of language, 1963], где был принят «Меморандум о языковых универсалиях» [Гринберг и др., 1970], и на Московской конференции 1966 г. по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков [Языковые универсалии ..., 1969].

В отечественном языкознании с характерным для него стремлением к систематизации знаний наиболее успешно лингвистика универсалий разрабатывалась Б.А. Успенским, Ю.В. Рождественским, Б.А. Серебренниковым, Ю.С. Степановым, В.М. Солнцевым.

Б.А. Успенским представлена классификация различных типов языковых универсалий: дедуктивные и индуктивные (эмпирические); абсолютные и статистические (полные и неполные); простые и сложные (имплицитивные); синхронические и диахронические; универсалии языка и универсалии речи; экстралингвистические и собственно лингвистические; собственно лингвистические делятся на фонологические, грамматические и семантические; универсалии разных уровней абстракции [Успенский, 1965: 179–181; Успенский, 1970: 17–29].

Дедуктивные универсалии выдвигаются в качестве теоретического предположения, индуктивные формулируются на основе эмпирических данных, не только подтверждающих, но и конкретизирующих дедуктивные допущения. Н.Б. Мечковская приводит пример дедуктивной универсалии, выведенной из теории информации: «Все естественные языки обладают свойством избыточности в передаче информации». Эмпирические статистические данные позволили детализировать это утверждение: «Мера избыточности языков также универсальна: в аспекте плана выражения (предсказуемости букв или фонем) она составляет 60–70%» [Мечковская, 2001: 249].

Б.А. Успенский приводит в «Структурной типологии ...» составленный им по материалам Нью-Йоркской конференции 1961 г. развернутый список основных универсалий, характеризующихся как индуктивные, собственно-лингвистические (фонологические и грамматические), синхронические [Успенский, 1965: 182–222].

Инвентарь лингвистических универсалий по Б.А. Успенскому включает 204 единицы. Из них 139 универсалий фоико-фонологического характера и 65 – грамматического. При этом фонетический раздел перечня содержит 75 единиц, сформулированных в собственно фонологических терминах, 54 единицы – в терминах фонетики (точнее, фоники) и 10 универсалий – из морфо- и синтактофонологии.

Для формализации и единообразия записи универсалий Б.А. Успенский использует символы кванторов: $\forall$ – квантор всеобщности («во всех случаях...», «всякий...», «всегда...»), d – квантор вероятности («в большинстве случаев...»), $\exists$ – квантор существования («существует...», «имеется...»), $\neg$ – отрицание квантора ($\neg \exists$ – «не существует...»).

Примеры простых фонологических универсалий:

$\forall - \exists$ противопоставление гласных – негласных («Во всех языках существует противопоставление гласных – негласных»);

$d - \exists$ противопоставление носовых – неносовых («В большинстве языков существует противопоставление носовых – неносовых»).

Примеры сложных имплицативных фонологических универсалий (бинарных логических связей, соответствующих грамматической конструкции «если..., то...»):

$\forall - \exists$ не менее двух $\Gamma - \exists$ противопоставление Γ по раствору (полнозвучности) («Во всех языках, в которых имеется не менее двух гласных, существует противопоставление гласных по раствору»);

$\forall - \exists$ всего три признака раствора (полнозвучности) Γ и $\exists$ локальные (тембровые) признаки $\Gamma - \forall$ локальный (тембровый) признак представлен в узких Γ [т. е. в минимальной системе раствора (полнозвучности)] («Во всех языках, имеющих всего три признака раствора гласных и имеющих локальные признаки гласных всегда локальный признак представлен в узких гласных»).

С некоторыми импликационными универсалиями, предложенными Б.А. Успенским, нельзя согласиться, например:

$\forall - \exists$ локальное (тембровое) противопоставление $\Gamma - \exists$ не более четырех локальных (тембровых) признаков Γ («Во всех языках, имеющих локальное противопоставление гласных, существует не более четырех локальных признаков гласных»). Данная импликация построена Б. А. Успенским с опорой на «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого [Успенский, 1965: 188; Трубецкой, 1960: 109].

Анализ большого массива инструментальных соматических (прежде всего рентгенографических) данных по типологически и генетически различным языкам народов Сибири и сопредельных регионов позволил В.М. Наделяеву внести уточнения в классификационную таблицу гласных в языках мира, разработанную ак. Л.В. Щербой и наиболее адекватно (по сравнению с таблицами предшественников) отражающую антропофонические возможности речевого аппарата [Щерба, 1937; Матусевич, 1951]. Наряду с передним, центральным, задним и смешанным рядами гласных, В.М. Наделяев выделил пятый – центральнозадний ряд, артикулируемый при векторной направленности межзубной части спинки языка к середине передней половины мягкого нёба и имеющий 6 типовых ступеней отстояния [Наделяев, 1980: 188]. Выделенные В. М. Наделяевым центральнозадние артикуляции гласных доминируют в вокалических системах языков народов Сибири, употребляясь как в лексемах с твердорядной вокальной осью, что ожидаемо, так и в словоформах мягкорядных, – в вариантах, сильно- и сверхсильновыдвинутых вперед, и факультативно замещаясь здесь гласными центрально- или смешаннорядными. В качестве примера можно привести вокалическую систему тубадиалекта алтайского языка: из таблицы основных типов гласных-монофтонгов видно, что центральнозадний артикуляционный ряд является наиболее функционально нагруженным [Сарбашева, 2004: 211–212].

Подводя промежуточный итог работы над проблемой лингвистики универсалий, Б.А. Успенский приходит к выводу, что современная универсальная грамматика – это система взаимосвязанных универсальных имплика-

ций, отражающих все возможности, которые могут быть представлены вообще в разных языках, и разнообразные следствия из этих возможностей. В идеале такая система должна быть построена аналогично таблице химических элементов Д.И. Менделеева – в ней должны быть предусмотрены места для еще не найденных универсальных закономерностей; эти пустые клетки могут рассматриваться как потенциальные универсалии [Успенский, 1970: 16–17].

Огромный труд, проделанный Б.А. Успенским по выявлению, систематизации и классифицированию языковых и прежде всего фонологических универсалий, получил развитие в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Некоторые уточнения и дополнения в классификацию лингвистических универсалий внесены Н.Б. Мечковской [Мечковская, 2001: 245–283]. Но в основном исследования фоново-фонологических универсалий сегментного и суперсегментного уровней носят фрагментарный характер [Ferguson, 1974; Crothers, 1978; Maddieson, 1999; Хромов, 2013]; из обобщающих работ можно назвать монографию Б. Комри по теории языковых универсалий в морфологии и синтаксисе [Comrie, 1981]. Существенным достижением для мировой лингвистики стало создание общедоступного электронного архива имплицативных универсалий¹, включающего 2 000 единиц вхождения и располагающего поисковой системой.

Для фонологов представляет также интерес работа В. Периклиева «Имплицативные фонологические универсалии» [Pericliev, 2008], в которой для решения сложных лингвистических задач при автоматической обработке большого массива данных применялись методы компьютерной лингвистики. Исследование проводилось на наиболее репрезентативной и тщательно выверенной базе данных UCLA Phonological Segment Inventory Database (UPSID-451), составленной И. Мэддисоном и включающей инвентари фонологических единиц сегментного уровня по 451 языку из 18-и основных генетических групп Евразии, Африки, Америки и Австралии. Система выявила 146 статистически значимых универсалий, поддерживаемых языками не менее чем из двух языковых семей и по крайней мере из двух географических зон. Было

установлено, что в имплицативных универсалиях «Если сегмент А ..., то сегмент В» антецедент и следствие должны иметь по крайней мере один общий признак и, кроме того, последующий сегмент универсалии должен иметь равное или меньшее число признаков, чем предшествующие, например: наличие звонкого дентального/альвеолярного взрывного согласного в языке подразумевает наличие в нем глухого дентального/альвеолярного взрывного ([d] → [t]); иными словами, наличие в языке маркированного члена оппозиции предполагает наличие и немаркированного. Выявленный принцип является статистически и прогностически значимым и может использоваться для языковых реконструкций и типологических построений.

Артикуляционно-акустическая база как лингвистическая универсалия. Как показывает краткий обзор исследований по лингвистике универсалий, основным объектом в них являются по преимуществу универсалии фоново-фонологического характера, поскольку фонология имеет стратегическое значение для формирования методологии общественных наук.

Значение фонологии для развития гуманитарного знания было оценено основателем структурной антропологии Клодом Леви-Строссом, считавшим, что «...фонология призвана сыграть в отношении гуманитарных наук ту же революционизирующую роль, что и ядерная физика в отношении точных наук» [Lévi-Strauss, 1949]. Фонология для гуманитарных наук не только раздел лингвистики, но фундамент для построения гуманитарного знания в целом. Принципы описания, сформулированные в фонологии, могут быть использованы не только при изучении различных ярусов языка, но и в процессе анализа системно организованных объектов гуманитарного знания [Леви-Стросс, 2001: 39 и др.]. Фонология – наука-лоцман, на которую должны во многом ориентироваться все другие филологические науки [Мамудян, 1985: 70]. Фонология как своего рода демиург создает лингвистику XX в. по образу и подобию своему [Журавлев, 1986: 4].

Приведенные выше высказывания подчеркивают роль отечественной лингвистики в формировании фонологии как фундаментальной, ба-

¹The Konstanz Universals Archive.

зовой для гуманитарного знания науки, в которой «...оформилось представление о системном устройстве объектов реальной действительности. Именно здесь центр внимания исследователя перенесен на целостность объекта-системы и взаимную детерминацию элементов целостности; здесь четко разграничена парадигматика и синтагматика и т. д. Все это оказалось весьма существенным для успешного развития современного научного мышления» [Журавлев, 1982: 171]. И именно в фонетике для систематизации единиц была использована таблица, построенная по принципу периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева – как упоминалось выше, на необходимость создания в идеале аналогичной таблицы для классификации языковых универсалий указывал Б.А. Успенский [Успенский, 1970: 16–17].

Следует отметить, что в лингвистической литературе, в том числе и в цитируемой выше, зачастую наблюдается смешение терминов фонетика и фонология. Как известно, термин *фонетика* имеет двоякое толкование, обозначая как родовое, так и видовое понятия, т. е. фонетика = фонетика + фонология. Дабы исключить противоречие, сибирские фонетисты используют, вслед за В.М. Наделяевым, термины *фоника* как учение о единицах речи (фонах), *фонология* как учение о единицах языка (фонемах) и *фонетика* как родовое понятие по отношению к видовым понятиям фоника и фонология. В этом случае фонетическое исследование предполагает изучение фонологической системы языка в неразрывном единстве с выявлением фонических артикуляционно-акустических характеристик реализаций фонем.

В данной статье рассматривается содержание понятия артикуляционно-акустической базы и её роли в формировании этнической идентичности. Исследование ААБ как системы произносительных навыков и их акустических коррелятов предполагает объектом субстантные, т. е. фонические характеристики звуков речи. В то же время специфика артикуляционных баз этносов детерминирует классификационную отнесенность фонологических подсистем, их место в типологической классификации, а актуализация теории ААБ в качестве историко-лингвистического источника открывает перспективы для разработки проблемы

языковых взаимодействий, культурной идентичности.

Артикуляционно-акустическая база как система произносительных навыков и их акустических коррелятов, свойственная этносу и через этнос – языку, не являлась предметом непосредственного анализа в исследованиях лингвистических универсалий, хотя подавляющее количество фонологических универсалий формулируется в терминах артикуляционной фонетики. Вместе с тем простое логическое заключение о том, что ААБ – основная составляющая любого языка как средства вербального общения, непреложное условие осуществления процесса речепроизводства и речевой перцепции, позволяет выдвинуть дедуктивную универсалию о том, что всякому языку свойственна своя артикуляционно-акустическая база. Это теоретическое допущение подтверждается всеми реально существующими и известными науке языками.

Артикуляционно-акустическая база складывается на самых ранних этапах формирования этноса. ААБ – свойство создавшего её этноса, а не языка, но существует и проявляется она в материальной стороне языка. В процессе исторического развития этническая группа может последовательно переходить на иные языки в результате разнообразных контактов с другими этносами, вплоть до полного слияния с ними. Но если данная этническая общность всё же осталась компактной, не рассеялась территориально, то она сохраняет в существенных чертах свою артикуляционно-акустическую базу, что объясняется относительной автономностью звуковой системы в языке. При этом ААБ, изначально свойственная данному этносу, при переходе его на другой язык принципиально меняет звуковую систему каждого усвоенного данной этнической общностью нового для неё языка. То есть этнос, усвоив новый язык, но сохранив свою ААБ, создаёт новый диалект этого языка с новым звучанием, вследствие чего диалекты в большей мере различаются фонетически, а не лексически или грамматически.

Артикуляционно-акустическая база – это динамический стереотип, который осваивается ребёнком в возрасте от 9 месяцев до 2 лет в процессе общения с матерью (или другим воспитателем), позднее – от 2 до 5 лет – закрепляется в сознании на всю жизнь. ААБ – явление соци-

альное, а не биологическое, обусловлено средой, а не особенностями речевого аппарата представителей этноса.

Артикуляционно-акустическая база, видоизменяясь, передаётся тем не менее из поколения в поколение в своих основных доминантных признаках. Эта особенность закрепления ААБ у носителей языка позволяет использовать её в совокупности с данными других дисциплин в качестве источника при построении языковой ретроспективы и индикатора этногенетических процессов, что особенно важно при изучении истории бесписьменных народов Сибири. Наиболее надёжным и информативным историко-лингвистическим источником является ААБ этносов, проживающих в горах или глухой тайге, т. е. в условиях относительной географической изоляции, замкнутого ведения хозяйства и, следовательно, относительной консервации языков, сохраняющих в своих звуковых системах древнейшие черты. Многие фонетические закономерности и регулярные звуковые соответствия у родственных языков в значительной степени объясняются спецификой артикуляционно-акустических баз, т. е. особенностями произносительных навыков носителей субстратных языков [Наделяев, 1980; Наделяев, 1986].

Актуализация теории ААБ как информационного источника в области культурной антропологии возможна лишь при достаточной разработанности типологической классификации ААБаз, основанной на корректном и всестороннем описании потенциальных доминант – определяющих артикуляционных настройках в единстве с их акустическими соответствиями.

ААБ складывается из следующих компонентов: консонантизм – С, вокализм – V, силлабика – S, гармония гласных – H, акцентуация – A, тоналность – T, ритмомелодика – R□M. Объём понятия «артикуляционно-акустическая база» можно представить в виде формулы: ААБ {CVS(H)A(T)R□M}.

Потенциальными детерминантами ААБаз являются следующие соматические параметры:

1. Степень напряженности: 1) согласных: а) сильный / слабый / сверхслабый; б) слабый / сверхслабый; 2) гласных: а) сильный / слабый; б) слабый / сверхслабый.

2. Глухость / звонкость: глухой / звонкий / сонорный.

3. Степени длительности: 1) согласных: долгий / краткий / долготнонеопределённый; 2) гласных: а) долгий / краткий / сверхкраткий; б) долгий / краткий.

4. Аспирированность / неаспирированность.

5. Артикуляторная рядность: 1) согласных: губной / переднеязычный / среднеязычный / межзубноязычный / заднеязычный / велярно-увулярный / верхнефарингальный / нижнефарингальный / эпиглоттальный / гортанный; 2) гласных: переднерядный / центральнорядный / центральнозаднерядный / заднерядный / смешаннорядный.

6. Тип переднеязычной настройки согласных: апикальный / какуминальный / ретрофлексный / дорсальный.

7. Тип активности артикулирующих органов: 1) одноактивность (губность, переднеязычность, среднеязычность, межзубноязычность, заднеязычность, язычковость, плоточность, надгортанниковость, гортанность); 2) двуактивность: а) комбинированность С / С (переднеязычно / среднеязычность, велярно / увулярность и т. д.); б) сложность С : С (губно : губность, заднеязычно : велярность и т. д.); в) двухфокусность С – С (передне – среднеязычность, губно – гортанность и т. д.).

8. Преградность (согласные): 1) смычность; 2) щелиность: а) плоская медиальная; б) круглая медиальная; в) латеральная; 3) вибрантность: а) смычная; б) щелиная; в) комбинированная; 4) смычно-щелиность.

9. Сочетаемость согласных: 1) в начале слова: С-, СС-, ССС-, СССС-; 2) в середине слова: -С-, -СС-, -ССС-; в конце слова: -С, -СС, -ССС.

10. Работа дополнительного активного органа: 1) лабиализация (круглая, плоская); 2) палатализация (слабая, умеренная, сильная, сверхсильная); 3) веляризация; 4) назализация; 5) факкализация; 6) увуларизация; 7) фарингализация; 8) ларингализация; 9) аспирация.

11. Акцентуация: 1) локализация ударения: а) на первом слоге; б) на последнем слоге; в) на срединном слоге; г) разноместность ударения; 2) тип ударения: а) динамическое ударение; б) музыкальное ударение; в) количественное ударение; г) качественное ударение.

12. Силлабика: типы слогов: V, CV, CVC, VC, (C)VCC, CCV.

13. Сингармонизм (гармония гласных): 1) палатальность: а) твердорядность // мягкорядность;

б) твердоярность // мягкорядность // нейтрально-ярность; 2) лабиальный: а) лабиализованность // нелабиализованность; 3) компактный (по подъему): а) высокого подъема // низкого подъема; 4) фарингальный: фарингализованность // нефарингализованность.

14. Ритмомелодика.

15. Тоны: а) ровный средний; б) ровный низкий; в) ровный высокий; г) восходящий высокий; д) восходящий низкий; е) восходяще-ровный высокий; ж) восходяще-ровный низкий; з) восходяще-нисходящий; и) нисходяще-восходящий, и т. д. [Наделяев, 1986; Артикуляционно-акустические базы ..., 2012: 38–46].

Представленная сетка фонетических оппозиций, открытая для добавлений и уточнений, может рассматриваться как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных артикуляционно-базовых системах, каждая из которых характеризуется своим уникальным пучком корреляций и модусов. «Универсальное и специфическое – это две ипостаси культуры. ... Специфическое – это способ и форма воплощения универсального» [Шапошникова, 2020: 201–202].

Обсуждение и заключение. Результаты проведенных сибирскими фонетистами инструментальных исследований особенностей артикуляционно-акустических баз носителей языков народов Сибири и специфики структурной организации вокальных и консонантных систем, а также конструкций суперсегментного уровня свидетельствуют о наличии глубинных связей между фонико-фонологическими системами и культурно-исторической памятью этносов. Фиксируемая на современном синхронном срезе специфика звуковых систем сформировалась благодаря тому, что артикуляционные уклады, сложившиеся на ранней стадии существования этносов и сохранявшиеся на протяжении веков в своих основных доминантных характеристиках даже при переходе этносов на другие языки, выполнили функцию аккумуляторов, хранителей и трансляторов социально-исторического опыта предшествующих поколений. Этнические и языковые пересечения, взаимодействия и взаимовлияния, имевшие место в прошлом народов, сохранились в языковом сознании, реализуясь, в частности, в артикуляционно-акустических параметрах речи носителей совре-

менных языков. ААБ как система кодирования и передачи этнолингвистической информации другим поколениям общности является одним из маркеров культурно-языковой идентичности в оппозиции «свой – чужой».

Артикуляционно-акустическая база как лингвистическая универсалия, реализуясь в процессе коммуникации членов определенного этноса, формирует его фоносферу как одну из детерминант уникального культурного ландшафта, этноспецифичной звуковой картины мира, определяет принадлежность носителя языка к данной культуре и противопоставляет другим этносам.

Единство универсального и уникального в языке является залогом сохранения многообразия культуры в её вербальной форме, интеграции культурных ценностей при сбережении их самобытности.

Список литературы:

- Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) / И.Я. Селютина, Н.С. Уртегешев, А.Ю. Летягин, А.И. Шевела, А.А. Добрина, Г.А. Эсенбаева, А.А. Савелов, М.В. Резакова, Ю.А. Ганенко. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 372 с.
- Гринберг Дж., Огуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 31–44.
- Дианова В.М. Универсалии культуры как основа межкультурного диалога // Диалог цивилизаций: философские, культурологические, исторические аспекты: Материалы международной конференции. Казань, 2008. С. 28–36.
- Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Журавлев В.К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. 231 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Мамудян М. Лингвистика. М.: Прогресс, 1985. 200 с.
- Матусевич М.И. Л.В. Щерба как фонетик // Памяти академика Л.В. Щербы. Л., 1951. С. 75–78.
- Мельников Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М.: Наука, 1967. С. 98–102.

Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Учебное пособие: Изд. 2-е. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.

Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.

Наделяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.

Сарбашева С.Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 244 с.

Степанов Ю.С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. 271 с.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Иностранная литература, 1960. 372 с.

Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 5–30.

Успенский Б.А. Структурная типология языков. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 287 с.

Хромов С.С. Интонация как универсалия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1 (17). С. 84–91.

Шапошникова И.В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 199–215.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Л.: Учпедгиз, 1937. 256 с.

Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. 343 с.

Comrie B. Language universals and linguistic typology: syntax and morphology. University of Chicago Press, 1989. 264 p.

Crothers J. Typology and universals of vowel systems. Greenberg, ed. Universals of human language. Volume 2: Phonology. Stanford: Stanford University Press. 1978. Pp. 93–152.

Ferguson Ch. A. Universals of nasality. Working Papers on Language Universals. 1974. № 14. Pp. 1–16.

Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. Paris, 1949.

Maddieson I. In search of universals. Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic Sciences (1–7 August 1999, San Francisco). Pp. 2521–2528.

Pericliev V. Implicational phonological universals. Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. Edited T. Fanego. De Gruyter Mouton, 2008. Volume 42. №1. Pp. 195–225.

Sapir E. Culture, Genuine and Spurious. The American Journal of Sociology. 1924. № 29 (4). Pp. 401–429.

Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie. TCLP. VII. Prague, 1938.

Tylor E. B. Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom. London, 1871. 468 p.

Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry (April 13–15 1961, New York). Edited J. H. Greenberg. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1963. Pp. 269.

References:

Artikulyatornye bazy korennykh tjurkskikh jetnosov Juzhnoj Sibiri (po dannym MRT i cifrovoj rentgenografii). I. Ja. Seljutina, N.S. Urtegeshev, A. Ju. Letjagin, A.I. Shevela, A.A. Dobrinina, G.A. Jesenbaeva, A.A. Savelov, M.V. Rezakova, Ju.A. Ganenko [Articulatory bases of indigenous Turkic ethnic groups of Southern Siberia (according to MRI and digital radiography)]. I. Ya. Selyutina, N.S. Urtegeshev, A. Yu. Letyagin, A.I. Shevela, A.A. Dobrinin, G.A. Esenbaeva, A.A. Savelov, M.V. Rezakova, Yu.A. Ganenko]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 372 p. (In Russian)

Comrie B. *Jazykovye universalii i lingvisticheskaja tipologija: sintaksis i morfologija* [Language universals and linguistic typology: syntax and morphology]. University of Chicago Press, 1989. 264 p. (In English)

Crothers J. *Tipologija i universalii glasnyh sistem*. Grinberg, izd. *Universalii chelovecheskogo jazyka. Tom 2: Fonologija* [Typology and universals of vowel systems. Greenberg, ed. Universals of human language. Volume 2: Phonology]. Stanford: Stanford University Press. 1978. Pp. 93–152. (In English)

Dianova V.M. Universalii kul'tury kak osnova mezhcivilizacionnogo dialoga [Cultural universals as the basis for inter-civilizational dialogue]. *Dialog civilizacij: filosofskie, kul'turologicheskie, istoricheskie aspekty: Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Dialogue of Civilizations: Philosophical, Culturological, Historical Aspects: Proceedings of the International Conference]. Kazan, 2008. Pp. 28–36. (In Russian)

Ferguson Ch. A. *Universalii nazal'nosti. Rabochie materialy po jazykovym universalijam* [Universals of nasality. Working Papers on Language Universals]. 1974. № 14. Pp. 1–16. (In English)

Grinberg Dzh., Osgud Ch., Dzhenkins Dzh. Memorandum o jazykovyh universalijah [Memorandum on Language Universals]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Issue 5: Language universals. Moscow: Progress Publ., 1970. Pp. 31–44. (In Russian)

Hromov S.S. Intonacija kak universalija [Intonation as a universal]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Episode 2: Linguistics]. 2013. № 1 (17). Pp. 84–91. (In Russian)

- Jazykovye universalii i lingvisticheskaia tipologija* [Linguistic universals and linguistic typology]. Moscow: Science, 1969. 343 p. (In Russian)
- Lévi-Strauss C. *Jelementarnye struktury rodstva* [Les structures élémentaires de la parenté]. Paris, 1949. (In French)
- Levi-Stross K. *Strukturnaja antropologija* [Structural anthropology]. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 512 p. (In Russian)
- Maddieson I. *V poiskah universalij. Materialy 14-go Mezhdunarodnogo kongressa foneticheskikh nauk (1–7 avgusta 1999 g., San-Francisko)* [In search of universals. Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic Sciences (1–7 August 1999, San Francisco)]. Pp. 2521–2528. (In English)
- Mamudjan M. *Lingvistika* [Linguistics]. Moscow: Progress, 1985. 200 p. (In Russian)
- Matusevich M.I. L.V. Shherba kak fonetik [L.V. Shcherba as a phoneticist]. *Pamjati akademika L.V. Shherby* [In memory of academician L.V. Shcherby]. Leningrad, 1951. Pp. 75–78. (In Russian)
- Mechkovskaja N. B. *Obshhee jazykoznanie: Strukturnaja i social'naja tipologija jazykov. Uchebnoe posobie: Izdanie 2-e* [General Linguistics: Structural and Social Typology of Languages. Tutorial: Edition 2]. Moscow: Flinta: Science, 2001. 312 p. (In Russian)
- Mel'nikov G.P. Sistemnaja lingvistika i ee otnoshenie k strukturnoj [Systemic linguistics and its relation to structural]. *Problemy jazykoznanija: Doklady i soobshhenija sovetskikh uchenykh na 10 Mezhdunarodnom kongresse lingvistov* [Problems of Linguistics: Reports and Messages of Soviet Scientists at the X International Congress of Linguists]. Moscow: Science, 1967. Pp. 98–102. (In Russian)
- Nadeljaev V.M. Artikuljacionnaja klassifikacija glasnykh [Articulation classification of vowels]. *Foneticheskie issledovanija po sibirskim jazykam* [Phonetic research in Siberian languages]. Novosibirsk, 1980. Pp. 3–91. (In Russian)
- Nadeljaev V.M. K tipologii artikuljacionno-akusticheskikh baz (AAB). [Towards a typology of articulatory acoustic bases (AAB)]. *Foneticheskie struktury v sibirskikh jazykakh* [Phonetic structures in Siberian languages]. Novosibirsk, 1986. Pp. 3–15. (In Russian)
- Pericliev V. *Implikacionnye fonologicheskie universalii. Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. Pod redakciej T. Fanego. De Gruyter Mouton* [Implicational phonological universals. Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. Edited T. Fanego. De Gruyter Mouton]. 2008. Volume 42. №1. Pp. 195–225. (In English)
- Sapir E. Culture, Genuine and Spurious [Kul'tura, podlinnaja i fal'shivaja]. *Amerikanskij zhurnal sociologii* [The American Journal of Sociology]. 1924. № 29 (4). Pp. 401–429. (In English)
- Sarbasheva S.B. *Fonologicheskaja sistema tuba-dialekta altajskogo jazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [The phonological system of the tuba-dialect of the Altai language]. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2004. 244 p. (In Russian)
- Shaposhnikova I.V. Ipostasi verbal'noj kul'tury: universal'noe v specifichnom [The hypostasis of verbal culture: the universal in the specific]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2020. № 1. Pp. 199–215. (In Russian)
- Shherba L.V. *Fonetika francuzskogo jazyka* [Phonetics of the French language]. Leningrad; Moscow: State educational pedagogical publishing house, 1937. 256 p. (In Russian)
- Stepanov Ju.S. *Osnovy jazykoznanija* [Fundamentals of linguistics]. Moscow: Enlightenment, 1966. 271 p. (In Russian)
- Trubeckoj H.S. *Fundamentals of Phonology*. Moscow: Foreign Literature, 1960. 372 p. (In Russian)
- Trubetzkoy N. S. *Osnovy fonologii* [Grundzüge der Phonologie]. TCLP. VII. Prague, 1938. (In German)
- Tylor E. B. *Pervobytnaja kul'tura: issledovanija razvitija mifologii, filosofii, religii, jazyka, iskusstva i obyčaevev* [Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom]. London, 1871. 468 p. (In English)
- Universalii jazyka. Otchet o konferencii, provedennoj v Dobbs-Ferri (13–15 aprlja 1961 g., N'ju-Jork). Pod redakciej Dzh. H. Grinberga* [Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry (April 13–15 1961, New York). Edited J. H. Greenberg]. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1963. Pp. 269. (In English)
- Uspenskij B.A. *Problema universalij v jazykoznanii* [The problem of universals in linguistics]. *Novoe v lingvistike. Vypusk 5: Jazykovye universalii* [New in linguistics. Release 5: Linguistic universals]. Moscow: Progress, 1970. Pp. 5–30. (In Russian)
- Uspenskij B.A. *Strukturnaja tipologija jazykov* [Structural typology of languages]. Moscow: Science, Main editorial office of oriental literature, 1965. 287 p. (In Russian)
- Zhuravlev V.K. *Diahronicheskaja fonologija* [Diachronic phonology]. Moscow: Science, 1986. 231 p. (In Russian)
- Zhuravlev V.K. *Vneshnie i vnutrennie faktory jazykovoj jevoljucii* [External and internal factors of language evolution]. Moscow: Science, 1982. 328 p. (In Russian)

I.Ya. Selyutina

Articulation and Acoustic Base as a Marker of Cultural and Linguistic Identity

Language as one of the main components of a culture is a complex multi-level two-sided entity with a plan of expression and a plan of content. The articulation and acoustic base (AAB), as a system of pronunciation skills and their acoustic correlates, inherent to an ethnos and through an ethnos to a language, was not the subject of direct analysis in the study of linguistic universals.

The purpose of the article is to determine the role of the articulatory and acoustic base in the formation of the cultural specificity of an ethnic group. The work summarizes the results of phonological studies on Siberian languages of various genesis (Turkic, Mongolian, Tungus-Manchu, Samoyed, Ob-Ugric, Yenisei and Paleo-Asian), which were obtained by Siberian phoneticists using a complex methodology, including phonetic methods proper and experimental and phonetic somatic and acoustic techniques. A simple logical conclusion that the articulatory and acoustic base is the main component of any language as a means of verbal communication, an indispensable condition for the implementation of the process of speech production and speech perception, allows us to put forward a deductive universal that every language has its own articulatory and acoustic base. This theoretical assumption is confirmed by all really existing languages known to science. Actualization of the AAB theory as an information source in the field of cultural anthropology is possible only if the typological classification of AA Bases. That is sufficiently developed, based on a correct and comprehensive description of potential dominants and defining articulatory settings in unity with their acoustic correspondences. The grid of phonological oppositions presented in the article can be considered as a universal, an abstract construct that is realized in specific languages in specific articulatory basic systems each of which is characterized by its own unique bundle of correlations and modes, is one of the markers of cultural and linguistic identity.

Keywords: verbal traditions, linguistic universals, phonetic typology, articulatory and acoustic base, interdisciplinary research, languages of Siberia, language contacts

Е.В. Тюнтешева, О.Ю. Шагдурова

DOI: 10.25693/SVG.2021.34.1.007

УДК 811.512.1(1-925.11/16)

Развитие семантики глаголов векторной характеристики движения в тюркских языках Сибири (в сравнении с другими тюркскими языками)

Анализируется развитие семантики основных общетюркских глаголов векторной характеристики движения. Исследуются только значения, относящиеся к перемещению в пространстве и времени. Рассматриваются некоторые особенности сочетаемости этих глаголов в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском, тувинском) и в других тюркских, прежде всего кыпчакских языках.

Цель статьи – выявить у глаголов с основным значением ‘выходить’, ‘входить’, ‘спускаться’ тенденции развития вторичных значений перемещения в пространстве и времени.

Материалом исследования послужили общетюркские глаголы векторной характеристики движения: *чык-*, *ун-* ‘выходить’, *кир-* ‘входить’, *туш-* ‘спускаться’, *ин-* ‘спускаться’, *бат-* ‘погружаться’. Используются методы сравнительного и контекстного анализа.

© Тюнтешева Е.В., Шагдурова О.Ю., 2021

В результате исследования установлено, что у глаголов с основным значением ‘выходить’ (*чык-*, *ун-*, як. *табыс-*) отмечается также значение ‘подниматься’, у глаголов со значением ‘входить’ (*кир-*) или ‘спускаться’ (*түш-*, *ин-*, *бат-*) выявляется семантика движения вниз и внутрь соответственно. Это проявляется и в варьировании употребления данных глаголов в разных языках, а иногда в рамках одного и того же языка. Иногда сибирские языки оказываются противопоставленными другим языкам. Но и в тюркских языках Сибири обнаруживаются существенные различия в плане семантики и употребления рассматриваемых глаголов. Отсутствие тех или иных глаголов в каком-либо языке восполняется развитием соответствующих значений у другого глагола. Варьирование использования тех или иных лексем наблюдается также при обозначении действия в определенном временном отрезке.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, кыпчакские языки, глаголы движения, семантика, развитие значений, сочетаемость

Введение. Глаголы векторной характеристики движения относятся к большой лексико-семантической группе глаголов движения. В тюркологии, в частности при изучении сибирских языков, глаголы движения рассматривались как члены определенных лексико-семантических групп (глаголы бытия, движения и перемещения) [Э.Р. Тенишев, 1961; Н.К. Дмитриев, 1962; Т.Н. Васильева, 1980; Ю.В. Псянчин, 1990; А.Н. Чугункова, 2016; М.Г. Усманова, 2002; В.С. Барыс-Хоо, 2006], как предикаты синтаксических моделей [И.А. Невская, 2005] и компоненты грамматических конструкций [А.А. Юлдашев, 1965; И.В. Шенцова, 1997; Т.А. Майсак, 2005] и др. С точки зрения развития многозначности глагольных лексем некоторые глаголы движения хакасского, алтайского и тувинского языков описаны О.Ю. Кокошниковой [Кокошникова, 2004]. В последние десятилетия вышли работы по глаголам движения в разносистемных языках (в частности, на материале хакасского языка [Майсак, 2007]), где определен новый подход к исследованию глаголов движения и уделяется внимание их вторичным значениям [Майсак, 2007; Киселева, Уханова, 2018; Плотнокова, 2005; Надеина, 2009]. По тюркским языкам Сибири практически не имеется работ в этом направлении.

Цель статьи – выявление у глаголов с основным значением ‘выходить’, ‘входить’, ‘спускаться’ тенденции развития вторичных значений, касающихся перемещения в пространстве (в том числе метафорическом) и времени. Для достижения поставленной цели проведен анализ пространственно-временной семантики основных общетюркских глаголов векторной характеристики движения и некоторых особенно-

стей их сочетаемости в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском, тувинском) и в других тюркских, прежде всего кыпчакских языках.

Основные общетюркские глаголы векторной характеристики: *кир-* ~ *kır-* с основным значением ‘входить’, *чык-* ~ *сых-* ~ *шык-* ~ *сык-* ‘выходить; подниматься’, *түш-* ~ *түс-* ‘спускаться’, *ин-* ‘спускаться’, *бат-* ‘погружаться’. Все они зафиксированы в памятниках древнетюркской письменности, и уже в это время отмечается их многозначность. Названные глаголы широко распространены в современных тюркских языках, в частности в языках Сибири. Исключение составляют тувинский и якутский языки, в которых отсутствуют лексемы *чык-* (вместо него используются другие глаголы) и *ин-*. При этом близкой в разных языках является и семантическая структура данных лексем. Наблюдается развитие семантики в современных языках, которое имеет свои закономерности, а также некоторая вариативность в употреблении глаголов.

Материалы и методы. В работе проведен сравнительный анализ семантических структур основных глаголов векторной характеристики движения в разных тюркских языках для выявления тенденции развития значений, синонимичности глагольных лексем в некоторых значениях как в одном, так и в разных тюркских языках. Рассматривались только значения, относящиеся к перемещению в пространстве и времени, которые выявлялись с помощью метода контекстного (дистрибутивного) анализа. Исследовалась сочетаемость глаголов с существительными, обозначающими предметные / временные ориентиры. Семантическая структура глаголов движения, их сочетаемость позволили сделать некоторые выводы о пространственно-

временных представлениях этносов, которые являются важнейшим фрагментом картины мира. Теоретической и методологической базой исследования послужили вышеназванные работы [Тенишев, 1961; Барыс-Хоо, 2006; Чугунекова, 2016; Майсак, 2007; Киселева, Уханова, 2018] и «Этимологический словарь тюркских языков» [ЭСТЯ, 1978; 1980]. Материал исследования был получен из национально-русских, толковых словарей, художественной литературы.

Результаты. При исследовании семантической структуры основных глаголов векторной направленности в сибирских и других тюркских языках можно заметить некоторую общетюркскую тенденцию, которая отражает осмысление тюркскими этносами таких важных фрагментов внеязыковой действительности, как пространство и время. Эта тенденция заключается в совмещении в семантической структуре рассматриваемых глаголов следующих значений: 'выходить' – 'подниматься' (движение вовне, в более открытое пространство – движение вверх), 'входить' – 'спускаться' (движение внутрь, в более закрытое пространство – движение вниз). Это может проявляться как в рамках одного языка, так и в лексико-семантическом варьировании в разных языках. Кроме того, среди вторичных значений антонимичных глаголов встречаются пересекающиеся значения. Другая закономерность – развитие у многих глаголов векторной направленности движения значений, выражающих действие относительно определенной временной точки (лексемы *кыр-* ~ *кпр-* 'входить', *чык-* ~ *сых-* ~ *шык-* ~ *сык-* 'выходить; подниматься' и *түш-* ~ *түс-* 'спускаться').

Значения пространственной ориентации 'выходить' – 'подниматься'. Глаголы *чык-*, *ун-* и *табыс-* выражают значения 'выходить' и 'подниматься' в тюркских языках Сибири. Глагол *чык-* ~ *сых-* является общетюркским:

алт. *айылдан чык-*, кирг. *үйдөн чык-* 'выходить из дома' [АРС, с. 854; Кир.РС 1985, с. 385]; хак. *сиденнең сых-* 'выходить со двора' [ХРС, с. 541]; каз. *қаладан шық-* 'выехать из города' [КРС, с. 927]; башк. *булмәнән сык-* 'выйти из комнаты' [БРС, с. 561]; ср. также тур. *evden çık-* 1) выйти из дома; 2) уехать (переехать) из

какого-л. дома; оставить, покинуть какой-л. дом [Тур.РС, с. 186];

алт. *кырга чык-* 'подниматься на гору'; *агаши-ка чык-* 'взбираться на дерево' [АРС, с. 854]; хак. *Ўр дее сагынмин, ипчи кизи агасха сыгарга тимненібісті* (ВТ. Ат)¹ 'Долго не думая, женщина приготовилась взобраться на дерево'; башк. *тубагә сык=* [АСБЯ 2015, с. 722] 'влезать на крышу'; ср. тур. *üst kata çık-* 'подниматься на верхний этаж' [Тур.РС, с. 186].

Э.Р. Тенишев отмечал отсутствие *çiq-* в рунических памятниках и предположил, что этот глагол появился в эпоху классической уйгурской письменности [Тенишев, 1961: с. 257]. При этом он уже совмещал в своей структуре семантику движения по горизонтали (вовне) и по вертикали: *er evdin çiqti* 'мужчина вышел из дому'; *jayini aşıqlasa başqa çiqar* [ДТС, с. 150] 'если сочтешь врага ниже [себя], он одержит верх (букв.: взберется [тебе] на голову)'.

В тувинском, тофаларском и якутском языках лексема *чык-* не употребляется. Однако в основном идентичная семантическая структура наблюдается у глаголов тув., тоф. *ун-* и як. *табыс-*, для которых также характерно обозначение движения вовне и вверх: тув. *өрээлден ун-* 'выходить из комнаты' [Барыс-Хоо, 2006, с. 93]; *Мөңгүн-Тайганың иши бажынга ун-* 'подняться на вершину Мёнгун-Тайги' [ТРС, с. 449]; як. *таһырдыа табыс-* 'выйти на улицу'; *хайаҕа табыс-* 'подняться на гору' [ЯРС, с. 372].

Глагол *ун-* восходит к древнетюркскому *ön-* 1) выступать, обнаруживаться; 2) расти, вырастать; 3) выступать, отправляться (*ol baliqtin öntüm* 'я вышел из того города'); 4) взбираться, подниматься (*esri maḡa jalim qajaqa öñär barmış* 'пестрая змея поднялась на крутую скалу') [ДТС, с. 385], «данный глагол в различных фонетических вариантах встречается во всех современных тюркских языках, например, в туркменском, каракалпакском, киргизском, *өн-*; узб. *ун-*; уйг. тоф., *ун-*; як. *үүн-*, где он имеет значение 'расти', 'произрастать'» [Барыс-Хоо, 2006, с. 104].

Якутский глагол *табыс-* (*тахс-ар*) М. Рясенен соотносит с древнетюркским *taš-uk*, **tyš-uk* 'выходить' [Räsänen, 1969: с. 454]. Для *taš-uk* значение 'подниматься' не отмечено, следовательно,

¹ВТ. Ат – В.К. Татарова. Аат табызы. Ағбан, 1991.

это значение в структуре глаголов с основным значением ‘выходить’ появилось позднее.

Спецификой тувинского языка, по замечанию В.С. Барыс-Хоо, является употребление *чык-* с такими предметными ориентирами, как тайга, летние, зимние пастбища, кладбище, в связи с «географическими особенностями ареала, со своеобразными условиями, укладом жизни, хозяйственной деятельностью тувинцев» [Барыс-Хоо, 2006: с. 97]: *Ачам тайгаже үнгеш, күжүр Шокарны эккелген* ‘Отец поднялся в тайгу и привез бедного Шокара’ [Там же, с. 100]; *Чайлагже үндүвүс* ‘Мы поднялись на высокогорное летнее пастбище’ [Там же]; *Бис чылдың-на, төрөлдөр хунунде, хөөр үнер бис* ‘Каждый год в день родственников мы поднимаемся на кладбище’ [Там же].

Вторичное значение глагола *чык-*, связанное со значением ‘подниматься’, относящееся к общетюркскому и отмеченное в древнетюркских памятниках, – ‘всходить (о небесных светилах)’: алт. *ай чыккан* ‘взошла луна’; хак. *Че кўн сыхханча узуп алааңар* (ИТ.Т)¹ ‘Давайте поспим до восхода солнца (букв.: пока взойдет солнце)’; башк. *кояш сыкты* ‘взошло солнце’, *йәйгөр сыга* ‘появляется радуга’ [АСБЯ 2015, с. 722]; тат. *йолдызлар чыктылар* [ТСТат.Я 1981, с. 452] ‘появились (букв.: взошли) звезды’; к.-балк. *кюн чыгды* ‘солнце взошло’ [КБРС, 740]; ср. тур. *ay ыkты* ‘луна взошла’ [Тур.РС, с. 186]. У тувинского *үн-* и якутского *табыс-* также имеется это значение: тув. *хун үнүп келген* ‘солнце взошло’; як. *сулустар табыстылар* ‘появились (взошли) звезды’ [БТСЯЯ 2013, с. 130].

В башкирском и татарском языках у рассматриваемой лексемы, а также у якутского слова *табыс-* присутствует семантика преодоления пространства: ‘переходить, переезжать; переправляться, проходить, проезжать через что-л.’ (управление И.п. или В.п.), например: як. *үрэх уңуор табыс-* ‘переходить за речку’, *толоон уңуор табыс-* ‘переходить через речку’ [БТСЯЯ 2013, с. 129]; башк. *йылганы сык-* ‘переправиться через реку’ [БРС, с. 561], *сикте сык-* ‘перейти границу’ [АСБЯ 2015, с. 722]; ур-ман *үтә сык-* ‘пройти через лес’.

Семантика преодоления временного отрезка – ‘пережить что-л., провести что-л.’ – наблюдает-

ся у глагола *чык-* в алтайском, башкирском, татарском языках: алт. *кышты чык-*, башк. *кыш сык-*, тат. *кыш чык-* ‘перезимовать’ [БРС, с. 561; Тат.РС 1966, с. 644]. Для этого значения выделяется сема ‘с трудом’: алт. *Алдыста калын карлу кыш. Оны та канай чыгар* (К. Телесов) ‘Перед нами снежная зима. Как же нам её перенести’ [АРС, с. 855]; *Уйлар өлбөй жасты чыкты* ‘Коровы без падежа пережили весну’. В этих сочетаниях выделяются наиболее тяжелые, трудные периоды: зима и весна (алт.). В хакасском языке фразеологическое сочетание *чыл сых-* ‘выжить (благополучно перезимовать)’ [ХРС, с. 542] (букв.: год выйти) означает: если человек и скот перенесли зиму, то можно сказать, что они благополучно пережили год. Ср. алт., кирг. *кыштан чык-*, каз. *қыстан шық-* ‘перезимовать’ (с управлением Исх.п.): алт. *Ондый соок кыштан алдырышпай чыктыс* ‘Такую холодную зиму без особых потерь (о скоте) мы пережили’. Отличие примеров с Исх.п. в том, что они выражают семантику «выхода из какого-л. состояния, прекращения пребывания в каком-л. состоянии (с трудом)».

Значения пространственной ориентации ‘входить’ – ‘спускаться’. Значение ‘входить’ в тюркских языках Сибири и в других тюркских языках выражается в основном глаголами *кир-* ~ *кыр-* ~ *киир-*: алт. *каанның журтына кир-* ‘въехать во владения хана’ [АРС, с. 328], хак. *огра-дазар кыр-* ‘въехать в ограду’ [Чугунекова, 2016, с. 111]; тув. *аргаже кир-* ‘войти в лес’ [Барыс-Хоо, 2006, с. 89]; як. *куоракка киир-* ‘въехать в город’ [ЯРС, с. 164]; кирг. *кирбей туруп чыгарыңды ойло* ‘еще не входя, подумай о выходе’ [Кирг.РС 1965, с. 388]; каз. *бөлмеге кыр-* ‘войти в комнату’; башк. *өйгә кер-* ‘войти в дом’ [АСБЯ IV, с. 418]; к.-балк. *ичине кир-* ‘войти внутрь чего-л.’ [КБРС, с. 348]; ср. *bahçeye girdim* ‘я вошел в сад’ [Тур.РС, с. 339].

В тувинском и якутском языках глагол *кир-* ~ *киир-* совмещает в себе семантику движения внутрь и вниз.

В «Толковом словаре тувинского языка» у *кир-* с основным значением ‘входить’ отмечено также значение ‘спускаться, переезжать с гор в долину’: *Дагда кыштаан аалдар чазаглап кирер өйү чоокшулаан* ‘Приблизилось время переез-

¹ИТ, Т – И. Топоев. Туғаннар. Ағбан, 1992.

жать на весеннее стойбище аалам, зимовавшим в горах» [ТСТЯ 2011, с. 135]. «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского включает значение *киир*- ‘направляться (приходить) к реке или низшему месту; сходить, спускаться вниз’ [Пекарский, 1959: с. 1098]. В древнетюркских памятниках такие значения не зафиксированы, и можно предположить, что в данных языках они возникли позже.

В башкирском языке *кер*- в значении ‘войти’ используется, видимо, реже, чем *ин*-, включающий в себя семантическую структуру *кир*- и *ин*-, значение последнего, зафиксированное в древнетюркских памятниках, – ‘спускаться, сходить’. Таким образом, в башкирском глаголе совмещены значения ‘входить’ и ‘спускаться’: *залга ин*- ‘войти в зал’; *Зөләйха, һин ергә ингән хур кызы...* (С. Юлаев) ‘Зулейха, ты райская дева, спустившаяся на землю...’ [АСБЯ III, с. 739]; ср. др.-т. *taɣdaɣi enitiš* ‘жители гор спустились’ [ДТС, с. 173]. В казахском языке *ен*- употребляется в значении ‘войти’, например: *Орта Азияның шегіне енген Күлтегін жасағы* ‘вступившее на границу Средней Азии войско Кюльтегина’ [АККЯ]. Данный глагол в значении ‘спускаться’ имеется в карачаево-балкарском (*эн*-), азербайджанском (*эн*-), турецком (*ин*-) и чувашском (*ан*-) [Тенишев, 1961, с. 269]: к.-балк. *таудан эн*- ‘спуститься с горы’ [КБРС, с. 768]; тур. *merdivenleri in*- ‘спускаться (вниз) по лестнице’ [Тур.РС, с. 458]; в словаре выявляется также значение ‘идти, ехать, приходить’: *şehir in*- ‘съездить (пойти) в город’ [Там же].

Из языков Сибири глагол *ин*- ~ *эн*- встречается в хакасском и шорском языках:

хак. *Ин*- 1) спускаться (*под гору*); *мал тайгадаң инче* ‘скот спускается с таёжных пастбищ’; *сугзар ин*- ‘спускаться к реке’; 2) плыть по течению реки; *сугца сал инче* ‘по реке спускается плот’; 3) направляться в сторону востока (в восточную сторону); *үр ниместе ле инібісті* ‘[он] недавно ушёл (по направлению к востоку)’ [ХРС, с. 127]. А.Н. Чугунекова отмечает: «Хакасы, как и другие народы, издавна проживали по берегам рек, текущих в основном в восточном направлении. Поэтому используют направление течения реки в качестве пространственного ориентира, что отражается в лексическом значении глаголов *ин*- ‘пойти вниз по течению реки’; *чохта* ‘следовать про-

тив течения, идти вверх по реке’. Соответственно этому *индіре* ‘восток’ (вниз по реке) и *чогар* ‘запад (вверх против течения реки)’ [Чугунекова, 2016, с. 18-19]. Кроме того, *ин*- в хакасском языке имеет значение ‘возвращаться с промысла’: *Төрт нанчы саңай соохталыбысхан күннерге орта ингеннер* ‘Четыре друга вернулись (букв.: спустились) прямо к морозам’; *Дояркалар тайгадаң хачанох инібіскеннер* ‘Доярки давно вернулись (букв.: спустились) из тайги’ [Там же, с. 109];

шор. *Эн*- ‘спускаться (с горы, вниз по реке)’ [ШРС, с. 73]; ‘возвращаться с промысла’. Последнее значение обусловлено тем, что «улусы расположены в долинах и по берегам рек, поэтому ‘возвращаться с промысла’ обозначает досл. ‘спускаться с тайги’»: *пистинънер анъ чолына тогаиш энтирлер* ‘наши, напад на след зверя, возвратились с промысла’ [Тенишев, 1961: с. 296].

В тувинском языке, в котором отсутствует лексема *ин*- ~ *эн*-, семантику, характерную для данного глагола (движение вниз, связанное с горным ландшафтом и водными объектами), выражает *бат*- ‘спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое’ [ТСТЯ 2003, с. 197]: *Буян аьдын четкеиш, ийни куду бадыпкан* ‘Буян, ведя лошадь, спустился вниз по склону’ [Барыс-Хоо, 2006, с. 135]; *Аңчылар тайгадан бадып келгеннер* ‘Охотники спустились с тайги’ [Там же, с. 136]; *Корагар хемни куду бадыпкан* ‘Корагар уехал вниз по реке’ [Там же, с. 135]. В.С. Барыс-Хоо указывает на тот факт, что «жители Тувы, которые расселены (расположены) в верховьях реки Енисей, при обозначении направления в населенные пункты Западной Тувы ориентируются по направлению течения реки Енисей», поэтому глагол *бат*- используется при обозначении движения в этом направлении: *Машинага олурупкаш, шала кежээ Шаган-Арыгже бадыпкан* ‘Сев в машину, вечером уехал (вниз по реке Енисей) в Шаган-Арыг’ [Там же]; ср. хак. *ин*- ‘направляться на восток’.

В древнетюркских памятниках у *bat*- обнаружены значения ‘погружаться, нырять’ и ‘заходить (о светилах)’. В большинстве современных тюркских языков, имеющих данный глагол, эти значения сохраняются: алт. *балкашка бат*- ‘вязнуть в грязи’ [АРС, с. 105]; хак. *Көр, нанчы,*

iki kimee tudynzañ, pat pararzyñ (ВШ. Сс, 100)¹ ‘Смотри, друг, если будешь держаться за две лодки, утонешь’; *Адай, тізең, онынчы хаалагдох көртікке патып парып, тохтабысхан* (То, 47)² ‘А собака же, уже на десятом шаге, провалившись в сугроб, остановилась’; ...*сана-лар тирең патып парчатханнар* (То, 67)³ ‘... лыжи погружались глубоко [в снег]’; кирг. *сууга батып кет* = ‘погрузиться в воду’, ‘утонуть’ [Кирг.РС 1965, с. 116]; каз. *батпаққа бат* = ‘увязнуть в трясине’ [КРС, с. 135]; *Белдеулерінен қарға батқан* (С. Әшімханова) ‘Они по пояс увязли в снегу’ [АККЯ]; башк. *Был юлы Урал ергә тубыктан батты, ти* (Урал батыр) ‘В этот раз Урал погрузился в землю по колено, говорят’ [АСБЯ 2011, с. 166]; к.-балк. *агъач сууда батмайды* ‘дерево в воде не тонет’, *кюртге бат* – ‘завязнуть в сугробе’ [КБРС, с. 121].

В алтайском, киргизском и якутском языках глагол *бат-* имеет значение ‘влезать, вмещаться’ (в определенное пространство): алт. *Бистин школыска ол [чиби] батпас* (Л. Кокышев) ‘В нашу школу она [ёлка] не влезет’ [АРС, с. 105]; кирг. *бу машинага канча киши батат?* ‘сколько человек вмещается в эту машину?’ [Кирг.РС 1965, с. 116]; як. *бу кинигэлэр дыаһыкка баппаттар* ‘эти книги не умещаются в ящик’ [ЯРС, с. 66].

Таким образом, в этих случаях можно выделить у *бат-* сему «внутри». Авторы «Этимологического словаря тюркских языков» определяют «объединяющее, обобщающее значение» глагола *бат-* как ‘входить во что-л.’, «которое в зависимости от особых условий его проявления модифицируется и приобретает конкретный характер» [ЭСТЯ 1978, с. 79].

В тувинском глаголе *бат-* превалирует семантика движения вниз. Особенностью тувинского *бат-* является, наряду с описанной выше (движение вниз, связанное с горным ландшафтом и водными объектами), то, что в его семантическую структуру входят некоторые значения, присущие общетюркскому *түш-* ~ *түс-* (например, ‘идти (о снеге)’, ‘падать’ [ТСТЯ 2003, с. 197]), который во многих языках является ос-

новным носителем семантики движения вниз. Значение же ‘тонуть, вязнуть’ появилось у глагола *дүш-*, употребляющегося в тувинском языке также в основном значении ‘спускаться’: *Аңчы теректен дүжүп келди* ‘Охотник слез с дерева’; *Кураяк чедир ол харга дүшкен* ‘Он вяз в снегу до местности Кураяк’ [Барыс-Хоо, 2006, с. 149].

Примеры с глаголом *түш-* ~ *түс-* в значениях ‘спускаться’, ‘падать’: алт. *Ол ак-сур адыла өзөккө түжүп келеле, көндүрө журт жаар барбады* (С. Манитов) ‘Он, спустившись на своём светло-сером коне в долину, сразу не направился в деревню’; *Чек ле күски күннинг чокторы алтындалып, жалбырак, бүрлер болуп, эмди түжүп тургандый* (Т. Шинжин) ‘Словно осенние солнечные лучи, покрываясь позолотой, теперь опадают, превратившись в листья, листву’ [АРС, с. 725]; хак. *Иңези тура үстүңең чирзер түскен* (НТ. Кк, 13)⁴ ‘Мать спустилась с крыши дома на землю’; *Пүрлер көөлге түсчелер* ‘Листья потихоньку падают’ [ХРС, с. 687]; тув. *Уруг тейден дүжүп келди* ‘Девушка спустилась с холма’ [Барыс-Хоо, 2006, с. 148]; *Огу дилгиниң дөрт даван адаанга дүжүп турду* ‘Его (Дамдакай) пули падали к ногам лисы’; каз. *Олар таудан тез түсті* ‘Они быстро спустились с горы’; *Жапырақтар түсіп жатыр* ‘Листья опадают’ [КРС, с. 836]; башк. *баҫкыстан төш-* ‘спускаться с лестницы’ [БРС, с. 635]; *кулдан төшөп кит-* ‘выпасть из рук’ [АСБЯ 2016, с. 483] и др.

Однако наряду с семантикой движения вниз у данного глагола в некоторой степени можно наблюдать семантику движения внутрь. В якутском одно из его значений – ‘спрятаться, укрыться, скрыться где-л.; податься куда-л.’: *уол мунуһка түһэр* ‘мальчик забивается в угол’ [БТСЯЯ 2014, с. 289]. Значение ‘входить’ выделяется в татарском языке: *Сабирҗамал, торган урыныннан йөгөрөп килеп, ишеккә аркылы төшә* [ТСТат.Я 1981, с. 278] ‘Сабиржамал, сорвавшись с места, где стоял, входит через дверь’; также каз., башк. ‘прокрадываться; тайно влезать, залезать (с целью грабежа, кражи и т.д.)’: каз. *үйге түскен ұрыдай* [АККЯ] ‘как вор, проникший в дом’; башк. *фатирга төш-* ‘проник-

¹ВШ, Сс – В.Г. Шулбаева. Сарналбаан сарын. Абакан, 1985.

²То – Л.Н. Толстой олғаннарға. Абакан, 1985.

³Там же

⁴НН, Кк – Н. Нербышев. Көбрес көглери. Абакан, 1978.

нута в квартиру» [АСБЯ 2016, с. 485]; «войти в семью в качестве снохи»; каз. *Айжан біздің үйге келін боп түсті* «Айжан вошла в наш дом как сноха»; кирг. *түшкөн жерим* «место, куда я вышла замуж» [Кирг.РС 1985, с. 287]; башк. *килен булып төш-* «войти (прийти) в качестве снохи» [АСБЯ 2016, с. 484]; каз. *Бір жол сапарымыз Моңғолияға түскен* «Однажды мы заехали в Монголию (букв.: наша поездка зашла в Монголию)» [АККЯ].

Особенно данная семантика прослеживается в случаях метафорического перемещения («поступить куда-л.», «вступить в состав чего-л.», «приступать к какой-л. деятельности»), в устойчивых сочетаниях и фразеологизмах. При этом во многих случаях конструкции с *кир-* ~ *кір-* в тюркских языках Сибири соответствуют таковым с глаголом *түш-* ~ *түс-* (иногда наряду с *кир-* ~ *кер-*, *ин-*) в несибирских языках: алт. *мылчага кир-*, хак. *мылчага кір-* «мыться в бане» (букв.: войти в баню) – каз. *моншага түс-*, башк. *мунса төш-* (*ин-*, *кер-*); алт. *иститутка үредүге кир-*, хак. *институтха үгредіге кір-* «поступить на учебу в институт»; тув. *өөредилге кир-* «поступить на учебу» [ТСТЯ 2011, с. 135] – каз. *институтқа түс-* «поступить в институт»; хак. *комсомолға кір-* – к.-балк. *комсомолға түш-* (*кир-*) «вступать в комсомол»; хак. *бюджетке кірген ахча* «деньги, поступившие в бюджет» – кирг. *кассага түшкөн акча* «деньги, поступившие в кассу» [Кирг.РС 1985, с. 287]; хак. *харибге кір-* – каз. *түрмеге түс-*, тур. *hapishaneye düş-* «попасть в тюрьму»; хак. *холга кір-*, тув. *холунга кир-* – каз. *қолға түс-* «попасть в руки кому-л., попасть в плен».

В случае, когда речь идет о каком-либо состоянии или положении, в которое попадает человек, во всех рассматриваемых языках используется глагол *түс-*. При этом часто выявляется семантика интенсивного проявления действия: ср. хак. *сағысха кір-* «вспомнить» (букв.: в мысль войти) – *сағысха түс-* «задуматься» (букв.: в мысль спуститься); алт. *ал-сагышка түш-* «сильно печалиться, переживать» (букв.: в мысль спуститься), *төлүге түш-* «задолжать» (букв.: в долг спуститься); хак. *пичелге түс-* «сильно печалиться» (букв.: в печаль спуститься), *үреге түс-* «разоряться, нищать» (букв.: в разорение спуститься); тув. *өреге дүш-* «влезать в долги» (букв.: в долг спуститься) [ТСТЯ 2003, с. 525];

ср. тур. *sefalete düş-* «обнищать» (*sefalet* «нищета») [Тур.РС, с. 256].

Варьирование в тюркских языках глаголов векторной характеристики движения наблюдается в разных значениях. Так, в значении «заходить, закатываться (о солнце)» употребляются лексемы *түш-* ~ *түс-*, *кир-* ~ *кір-*, *бат-*, *ин-* и некоторые другие: алт. *күн аш-*, тув. *хүн аш-* [ТСТЯ 2003, с. 73] («переваливать»); алт. *күн бат-* тув. *хүн бат-* [Там же, с. 197], каз. *күн бат-*, башк., тат. *кояш бат-* [АСБЯ 2011, с. 167; Тат.РС, с. 61]; хак. *күн кір-*, як. *күн киир-* [БТСЯЯ 2007, с. 70]; хак. *күн хон-* («опускаться вниз (о птицах)»); ср. каз. *Күн ұясына қонып, тынған* (Ә. Нұршайықов) «Солнце в гнездо свое опустившись, отдыхало»; тат. диал. *кояш иң-* [ТСТат.Я 1977, с. 448]. В древнетюркских памятниках в этом значении зафиксировано употребление глаголов *bat-* и *en-*: *kün bat-* [ДТС, с. 89]; *jaşıq jerkä endi jüzin kizlädi* «солнце спустилось к земле (букв.: вошло в землю), скрыло свой лик» [ДТС, с. 246].

Значения, передающие действия, связанные с определенным временным периодом. Среди вторичных значений глаголов *кир-* ~ *кір-*, *түш-* ~ *түс-*, *чык-* ~ *сых-* обнаруживаются значения, которые передают действия, связанные с определенным временным периодом: «наступать» (о времени года), «заканчиваться», «быть в каком-л. возрасте». Эти значения можно считать общетюркскими.

Значение «наступать» (о времени года, морозе, жаре), выражает глагол *түш-* ~ *түс-*, реже *кир-* и *чык-* ~ *шық-*: хак. *көзліг паза өріністіг часхы түсті* «настала веселая и радостная весна» [Тенишев, 1961, с. 267]; тув. *Кыш база дүжүп келген* (С. Тока) «Снова наступила зима»; *Хүн өрүлөп, изиг дүжүп келген* (О. Саган-оол) «Солнце поднялось, и настала жара» [ТСТЯ 2003, с. 524]; як. *хаһыу түс-* «наступить заморозкам»; каз. *суық түсті* «наступил холод», *күз түсті* «наступила осень» [КРС, с. 836]; каз. *жаз шықты* «началось лето» [КРС, с. 928]. В алтайском и хакасском в этом случае используется также лексема *кел-* ~ *кил-*: алт. *Эрте жас Алтайга келди* «Ранняя весна пришла на Алтай»; хак. *чайгы килген* «пришло лето», *изиглер килген* «наступила жара». Интересен тот факт, что в алтайском языке с лексемой *кыш* «зима» сочетается в этом значении как *кел-*, так и *түш-*: *кыш түшүти*

‘наступила зима’. Последнее объясняется информантами тем, что зимой падает снег (и со снегом приходит зима).

Глагол *tūsh-* ~ *tūs-* употребляется также для обозначения наступления темного времени суток, при этом в некоторых языках используется *кир-*: алт. *Kūс ажып, бүрүңкүй кирди* ‘Солнце зашло, наступил мрак’; энгир *кирди* ‘наступил вечер’; хак. *Кистегей дее паарынзар иир тўсчөткен* (ФБ. Птн, 139)¹ ‘На основание горы Кистегей тоже опускался вечер’; тув. *Хүн ашкан соонда, дүн дүжүп орда...* [ТСТЯ 2003, с. 587] ‘Когда зашло солнце, наступила ночь...’; каз. *ымырт түсті* ‘наступили сумерки’ [КРС, с. 836]; башк. *караңгы төште* ‘наступила темнота’ [БРС, с. 635].

В некоторых языках глагол *чык-* выражает значение ‘заканчиваться, истекать (о сроке, времени, времени года)’, которое является антонимичным приведенному выше ‘начинаться’. Антонимичным его можно назвать условно, так как речь идет о разных объектах, с которыми сочетаются глаголы, а иногда также и о разных языках. Например, каз. *жаз шықты* ‘началось лето’, но узб. *қиш чиқди* ‘зима прошла’ [УРС, с. 544]; башк. *март сыкты* ‘закончился март’ [АСБЯ 2015, с. 722]; тур. *kış çikti* ‘зима прошла’ [Тур.РС, с. 187]; алт. *сенин ойинг чыкты* ‘твое время истекло’ [АРС, с. 855]; башк. *вакыты сыкты* ‘время вышло’ [БРС, с. 561]; тат. *срогы чыкты* ‘вышел срок’ [Тат.РС, с. 644].

Глаголы *кир-* и *чык-* употребляются также в значении ‘достигать какого-л. возраста’. В тюркских языках Сибири в этом случае используется глагол *кир-* ~ *кёр-*. В языках за пределами Сибири часто приемлемы оба варианта: и *кир-* и *чык* ~ *сык-*: алт. *алтан јашка кирген* ‘исполнилось 60 лет’ (такая конструкция возможна только относительно пожилого возраста, начиная с 60 лет); каз. *биыл ол отызга шықты* ‘в этом году ему исполнится 30 лет’ [КРС, с. 927]; башк. *етмешкә сык-* [АСБЯ 2015, с. 722] ‘пойти к семидесяти (о возрасте)’; тат. *өченче яшенә чыкты* [ТСТат.Я 1981, с. 452] ‘[ему] пошел третий год’; *ун икегә керде* ‘ему пошел двенадцатый год’ [Тенишев, 1961, с. 255]; ср. также др.-т. пример с глаголом *өн-*: *jetmiş jaşıma öntüm* ‘я достиг моих семидесяти лет’ [ДТС, с. 385].

Иногда один глагол используется в ситуации достижения какого-либо возраста, а другой – приближения к сколько-то годам: кирг. *эче жашика чыктың?* ‘сколько тебе лет?’ (букв.: к сколько годам ты поднялся?), *мен элүү жашика чыктым* ‘мне исполнилось 50 лет’ (букв.: я поднялся к 50 годам) [Кирг.РС 1985, с. 385]; *жыйырмага жаңы кирген* ‘ему только идет 20 год’ [Кирг.РС 1965, с. 388]; ср. узб. *ёши энди ун турртдан ун бешга чиқди* ‘ему исполнилось только четырнадцать и пошел пятнадцатый’ (букв.: к пятнадцати вышел) [УРС, с. 545]; *етмишига кирган чол* ‘старик семидесяти лет’ [УРС, с. 213].

Данное значение глагола *чык-* (с фонетическими вариантами) связано со значением ‘подниматься’. В этом случае взросление человека представлено как метафорическое движение вверх. «Человек как бы поднимается по лестнице жизни снизу вверх, а молодость остаётся внизу» [Бардамова, 2008: с. 80].

Е.А. Бардамова отмечает, что «в бурятской картине мира наблюдается вертикальный отсчет времени, то есть время мыслится движущимся снизу вверх в тех ситуациях, когда речь идет о возрасте: *-ндэр наһатай* ‘преклонного возраста’ (букв.: высокого возраста), *арбан наһа дээшэ ябаха* ‘старше на десять лет’ (букв.: быть выше на десять лет)» [Бардамова, 2008: с. 80]. В бурятском языке представление о времени как о вертикальной оси проявляется более ярко, и «все, что будет иметь место в последующем, ассоциируется с движением вверх от точки происхождения: *морилхо дээрэ* ‘перед отъездом’ (букв.: отъехать вверх)» [Там же]. Возможно, это проявляется и в таких тюркских сочетаниях, как приведенные нами выше к.-балк. *джазгъа чыкъ-* ‘дожить до весны’, тур. *sabaha çik* ‘дотянуть (дожить) до утра (о больном)’.

Обсуждение и заключение. У основных общетюркских глаголов векторной характеристики движения наблюдается определенная тенденция развития вторичных значений, касающихся перемещения в пространстве (в том числе метафорическом) и в каком-либо временном отрезке. Эта тенденция намечается еще со времени древнетюркских памятников. Глаголы *чык-*, *ун-*, *табыс-* совмещают значения ‘выходить’ и ‘подниматься’. У лексем с основным

¹ФБ, Птн – Ф.Т. Бурнаков. Пора тай нанчым. Абакан, 1987.

значением 'входить' (*кир-*) или 'спускаться' (*түш-, ин-, бат-*) в разных тюркских языках является также семантика движения вниз и внутрь. Это проявляется и в варьировании употребления данных глаголов в разных языках, а иногда в рамках одного и того же языка. В некоторых случаях сибирские языки оказываются противопоставленными другим языкам. Однако и языки Сибири нельзя назвать однородными в плане семантики и употребления глаголов векторной характеристики движения. Так, они различаются глаголами, выражающими значение 'выходить'/'подниматься': особые глаголы у тувинского и якутского языков. Отсутствие тех или иных глаголов в каком-либо языке восполняется развитием соответствующих значений у другого глагола (например, *бат-* в тувинском языке). Обнаруживаются некоторые различия в сочетаемости лексем. В ряде случаев на выбор глагола влияют особенности ландшафта той местности, в которой проживают носители того или иного языка.

Кроме того, у рассматриваемых глаголов выделяются вторичные значения, связанные с перемещением во времени. В этом случае также наблюдается варьирование использования тех или иных лексем.

Список сокращений

Алт. – алтайский язык; бур. – бурятский язык; др.-т. – древнетюркские языки; башк. – башкирский язык; каз. – казахский язык; к.-балк. – карачаево-балкарский язык; кирг. – киргизский язык; к.-калп. – каракалпакский язык; монг. – монгольский язык; тат. – татарский язык; тоф. – тофаларский язык; тув. – тувинский язык; тур. – турецкий язык; узб. – узбекский язык; уйг. – уйгурский язык; хак. – хакасский язык; шор. – шорский язык; як. – якутский язык.

Список литературы:

- Бардамова Е.А. Модели времени в бурятской языковой картине мира // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 6(51). С. 77-82.
- Барыс-Хоо В.С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2006. 33 с.
- Васильева Т.Н. Глаголы движения в чувашском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. 607 с.

Киселева С.В., Уханова И.А. Метафорические значения английских глаголов движения // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 2 (49). С. 25–27. URL: http://dspace.kgsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/5571/25-27_%d0%9a%d0%b8%d1%81%d0%b5%d0%bb%d0%b5%d0%b2%d0%b0.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.06.2020).

Кокошников О.Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во Сова, 2004. 144 с.

Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 479 с.

Надеина Л.В. Ориентационные метафорические модели движения в русских народных говорах. На примере глаголов движения по направлению вверх // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 6 (57). С. 139-144.

Невская И.А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.

Плотникова А.М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов): учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. 140 с.

Псянчин Ю.В. Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1989.

Системы с глаголами плавания *йүз- в трех тюркских языках / Т.А. Майсак // Глаголы движения в воде: лексическая типология [Под ред. Е.В. Рахилиной]. М.: Индрик, 2007. С. 453-473.

Тенишев Э.Р. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 232-293.

Усманова М.Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Дис. ... док. филол. наук. Уфа, 2002. 416 с.

Чугункова А.Н. Категория пространства в хакасском языке. Дис. ... док. филол. наук. М., 2016. 345 с.

Шенцова И.В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 148 с.

Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 274 с.

M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. 533 с.

Словари:

АККЯ – Алматинский корпус казахского языка. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/>

[search/?interface_language=ru](#) (дата обращения: 01.06.2020)

АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.

АСБЯ 2011 – Академический словарь башкирского языка. Т. II. Уфа, 2011.

АСБЯ 2015 – Академический словарь башкирского языка. Т. VII. Уфа, 2015.

АСБЯ 2016 – Академический словарь башкирского языка. Т. VIII. Уфа, 2016.

АСБЯ III – Академический словарь башкирского языка. Т. III. Уфа, 2012.

АСБЯ IV – Академический словарь башкирского языка. Т. IV. Уфа, 2012.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001-2002.

БРС – Башкирско-русский словарь. М.: Дигора, Русский язык, 1996.

БТСЯЯ 2007 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. IV. Новосибирск: Наука, 2007.

БТСЯЯ 2013 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. X. Новосибирск: Наука, 2013.

БТСЯЯ 2014 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. XI. Новосибирск: Наука, 2014.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989.

Кир.РС 1965 – Киргизско-русский словарь: Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1965.

Кир.РС 1985 – Киргизско-русский словарь: Т. 2. М.: Сов. энцикл., 1985.

КРС – Казахско-русский словарь. Алматы, 2008.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I. М., 1959.

Тат.РС – Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

ТРС – Тувинско-русский словарь. М., 1968.

ТСТат.Я 1977 – Толковый словарь татарского языка. Т. I. Казань, 1977.

ТСТат.Я 1979 – Толковый словарь татарского языка. Т. II. Казань, 1979.

ТСТат.Я 1981 – Толковый словарь татарского языка. Т. III. Казань, 1981.

ТСТЯ 2003 – Толковый словарь тувинского языка. Т. I. Новосибирск: Наука, 2003.

ТСТЯ 2011 – Толковый словарь тувинского языка. Т. II. Новосибирск: Наука, 2011.

ТСЯЯ 2005 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. II. Новосибирск: Наука, 2005.

Тур.РС – Большой турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1998.

УРС – Узбекско-русский словарь. Ташкент, 1988.

ХРС – Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006.

ШРС – Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.

ЭСТЯ 1978 – Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978.

ЭСТЯ 1980 – Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980.

ЯРС – Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972.

References:

Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka [Academic dictionary of the Bashkir language]. Volume II. Ufa, 2011. (In Russian)

Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka [Academic dictionary of the Bashkir language]. Volume VII. Ufa, 2015. (In Russian)

Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka [Academic dictionary of the Bashkir language]. Volume VIII. Ufa, 2016. (In Russian)

Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka [Academic dictionary of the Bashkir language]. Volume III. Ufa, 2012. (In Russian)

Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka [Academic dictionary of the Bashkir language]. Volume IV. Ufa, 2012. (In Russian)

Almatinskij korpus kazahskogo jazyka [Almaty corpus of the Kazakh language]. URL: http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru (date of the application: 01.06.2020). (In Russian)

Altajsko-russkij slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018. (In Russian)

Bardamova E.A. Modeli vremeni v burjatskoj jazykovej kartine mira [Time models in the Buryat language picture of the world]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chita State University]. 2008. № 6(51). Pp. 77-82. (In Russian)

Barys-Hoo V.S. *Leksiko-semanticheskaja gruppа glagolov dvizhenija v tuvinskom jazyke (v sopostavitel'nom aspekte)* [Lexical and semantic group of movement verbs in the Tuvan language (in a comparative aspect)]. Novosibirsk, 2006. 33 p. (In Russian)

Bashkirsko-russkij slovar' [Bashkir-Russian Dictionary]. Moscow: Digora, Russian language, 1996. (In Russian)

Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Comprehensive academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, 2001-2002. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume IV. Novosibirsk: Science Publ., 2007. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume X. Novosibirsk: Science Publ., 2013. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume XI. Novosibirsk: Science Publ., 2014. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Volume II. Novosibirsk: Science Publ., 2005. (In Russian)

Bol'shoj turecko-russkij slovar' [Comprehensive Turkish-Russian Dictionary]. Moscow: Russian language Publ., 1998. (In Russian)

Chugunekova A.N. *Kategorija prostranstva v hakasskom jazyke. Dissertacija ... doktora filologicheskikh nauk* [Space category in the Khakass language. Dissertation ... Doctor of Philology]. Moscow, 2016. 345 p. (In Russian)

Dmitriev N.K. *Stroj tjurkskih jazykov* [The structure of the Turkic languages]. Moscow, 1962. 607 p. (In Russian)

Drevnetjurkskij slovar' [Ancient Türkic dictionary]. L.: Science Publ., 1969. (In Russian)

Hakassko-russkij slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2006. (In Russian)

Jakutsko-russkij slovar' [Yakut-Russian dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1972. (In Russian)

Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov [Etymological Dictionary of the Turkic Languages]. Moscow, 1978. (In Russian)

Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov [Etymological Dictionary of the Turkic Languages]. Moscow, 1980. (In Russian)

Juldashev A.A. *Analiticheskie formy glagola v tjurkskih jazykah* [Analytical forms of the verb in the Turkic languages]. Moscow: Science Publ., 1965. 274 p. (In Russian)

Karachaevo-balkarsko-russkij slovar' [Karachay-Balkar-Russian Dictionary]. Moscow: Russian language Publ., 1989. (In Russian)

Kazahsko-russkij slovar' [Kazakh-Russian dictionary]. Almaty, 2008. (In Russian)

Kirgizsko-russkij slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]. Volume 1. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1965. (In Russian)

Kirgizsko-russkij slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]. Volume 2. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1985. (In Russian)

Kiseleva S.V., Uhanova I.A. *Metaforicheskie znachenija anglijskih glagolov dvizhenija* [Metaphorical meanings of English movement verbs]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kurgan State University]. 2018. № 2 (49). Pp. 25–27. URL: http://dspace.kgsu.ru/handle/123456789/5571/25-27_%d0%9a%d0%b8%d1%81%d0%b5%d0%bb%d0%b5%d0%b2%d0%b0.pdf?sejauence=1&isAlloshhed=y (date of the application: 01.06.2020). (In Russian)

Kokoshnikova O.Ju. *Semanticheskaja struktura mnogoznachnogo glagola v hakasskom jazyke v sopostavlenii s tjurkskimi jazykami Juzhnoj Sibiri* [The semantic structure of the polysemantic verb in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of South Siberia]. Novosibirsk: Sova Publ., 2004. 144 p. (In Russian)

M. Rjasjanen. *Popytka jetimologicheskogo slovarja tureckih jazykov* [Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen]. Helsinki, 1969. 533 p. (In German)

Majsak T.A. *Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii* [Typology of grammaticalization of constructions with verbs movement and position verbs]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. 479 p. (In Russian)

Nadeina L.V. *Orientacionnye metaforicheskie modeli dvizhenija v russkikh narodnyh govorah. Na primere glagolov dvizhenija po napravleniju vverh* [Orientational metaphorical models of movement in the Russian folk dialects. Using the verbs of upward movement as an example]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chita State University]. 2009. № 6 (57). Pp. 139–144. (In Russian)

Nevskaja I.A. *Prostranstvennye otnoshenija v tjurkskih jazykah Juzhnoj Sibiri (na materiale shorskogo jazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (based on the Shor language)]. Novosibirsk, 2005. 305 p. (In Russian)

Pekarskij Je.K. *Slovar' jakutskogo jazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Volume I. Moscow, 1959. (In Russian)

Plotnikova A.M. *Kognitivnye aspekty izuchenija semantiki (na materiale russkikh glagolov): uchebnoe posobie* [Cognitive aspects of the semantics study (based on Russian verbs): a tutorial]. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2005. 140 p. (In Russian)

Psjančin Ju.V. *Leksiko-semanticheskoe pole glagolov dvizhenija bashkirskego jazyka. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk* [Lexical and semantic field of the movement verbs of the Bashkir language. Abstract of dissertation ... Candidate of Philological Sciences]. Ufa, 1989. (In Russian)

Shencova I.V. *Akcional'nye formy glagola v shorskom jazyke* [Actional forms of the verb in the Shor language]. Kemerovo: Kuzbass University Publ., 1997. 148 p. (In Russian)

Shorsko-russkij i russko-shorskij slovar' [Shor-Russian and Russian-Shor dictionary]. Kemerovo, 1993. (In Russian)

Sistemy s glagolami plavaniya *jyz- v treh tjurkskih jazykah [Systems with swimming verbs *yyz- in three Turkic languages]. T.A. Majsak. *Glagoly dvizhenija v vode: leksicheskaja tipologija. Pod redakciej E.V. Rahilinoj* [T.A. Maysak. Verbs of movement in water: lexi-

cal typology. Edited by E.V. Rakhilina]. Moscow: Indrik Publ., 2007. Pp. 453-473. (In Russian)

Tatarsko-russkij slovar' [Tatar-Russian dictionary]. Moscow: Soviet language Publ., 1966. (In Russian)

Tenishev Je.R. *Glagoly dvizhenija v tjurkskih jazykah* [Movement verbs in the Turkic languages]. *Istoricheskoe razvitie leksiki tjurkskih jazykov* [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, 1961. Pp. 232-293. (In Russian)

Tolkovyj slovar' tatarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Tatar language]. Volume I. Kazan, 1977. (In Russian)

Tolkovyj slovar' tatarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Tatar language]. Volume II. Kazan, 1979. (In Russian)

Tolkovyj slovar' tatarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Tatar language]. Volume III. Kazan, 1981. (In Russian)

Tolkovyj slovar' tuvinskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Volume I. Novosibirsk: Science Publ., 2003. (In Russian)

Tolkovyj slovar' tuvinskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. Volume II. Novosibirsk: Science Publ., 2011. (In Russian)

Tuvinsko-russkij slovar' [Tuvan-Russian Dictionary]. Moscow, 1968. (In Russian)

Usmanova M.G. *Funkcional'no-semanticheskaja klassifikacija glagolov bashkirskogo jazyka. Dissertacija ... doktora filologicheskikh nauk* [Functional and semantic classification of Bashkir verbs. Dissertation ... Doctor of Philological Sciences]. Ufa, 2002. 416 p. (In Russian)

Uzbeksko-russkij slovar' [Uzbek-Russian dictionary]. Tashkent, 1988. (In Russian)

Vasil'eva T.N. *Glagoly dvizhenija v chuvashskom jazyke. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk* [Verbs of movement in the Chuvash language. Abstract of dissertation ... Candidate of Philological Sciences]. Moscow, 1980. (In Russian)

E.V. Tyuntешева, О. Ю. Шагдурова

The Development of the Vector Movement Verbs Semantics in the Turkic Languages of Siberia (in Comparison with other Turkic Languages)

In article is analyzed the development of the main common Turkic vector movement verbs semantics. Only values related to movement in space and time are examined. Some features of the compatibility of these verbs in the Turkic Languages of Siberia (Altai, Khakass, Tuvian) and in other Turkic, primarily the Kypchak Languages are considered.

The purpose of the article is to reveal the tendencies in the development of secondary meanings of movement in space and time in verbs with the main meaning 'go out', 'enter', 'go down'.

The material of the research was the common Turkic verbs of the vector characteristics of movement: *chyk* =, *yh* = 'go out', *kir* = 'enter', *tÿsh* = 'go down', *in* = 'go down', *bat* = 'submerge' ('dive'). The methods of comparative and contextual analysis were used. As a result of the study, it was found that for verbs with the main meaning 'go out' (*chyk* =, *yh* =, *yak. taŷys* =) the meaning of 'raise' is also noted, for verbs with the meaning 'enter' (*kir* =) or 'go down' (*tÿsh* =, *in* =, *bat* =) the semantics of downward and inward movement is revealed respectively. This also manifests itself in the variation in the use of these verbs in different languages, and sometimes within the same language. Sometimes Siberian languages are opposed to other languages. But in the Turkic languages of Siberia significant differences are found in terms of semantics and use of the consideration verbs. The absence of certain verbs in any language is made up for by the development of the corresponding meanings in another verb. Variations in the use of certain lexemes are also observed when designating an action in a certain time interval.

Keywords: Turkic languages of Siberia, Kypchak languages, verbs of movement, semantics, development of meanings, compatibility

Е.Л. Рудницкая

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.008

УДК 811.512.212'367.6

Отрицательная экзистенциальная конструкция с *āчин* в эвенкийском языке с типологической точки зрения

В статье рассматривается отрицательная экзистенциальная конструкция с *āчин*: сфера употребления этой конструкции в устных рассказах и письменных текстах XXI в.

Цель статьи – выявление типологических особенностей эвенкийской экзистенциальной конструкции с *āчин*.

Используются корпус устных рассказов начала XXI в. и корпус газетных текстов. Для сопоставления используются данные из грамматик, опубликованных в XX в. Анализируются грамматические характеристики конструкции: возможность отнесения *āчин* к какой-либо части речи, возможность присоединения к *āчин* различных грамматических показателей, падежные характеристики имени, обозначающего отсутствующий объект и др. При этом конструкция с *āчин* проверяется на характерные типологические признаки отрицательной экзистенциальной конструкции, выработанные Л. Веселиновой.

Конструкция с *āчин* обладает основными признаками отрицательной экзистенциальной конструкции на основании данных типологии: эта конструкция в первую очередь отрицает существование объекта или обладание субъектом некоторого объекта. *Āчин* в этой конструкции обнаруживает обязательное согласование по числу с именем-отсутствующим объектом и не может присоединять показатели времени, что является типичным для отрицательной экзистенциальной конструкции. В письменной речи *āчин* демонстрирует свойства существительного (присоединение падежных и посессивных показателей), а в устной речи скорее является прилагательным. Имя, обозначающее отсутствующий объект, может стоять в партитивном падеже (чаще в каритивной конструкции – адъективной или адвербиальной). Типологической особенностью эвенкийской конструкции является возможность каритивного употребления, а также партитивный падеж, присваиваемый имени, обозначающему несуществующий объект. В исследованиях по эвенкийскому языку систематическое изучение конструкции с *āчин* на соответствие типологическим стандартам не проводилось, а также не был включен в изучение материал текстов XXI в.

Ключевые слова: экзистенциальное отрицание, эвенкийский язык, типология, сфера употребления, часть речи, каритивное употребление, субъектно-предикатные отношения, управление

Введение. Конструкции с экзистенциальным отрицанием (negative existentials) во многих языках строятся по иной модели, чем конструкции с глагольным отрицанием (тип В по классификации [Croft, 1991]). Л. Веселинова [Veselinova, 2013] исследует значительную типологическую выборку языков (более 60 языков) и отмечает, что специальные отрицательные экзистенциальные конструкции встречаются не только в германских (английский) и славянских языках, но и в самых разных языках в разных местах земного шара: помимо финно-угорских, тюркских, тунгусских, енисейских языков, в афро-азиатских, палеоазиатских языках, языках банту, дравидийских, чадских, ав-

стралийских языках, языках коренных народов Северной Америки. Л. Веселинова перечисляет важные признаки, характерные для отрицательных экзистенциальных конструкций: общая семантическая структура ситуации (не такая, как в случае отрицания события), частое совпадение чисто экзистенциального и посессивного употребления конструкции, а также возможность локативного употребления [Bentley et al., 2003], трудность однозначного отнесения отрицательного слова к именной или глагольной категории, неопределенность объекта, отсутствие которого утверждается, и др.

Эвенкийская конструкция с *āчин* обладает многими признаками экзистенциального отри-

NEG.EX-PL статья-NFUT-3PL дикий.
олень-PL=FOC туда
učasko-l-dū-wun

участок-PL-DAT-PS.1PL(EXCL)
‘Уже сейчас не стало диких оленей-то на наших участках’

д. no **ač̣in** o-d’a-raki-n bi ə-č̣ə-w
но NEG.EX статья-IPFV-CVB.COND-
PS.3SG 1SG NEG-PST-1SG

tadū tētē-dū **bi-d’ə-rə-Ø**
там Тетя-DAT быть-IPFV-NFUT-3PL
‘Но когда она умерла, я не была там, в Тетее’

Последний пример (1д) показывает еще одно широко представленное в эвенкийском употребление *āчин* (‘умереть’), которое может быть у отрицательных экзистенциальных конструкций (согласно Л. Веселиновой, только в дравидийском языке каннада)¹. Этот пример, как и (1в-г), показывают, что *āчин* в предикативной позиции употребляется с вспомогательными глаголами *bi-* ‘быть’, *o-* ‘стать’; ср. также (2а). Оформление вспомогательными глаголами говорит о неспособности *āчин* присоединять показатели времени; это (вместе с числовым согласованием в (1б), (1г), (10)) в эвенкийском характерно для прилагательных. В примере (2а) показано еще одно частное употребление: *āчин* в устных текстах используется при указании на возраст в случае, когда субъект не достиг какого-то возраста. При «стандартном» указании на возраст используется глагол *bi-* ‘быть’ (2б), наряду с более архаичной атрибутивной конструкцией (2в) (и (9)).

(2) а. tunja anjañ-w min-ŋi-w **ašin** bi-sō-n
пять год-PS.1SG 1SG-PROPR-PS.1SG
NEG.EX быть-PST-3SG

‘Пяти лет мне не было’

б. diyind’ar anjanī-l-wi **bi-rkə**
сорок год-PL-PS.1SG быть-HABPROB
‘Сорок лет мне было, наверное’

в. nadand’ar hələkə-ši anjañ-**ši** nujan
семьдесят остаток-ATR год-ATR 3SG
‘Семьдесят с лишним лет ей’

В примерах (3а-б) показаны адъективные каритивные употребления, а в примерах (4а-д) – адвербиальные каритивные употребления. Эти употребления объединяет семантика каритивности, которая может выражаться отрицательной экзистенциальной конструкцией далеко не во всех языках из выборки Л. Веселиновой (в шести языках из более чем 60-и, например, в австронезийских языках, языках Южной Америки и Новой Гвинии). Адъективные употребления характерны и для корпуса устных рассказов, и для письменных текстов, хотя атрибутивные конструкции типа (3а) и там, и там очень редки – в основном *oro-p-ə āчин* ‘безоленный’ и *хутэ-е āчин* ‘бездетный’².

(3) а. ər=kə [oron-ə **ašin**] əwənki ə-to-n
этот-FOC олень-PART NEG эвенк
не.статья-FUTCNT-3SG
utōlə-pti əmti in-ə
прежде-ATR.TEMP <неясная.форма>
жить-PTCP.NEG
‘Ведь безоленный эвенк не мог раньше жить’

б. бй [хутэ-е **āчин**] би-де-м⁴
1SG ребенок-PART NEG.EX быть-
FUTCNT-1SG
‘Я остаюсь бездетным’

Адвербиальные употребления встречаются и в газетных текстах, и в устных рассказах. В текстах газет *āчин* в подобных употреблениях присоединяет падежные и притяжательные показа-

¹В этом материале данное значение *āчин* встречается только в корпусе устных рассказов.

²В устных рассказах также встречаются другие номинализованные прилагательные на *āчин*:

(i) [kutu-jə **asin**-dū] ə-fkī-l baldi-rə
удача-PART NEG.EX-DAT NEG-PTCP.HAB-PL вырасти-PTCP.NEG
‘У несчастливого [ребенка] не растут [олени]’

³Как уже говорилось ранее, кириллической нормализованной записью здесь и далее записываются тексты из газет и переводные тексты. Данное предложение – из перевода на эвенкийский «Библии для детей», а в основном мы приводим предложения из газет.

⁴Как уже говорилось ранее, кириллической нормализованной записью здесь и далее записываются тексты из газет и переводные тексты. Данное предложение – из перевода на эвенкийский «Библии для детей», а в основном мы приводим предложения из газет.

тели, то есть имеет грамматические свойства существительных (4а-б). В устных рассказах *āчин* выступает без всяких грамматических показателей (не считая обязательного для прилагательного согласованного показателя *-l/-r PL*), см. (4в-г) и (6а-б) ниже.

(4) а. Гун-де-м, пельмени-л мун-ду
говорить-FUTCNT-1SG пельмени-PL
1SG.OBL-DAT

[сунюри[н] имуксэ ачин-ди=да...]
свинья жир NEG.EX-INST=FOC
'Говорю, для меня пельмени и без свиного
жира ...'

[со своим жиром вкусные]

б. [Эвэнки-л ачи-р-ду-тын], [ачи-р-ду-тын
оро-р],

эвенк-PL NEG.EX-PL-DAT-PS.3PL NEG.
EX-PL-DAT-PS.3PL олень-PL

экспедиция-л э-мчэ-л тарба-вэ хава-вэ
о-ра

экспедиция-PL NEG-COND-PL столько-
ACC работа-ACC статья-PTCP.NEG

'Без эвенков, без оленей экспедиция не
могла бы сделать столько работы'

в. [hawa-jə asin] ə-dəŋə bodo-ro
работа-PART NEG.EX NEG-PTCP.POST
существовать-PTCP.NEG

'Без работы не могла существовать'

г. ēkun=da bulta-ja-n əduk [kəŋə-ja asin]
что=FOC добыча-PART-PS.3SG отсюда
мучение-PART NEG.EX

ətan ətə-Ø-ndə bokon-o
не.статья.SLIP не.статья-NFUT-2SG
догнать-PTCP.NEG

'Никакую добычу с этих пор без муче-
ний не сможешь догнать'

В данном пункте было показано, в каких контекстах в эвенкийском языке употребляется конструкция с *āчин*. Это, во-первых, выделяемые Л. Веселиновой основные контексты, характерные для отрицательной экзистенциальной конструкции среди языков ее выборки: отрицание существования, наличия и отрицание принадлежности (и, возможно, также с типологической точки зрения менее распространенный контекст отрицания локализации (см. сноску 3)). Кроме того, в устных рассказах зафиксированы другие употребления, напрямую не связанные с суще-

ствованием, принадлежностью или локализацией. Это значение чьей-либо смерти (1д) – оно крайне частотно в устных рассказах – и указание на возраст, такое, что приведен возрастной барьер, которого кто-то не достиг (2а).

Использование отрицательной экзистенциальной конструкции для указания на смерть не уникально с типологической точки зрения, а значение указания на возраст Л. Веселинова не упоминает – значит, такое значение типологически редко или уникально. Что касается адъективного и адвербиального употребления отрицательной экзистенциальной конструкции, то Л. Веселинова оценивает его как не очень типологически распространенное (см. выше). Однако, как кажется, Л. Веселинова стремилась рассмотреть максимальное количество языков из разных языковых групп, чтобы доказать, что можно выделить универсальные признаки отрицательной экзистенциальной конструкции, которые позволяют считать ее в такой же степени значимой для типологии, как, например, посессивную конструкцию. Поэтому многие уральские и алтайские языки, в которых есть данная конструкция, не попали в ее выборку (например, ненецкий язык (уральский) или корейский язык (алтайский)). Так, в корейском языке отрицательная экзистенциальная конструкция употребляется и адъективно, и адвербиально [Martin, 1992: 480–482]. Так что эти употребления можно считать достаточно распространенными, по крайней мере в уральских и алтайских языках.

Грамматические характеристики конструкции с *āчин*

Согласно работе Г.М. Василевич, [Василевич, 1940: 43], *āчин* относится к «недифференцированным основам», или не до конца категориально определенным основам: такие основы обладают свойствами существительного и прилагательного или существительного и глагола. О.А. Константинова и И.В. Недялков [Nedjalkov, 1994] считают *āчин* именем, Б.В. Болдырев – существительным или суффиксальной частицей, образующей прилагательные [Болдырев, 2000: 49; 2007: 53], а И.В. Недялков не относит *āчин* к какой-либо части речи, помещая *āчин* в раздел «Отрицание» (Negation) [Nedjalkov, 1997]. Такая неопределенность характерна для отрицательной экзистенциальной конструкции как типологической сущности.

Āчин обладает свойствами имени (может присоединять посессивные аффиксы и падежные аффиксы *-di* 'INST' и *-dū* 'DAT' в функции обстоятельства, ср. (4а-б)). В сентенциальном употреблении *āчин* обязательно согласуется с отрицаемым именем в роде: ср. (1а-б) в п. 1. Это говорит о предикативном характере отношений между *āчин* и именем, обозначающим отсутствующий объект: имя – субъект, а *āчин* – согласующийся предикат (прилагательное).

В найденных нами примерах из устных рассказов *āчин* в каритивной функции, как правило, не присоединяет падежных показателей (примеры (3а-б), (4в-г)), а в письменных текстах присоединяет показатели DAT или INST, (примеры (4а-б)). В работе [Nedjalkov, 1994: 29] приводятся примеры присоединения *āчин* не только инструментального и дательного, но и аккузатива и аллатива (направительного падежа), ср. (5а-б)¹. Грамматика И.В. Недеялкова, материал для которой собран в конце 1980-х гг., основана на работе с информантами, а не на материале корпусов, что дает возможность выявить менее употребительные, но все же возможные в языке конструкции.

(5) а. bi mede-che-v purta āchin-ma-n.
I feel-Past-1Sg knife-Neg-Acc-3SgPersPoss
'I realized I had no knife'

б. bu nulgi-che-vun moti-l āchi-r-tik'i-tin.
we wander-Past-1Pl elk-Pl Neg-Pl-Dir-3PlPersPoss
'We wandered to the place where there were no elks'

В нашем материале в устной речи чаще, чем в письменной, встречаются адъективно-атрибутивные каритивные конструкции с *āчин*, которые относятся к имени (типа (3а)), и адъективно-предикативные конструкции (типа (3б)). В этих конструкциях, однако, *āчин* согласуется не с тем именем, которое обозначает отсутствующий объект (*мудан-а* [SG] в (6а)), а с тем именем *дуннэ-ңи-л-дў-вун* [PL], которое определяется всем сочетанием [*мудан-а āчи-р-дў*], или с подлежащим (6б).

(6) а. [мудан-а āчи-р-дў] дуннэ-ңи-л-дў-вун... [Колесникова, 1966: 155]

предел-PART NEG.EX-PL-DAT земля-INDPS-PL-DAT-PS.1PL

'На наших беспредельных угодьях...'
(очень много всякого зверья)

б. Nuṇa-r-tin [hutə-ja aṣi-r] bi-šō-tin [oral story]

3PL-PL-PS.3PL ребенок-PART NEG.EX-PL быть-PST-3PL

'У них не было детей' (букв. 'Они были бездетные')

Все эти данные говорят о том, что в современной устной речи *āчин* в первую очередь идентифицируется как прилагательное. Для эвенкийских прилагательных характерно согласование с определяемым словом в числе и падеже, как в (6а): падежное согласование наблюдается в конструкции с *āчин* только в литературном языке. В адвербиальном употреблении в письменной речи, более приближенной к литературному языку, *āчин* употребляется как существительное (примеры (4а-б)), а в устной речи мы встречаем адъективную конструкцию (пример (4в-г)), идентичную (3а-б).

Если оценивать конструкцию с *āчин* с точки зрения Л. Веселиновой, надо учесть два параметра: возможность присоединения показателей времени и наличие/отсутствие «положительно-го» коррелята. В выборке Л. Веселиновой одна треть языков, как и эвенкийский, не допускает показателей времени (то есть не относится к категории собственно глагола). Среди уральских и алтайских языков «именные/адъективные» отрицательные экзистенциальные конструкции встречаются довольно редко – см. [Wagner-Nagy, 2011: 176–181]. Если в ненецком и нганасанском (уральские) или в турецком и корейском (алтайские) языках слово, обозначающее экзистенциальное отрицание, имеет глагольные свойства (см. (7а-б) для корейского с глаголом *eps-* 'не_быть'), то в мансийском (8а-б) и эвенкийском языке (примеры (1в), (3б)) показатели времени присоединяются к вспомогательному глаголу *bi-* 'быть').

(7) а. wuyu-ka eps-Ø-ta² [Google Translate]
молоко-NOM NEG.EX-PRS-DECL
'Молока нет'

¹Примеры даются в транскрипции и с глоссированием И.В. Недеялкова.

²В (7а-б) используется йельская транслитерация, созданная для корейского лингвистом S.E. Martin.

б. wuyu-ka **eps-ess-ta**
молоко-NOM NEG.EX-PST-DECL
'Молока не было'

(8) а. st'epan oojka tot **aat'im ool-ə-s**
Styepan uncle there NEG.EX be-Ep-
PST.3SG
'Uncle Styepan was not there' [Wagner-
Nagy, 2011: 204]

б. am tot **at'im-u-m ool-s-u-m**
I there NEG.EX-Ep-1SG be-PST-Ep-1SG
'I was not there' [Wagner-Nagy, 2011: 204]

В языках с отрицательной экзистенциальной конструкцией часто бывает слово, обозначающее существование и отличное от вспомогательного глагола-связки. Ср. русские *есть* и *нет*, турецкие *var-* и *yok-*, корейские *iss-* и *eps-* с аналогичными значениями. В этом плане эвенкийский язык относится к «ассиметричному меньшинству»: у *āчин* нет положительного коррелята, и вместо него используется связка *bi-* 'быть', ср. (9):

(9) ...tadū **bi-rə-n** amūt [gitlər hinda-kis'i-n...]
gərbī-s'ī

...там быть-NFUT-3SG озеро Гитлер
удочка-NMLZ.LOC-PS.3SG имя-ATR

'...там есть озеро под названием «Гитлеровское место для ловли»'

Внутренняя структура конструкции с *āчин*

Г. М. Василевич [Василевич, 1940: 43] отмечает, что *āчин* имеет глагольные свойства, поскольку *āчин* может управлять именем в партитивном¹ (а не номинативном) падеже, и что это происходит, когда *āчин* используется в адъективной функции (примеры (3а-б), (4в-г), (i) в сноске 5). В нашем материале имя-отсутствующий объект стоит в партитивном падеже также в адъективной конструкции (3а-б) и в идентичной ей адвербиальной (4в-г), а в газетных текстах, в посессивной конструкции (4а-б) показатель партитива не употребляется: это именная конструкция. В сентенциальном употреблении партитивный объект также иногда встречается в устных рассказах (1а). Б.В. Болдырев [Болдырев, 2007: 185] предлагает считать, что партитивное имя – дополнение *āчин* (ср. [Kiparsky, 2001: 348] для эстонского языка). Такой анализ подходит для адъективного употребления типа (3а-б) и (4в-г).

Партитивный падеж в сентенциальной конструкции с *āчин* не коррелирует с неопределенностью отсутствующего объекта: в (1а) отсутствующее партитивное имя *d'u-l-ə* 'чумы-PART' может интерпретироваться и как определенное, и как неопределенное. В (1б) номинативное имя *hulakī-l* 'лисы' скорее всего интерпретируется как неопределенное. В (10) *ud'a-l-tin* 'след-PL-PS.3PL' «следы» интерпретируются как неопределенное имя.

(10) nuṛa-ṛ-ṛī-tin ud'a-l-tin **ači-r**
3SG-PL-PROPR-PS.3PL след-PL-PS.3PL
NEG.EX-PL
'Следов их нет'

Типологические данные свидетельствуют о том, что имя, обозначающее отсутствующий объект – не прямое дополнение, а подлежащее. Ср. корейский глагол *eps-ta* 'не быть' (примеры (7а-б)), а также примеры из мансийского (8а-б). В остальных языках, о которых пишут Л. Веселинова и В. Wagner-Nagy, субъект, существование которого отрицается, также стоит в именительном падеже. Поскольку адъективная конструкция – не полное предложение, а оборот типа 'без чего-то', этот оборот «N(-PART) *āчин*» можно более формально представить как редуцированное предложение, в котором имя N – субъект, а *āчин* – предикат: 'N (имя) [субъект] ¬ ∃ (не существует) [предикат]', а глагол-связка *bi-* в каритивном сочетании не употребляется. В такой конструкции ни *āчин*, ни N не управляют друг другом, это просто субъект и предикат без глагольного грамматического оформления.

Партитивный объект употребляется в основном именно в адъективных сочетаниях. Механизм присвоения партитивного падежа в предложениях с *āчин* довольно сложный – этот падеж присваивается не самим словом *āчин*, а скорее отрицательным оператором, «¬ ∃» который содержится в значении *āчин* и в обороте с *āчин*, и который можно отдельно представить в спе-

¹О.А. Константинова считает *(-j)A* показателем совокупности, но большинство исследователей – партитивным (винительным неопределенным) падежом.

циальном формальном представлении генеративной грамматики¹.

Номинативный падеж у имени в сентенциальных и каритивных адвербиальных (посесивных) примерах ((1б-г), (2а), (10), (4а-б)) – типологически немаркированная конструкция с *āчин*.

Обсуждение и заключение. Анализ эвенкийского материала и сравнение его с выделенным на основании типологических данных показали, что *āчин* обладает достаточным числом признаков, характерных для отрицательных экзистенциальных слов с типологической точки зрения. *Āчин* употребляется в основных значениях, характерных для отрицательной экзистенциальной конструкции: отрицание существования объекта, отрицание обладания, отрицание местонахождения. Кроме этого, *āчин* употребляется в нескольких неядерных значениях, например, ‘умереть’ или ‘немного не достигнуть определенного возраста’. Последнее также типологически допустимо.

В грамматическом отношении у *āчин* есть достаточно характерный признак отрицательного экзистенциального слова: невозможность присоединять временные глагольные показатели. Хотя у *āчин* нет положительного эквивалента (отдельного слова со значением ‘быть, иметь, находиться’), эти функции выполняет общий глагол *bi-* ‘быть’, который употребляется и как вспомогательный, и как экзистенциальный.

Важное свойство *āчин*, характерное для отрицательных экзистенциальных слов в типологическом плане – категориальная недоопределенность. Как мы видели, *āчин* выступает как прилагательное и как существительное в разных контекстах. В сентенциальном и адъективном употреблении это прилагательное, а в адвербиальном – существительное. Такая недоопределенность в эвенкийском языке – обычное явление: большое число основ могут в морфологическом отношении быть и прилагательными, и существительными [Василевич, 1940: 42–43]. При сравнении устного и письменного эвенкийского, мы видим, что в устном языке

адъективная модель распространяется не только на адъективные, но и на адвербиальные употребления: возникает (в терминах работы [Ландер, 2008]) некатегориальное подчинение.

Довольно редкая черта отрицательной экзистенциальной конструкции в эвенкийском – то, что эта же конструкция используется в функции каритивной. Это архаическая черта эвенкийского языка, утраченная во многих уральских и алтайских языках. Важное отличие эвенкийской отрицательной экзистенциальной конструкции от типологического «стандарта» – партитивный падеж имени, обозначающего отсутствующий объект, в адъективном употреблении. Это типологическая особенность эвенкийского языка, которая сохраняется и в языке XXI века.

Условные сокращения:

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ACC – аккузатив, ABL – аблатив, ALL (Dir) – аллатив, ANT – (причастие) предшествования, ATR – атрибутив, COND – условное (наклонение, деепричастие), CVB – конверб (деепричастие), DAT – датив, DECL – изъявительное наклонение, DISTR – дистрибутив, EP – эпиптетический гласный, EX – экзистенциональный, EXCL – эксклюзивное (множественное число), FOC – энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение, FUTCNT – непосредственно будущее (время), HAB – хабитуальное (причастие), HABPROB – пробабилитив, INDPS – косвенная принадлежность, INST – инструменталис, IPFV – имперфектив, LOCAL – локатив-аллатив, NFUT – небудущее (время), NMLZ.LOC – показатель номинализации, образующий имя со значением места действия, NOM – номинатив, OBL – косвенная (основа), PART – партитив, PL (Pl) – множественное число, POST – причастие возможности, PROL – пролатив, PROPR – косвенный посессор, PRS – настоящее (время), PS (PersPoss) – посесивный (аффикс), PST (Past) – прошедшее (время), PTCP – причастие, SG (Sg) – единственное число, SLIP – оговорка.

¹Ср. [Harves, 2013]: в этой работе рассматривается такой анализ, при котором генитив подлежащему в примерах типа *Мальчиков на пляже не было*, *Дождя не было* присваивается не связкой *было*, а специальным отрицательным оператором. Мы опускаем все детали формального представления конструкции для простоты изложения.

Список литературы:

Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка [Под ред. В.А. Роббек]. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.

Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1940. 195 с.

Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966. 247 с.

Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 272 с.

Ландер Ю. А. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка [Под ред. М. Е. Алексеева, Т. А. Майсака]. М.: Academia, 2008. С. 54–95.

Bentley D., Ciconte F. M., Cruschina S. Existential constructions in crosslinguistic perspective. *Rivista di Linguistica*. 2013. Volume 25. Issue 1. Pp. 1-13.

Croft W. The Evolution of Negation. *Journal of Linguistics*. 1991. Volume 27. Pp. 1–39.

Harves S. The genitive of negation in Russian. *The linguistics compass*. 2013. Volume 7. Issue 12. Pp. 647-662.

Kiparsky P. Structural Case in Finnish. *Lingua*. 2001. Volume 11. Issues 4-7. Pp. 315-373.

Martin S.E. A reference grammar of Korean. A complete guide to the grammar and history of the Korean language. Rutland-Tokyo: Charles E. Tartles, 1992. 1032 p.

Nedjalkov I. Evenki. *Typological studies in negation*. Edited by P. Kahren, R. van der Berg. Philadelphia-Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 1-34.

Nedjalkov I. Evenki. London-New York: Routledge, 1997. 366 p.

Veselinova L. Negative existentials: a cross-linguistic study. *Rivista di Linguistica*. 2013. Volume 25. Issue 1. Pp. 107-145.

Wagner-Nagy B. On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. *Societe Finno-Ougrienne*. Helsinki, 2011. 336 p.

Словари:

Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 1. 503 с.; Ч. 2. 484 с.

References:

Bentli D., Chikonte F. M., Krushina S. *Jekzistencial'nye konstrukcii v krosslingvisticheskoj perspektive*. *Rivista di Linguistica* [Existential construc-

tions in crosslinguistic perspective. *Rivista di Linguistica*]. 2013. Volume 25. Issue 1. Pp. 1-13. (In English)

Boldyrev B.V. *Jevenkijsko-russkij slovar'* [Evenk-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., branch "Geo", 2000. Part 1. 503 p.; Part 2. 484 p. (In Russian)

Boldyrev B.V. *Morfologija jevenkijskogo jazyka*. *Pod red. V.A. Robbek* [Morphology of the Evenk language. Edited by V.A. Robbeck]. Novosibirsk: Science Publ., 2007. 932 p. (In Russian)

Harves S. *Roditel'nyj padezh otricanija v russkom jazyke*. *Kompas lingvistiki* [The genitive of negation in Russian. The linguistics compass]. 2013. Volume 7. Issue 12. Pp. 647-662. (In English)

Kiparskij P. *Strukturnyj korpus na finskom jazyke*. *Lingua* [Structural Case in Finnish. *Lingua*]. 2001. Volume 11. Issues 4-7. Pp. 315-373. (In English)

Kolesnikova V. D. *Sintaksis jevenkijskogo jazyka* [Syntax of the Evenk language]. Moscow: Science Publ., 1966. 247 p. (In Russian)

Konstantinova O.A. *Jevenkijskij jazyk. Fonetika. Morfologija* [Evenk language. Phonetics. Morphology]. Moscow: Science Publ., 1964. 272 p. (In Russian)

Kroft V. *Jevoljucija otricanija*. *Zhurnal lingvistiki* [The Evolution of Negation. *Journal of Linguistics*]. 1991. Volume 27. Pp. 1–39. (In English)

Lander Ju.A. *Prichastnye konstrukcii ili nekatégorial'noe podchinenie?* [Participial constructs or non-categorical subordination?]. *Udinskij sbornik: grammatika, leksika, istorija jazyka*. *Pod red. M. E. Alekseeva, T. A. Majsaka* [Udi collection: grammar, vocabulary, history of the language. Edited by M.E. Alekseev, T.A. Maysak]. Moscow: Academia, 2008. Pp. 54–95. (In Russian)

Martin S.Je. *Spravochnaja grammatika korejskogo jazyka. Polnoe rukovodstvo po grammatike i istorii korejskogo jazyka* [A reference grammar of Korean. A complete guide to the grammar and history of the Korean language]. Tokyo and Rutland: Charles E. Tartles, 1992. 1032 p. (In English)

Nedjalkov I. *Jevenki* [Evenki]. London-New York: Routledge, 1997. 366 p.

Nedjalkov I. *Jevenki. Tipologicheskie issledovanija v otricanii*. *Pod redakciej P. Karena, R. van der Berga* [Evenki. Typological Studies in Negation. Edited by P. Kahren, R. van der Berg]. Philadelphia-Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 1-34. (In English)

Vagner-Nad' B. *O tipologii otricanija v obsko-ugorskikh i samodijskikh jazykah*. *Societe Finno-Ougrienne* [On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. *Societe Finno-Ougrienne*]. Helsinki, 2011. 336 p. (In English)

Vasilevich G.M. *Oчерк грамматики jevenkijskogo (tungusskogo) jazyka* [An outline of the grammar of the

Evenk (Tungus) language]. Leningrad: State educational and pedagogical Publ., 1940. 195 p. (In Russian)

Veselinova L. *Negativnye jekzistencijal: kross-lingvisticheskoe issledovanie. Rivista di Linguistica*

[Negative existentials: a cross-linguistic study. Rivista di Linguistica] . 2013. Volume 25. Issue 1. Pp. 107-145.

(In English)

E.L. Rudnitskaya

Negative Existential Construction with āchin in the Evenk Language from a Typological Point of View

The article examines the negative existential construction with āchin, the scope of this construction in oral stories and written texts of the XXI century.

The aim of the article is to identify the typological features of the Evenk existential construction with āchin. The corpus of oral stories of the early XXI century is used and a corpus of newspaper texts. The data from grammars published in the XX century are used for comparison. The grammatical characteristics of the construction are analyzed: the possibility of attributing āchin to any part of speech, the possibility of attaching various grammatical indicators to āchin, case characteristics of a name denoting an absent object, etc. At the same time, the construction with āchin is checked for the characteristic typological signs of a negative existential construction developed by L. Veselinova.

The construction with āchin has the main features of a negative existential construction based on the typology data: this construction primarily denies the existence of an object or the possession of the subject of some object. Āchin in this construction reveals the obligatory agreement by number with the name-absent object and cannot add time indicators, which is typical for a negative existential construction. In written speech, āchin demonstrates the properties of a noun (the addition of case and possessive indicators), but in oral speech it is rather an adjective. The name denoting an absent object can be in the partitive case (more often in a caritive construction - adjective or adverbial). A typological feature of the Evenk construction is the possibility of caritivistic use, as well as the partitive case assigned to a name denoting a nonexistent object. In studies of the Evenk language, a systematic study of the construction from āchin for compliance with typological standards has not been carried out, and the texts of the XXI century have not been studied in detail.

Keywords: existential negation, Evenk language, typology, sphere of use, part of speech, caritive use, subject-predicate relations, management

Г.Н. Курилов

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.009

УДК 811.554'37

Семантика корневого элемента ну- в тундренном диалекте юкагирского языка

Исследование происхождения лексем юкагирского языка впервые проведено в аспекте системного изучения этимологии. В статье описан анализ этимонов ну(л)-, ну(дэ)-, ну(з)-, ну(н)-, ну(й)-, ну(к)- ряда слов в тундренном диалекте юкагирского языка.

© Курилов Г.Н., 2021

Цель статьи – выявление семантики лексических единиц с корневым элементом *пу-* в тундренном диалекте юкагирского языка.

Материалами для исследования послужили «Юкагирско-русский словарь», «Юкагирско-русский и русско-юкагирский словарь» и сведения автора. Методы охватывали структурно-морфологический, словообразовательный разборы: выявление корней и дериватов; сравнительно-сопоставительное изучение лексем в тундренном и лесном диалектах юкагирского языка; семантизацию этимона, деривационных элементов, уточнение семантико-грамматических значений.

Был семантизирован элемент *пу-* этимонов *пу(л)-*, *пу(дэ)-*, *пу(з)-*, *пу(н)-*, *пу(й)-*, *пу(к)-* в лексемах: термин свойства *пулийэ* ‘зять (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца)’, *пулгидьилэ* ‘растение’, *пудинимэ* ‘соседний дом’, *пугил* ‘лист (тальника)’, *пунизэ* ‘свариться (о еде)’, ‘созреть, поспеть’, *пуйлэ* ‘старица’, ‘ви-сок’, *пукирийэ* ‘беготня взад-вперед из дому на улицу и обратно’ и др. Выводы исследования и новая информация о развитии материальной и духовной культуры юкаги-ров обусловили актуальность семантических, сравнительных и генетических исследований юкагирского языка.

Ключевые слова: корневой элемент, древний корень, этимон, семантика, термины родства и свойства, тундренный диалект юкагирского языка

Введение. Автор статьи впервые провел системное этимологическое изучение лексики юкагирского языка на материале тундренного диалекта. Ранее в юкагироведении не проводилось этимологическое исследование словарного состава тундренного диалекта юкагирского языка, так как исследователи А. Шифнер, В.И. Иохельсон и Е.А. Крейнович [Крейнович, 1958] занимались описанием только морфологического и лексико-грамматического состава юкагирского языка.

До настоящей работы автор статьи занимался изучением сложных имен существительных, структурно-морфологического состава композитов, словообразовательных формантов тундренного диалекта юкагирского языка, основой для данного этимологического исследования.

В этой работе представлен этимологический анализ лексических единиц тундренного диалекта юкагирского языка с целью изучения корневого элемента *пу-*, выявленного при определении этимонов ряда лексических единиц на [п]. В задачи входило определение древних корней *пу(л)-*, *пу(дэ)-*, *пу(з)-*, *пу(н)-*, *пу(й)-*, *пу(к)-*, объединенных корневым элементом *пу=*, под которым мы подразумевали содержание понятия, передающего определенное смысловое значение.

Укажем, что теоретическая и практическая ценность этимологизации лексем тундренного диалекта юкагирского языка обозначилась при определении этимонов, деривативных формантов, принципов называния предмета или субъекта (в широком понимании этого слова) и раскры-

тии новой информации, показывающей развитие материальной и духовной культуры юкаги-ров.

Так, среди слов с корневым элементом *пу-* (корнем *пу(л)-*) термин свойства *пулийэ* ‘зять (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца)’ в системе родства и свойства юкаги-ров представляет интересное явление в лингвистическом, культурологическом и этнографическом плане. Данную систему родства и свойства, обычай избегания *ныхаайруол* у лесных (колымских) юкаги-ров описывал В.И. Иохельсон в книге «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» [Иохельсон, 2005а: 116–129]. Там же он приводил термины родства и свойства из языка тундренных юкаги-ров. Вместе с тем таблица юкагирской системы родства, составленная В.И. Иохельсоном, опубликована в его труде «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора» [Иохельсон, 2005б: 268]. Во второй половине 60-х гг. прошлого столетия нами была написана статья «О терминах родства и свойства тундренных юкаги-ров», опубликованная в журнале «Советская этнография» [Курилов, 1969: 92–96]. В 2019 г. вышла статья «Термины родства, отражающие древнюю культуру тундренных юкаги-ров», в которой мы предприняли попытку раскрытия особенностей исконных и заимствованных терминов родства тундренного диалекта юкагирского языка [Курилов, 2019: 218–222].

В опубликованных работах были определены термины родства, поэтому представленный этимологический анализ, в частности лексемы

пулийэ ‘зять (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца)’ дополняет исследования новыми данными в отношении терминов свойства.

Материалы и методы. В методологию этимологического анализа входили структурно-морфологический и словообразовательный разборы, выявление корневого элемента, деривационных формантов и определение их семантики. Охватывались способы сравнительного и сопоставительного изучения слов, поиск однокоренных лексем со сходным значением в тундрном и лесном диалектах юкагирского языка, соотнесение этимологизируемой лексики с другими лексемами для выделения деривационных элементов и уточнением их семантико-грамматических значений. Выявлялись древние корни и основы с поиском наиболее точной фиксации их значений для установления этимологии лексических единиц.

Анализ этимологизируемых словарных единиц опирался на материалы из «Юкагирско-русского словаря» [Курилов, 2001], «Юкагирско-русского и русско-юкагирского словаря» [Николаева, Шалугин, 2002] и материалы автора как носителя юкагирского языка.

Результаты. Этимологический анализ корневого элемента *пу-* начнем с лексических единиц с древним корнем *пу(л)-*, а именно с термина свойства *пулийэ* ‘зять (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца)’. Отметим, что терминами свойства являются лексемы: *пулийэ* ‘зять (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца)’, *иидиэ* ‘тетя (жена старшего брата; жена младшего брата отца и матери)’, *ньяайл* ‘зять’, ‘невестка’, ‘невеста’ для родителей жены и мужа.

Итак, словообразовательный анализ термина свойства *пулийэ* ‘зять (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца)’ [Курилов, 2001: 397] указывает на выделение корня *пу(л)-*, инфикса *-и-*, словообразовательного форманта *-йэ*. Деривативный аффикс *-йэ(пул-и-+йэ)* указывает на предметность (в широком понимании этого слова) рассматриваемого объекта (или явления) [Курилов, 2006: 92].

Так, корень *пу(л)-* встречается во многих глагольных основах с общим семантическим полем: *пулгэй-*, *пулды-*, *пулгэрэй-*, *пулгэс-* и т. д.

Основа *пулгэй-* (3 л. *мэ пулгэч*; *пулгэйл*) *неперех.* передает несколько значений: 1) ‘выйти, выбраться, вылезти’; 2) ‘вытечь, проистекать (о реке)’; 3) ‘взойти, прорасти, вырасти’; 4) ‘распускаться (о листьях)’; 5) ‘прорезаться’; 6) ‘вылупиться’; 7) ‘появиться’; 8) ‘получиться, выйти, случиться’; 9) ‘облезать, падать’ [Курилов, 2001: 395]. Основа *пулды-* (3 л. *мэ пулдыий*; *пулдыл*) *многокр. от пулгэй-*. Основа *пулгэрэй-* (3 л. *мэпулгэрэйл*; *пулгэрэйм*) *перех.* имеет следующие значения: 1) ‘вытащить’, ‘извлечь’; 2) ‘вынести’, ‘вывести’; 3) ‘вывести’, ‘выпустить’; 4) ‘выгнать’, ‘выпроводить’; 5) ‘высунуть’; 6) *перен.* ‘произвести (имя, слово)’. Основа *пулгэс-* (3 л. *мэ пулгэсум*; *пулгэсул*) – это 1) *многокр. от пулгэрэй-*, 2) *побуд.* ‘заставить (позволить, дать) кого-что-л. (кому-чему-л.) выходить’ [Курилов, 2001: 396] и т. д.

Как видим, корень *пу(л)-* передает значения: ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’, ‘вынести наружу’, ‘вырасти’, ‘появиться’, ‘получиться’, ‘случиться’, ‘произвести’. Из этого следует, что термин свойства *пулийэ* буквально можно перевести как: ‘выходящий человек’, ‘тот, за которого выходят (из семьи)’.

1. Пулийэ

Пул-и-йэ

выйти наружу- INFX- NMZ

‘зять (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца)’, ‘выходящий человек (тот, за которого выходят)’¹.

У юкагиров термин свойства *пулийэ* к мужу старшей сестры и мужу младшей сестры отца используют только мужчины и женщины, которые должны обращаться так к мужьям старших сестер (единоутробных, двоюродных и троюродных), а родители жены к зятю обращаются при помощи слова *ньяайл* [Курилов, 2001: 302]. У родителей жены с зятем, в отличие от детей этой семьи, имеются определенные правила обращения и отношений друг с другом.

Так, если молодые (мальчики и девочки, юноши и девушки) со своим *пулийэ* могут шутить, играть, насмехаться над ним, то зять, тесть и теща имеют право разговаривать друг с другом только в третьем лице множественного числа. Поэтому, тесть своему *ньяайл* не скажет: «Надо бы свежей рыбы поесть, иди, поставь

¹МА, 2018–2019 гг.

сеть», а скажет: «Надо бы свежей рыбы поесть, надо бы, чтобы они поставили сеть».

В процессе этимологизации лексемы *пулийэ* ‘зять (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца)’ мы обратили внимание на нарицательное имя существительное *епулгидьилэ* ‘растение’, ‘цветок’, в ходе анализа которого обнаружили некоторые особенности аффикса *-дьи*. Вначале мы считали, что аффикс *-дьи* в слове *пулгидьилэ* является словообразовательным формантом многократности [Курилов, 2003: 76], но удивляло то, что он появляется в порядке местоположения деривативных аффиксов [Курилов, 2003: 93].

Структурный анализ существительного *пулгидьилэ* ‘растение’, ‘цветок’ выявил глагольную основу *пулгэй-* (3 л. *мэ пулгэч; пулгэйл*) *неперех.* ‘выйти’, ‘вылезти’, многократной формой данного глагола является *пулды-* (3 л. *мэ пулдыл; пулдыл*) ‘выходить много раз’. Для сопоставления с основой *пулгэй-* мы начали искать лексемы с глагольными аффиксами *-гэй, -тэй, -дэй, -сэй*, у которых многократная форма производилась бы по типу *пулгидьи-*.

В ходе этих поисков рассмотрели имя существительное *антадьаайэ* ‘волшебник, колдун’, полагая, что его производная основа *антадьи-* может являться многократной формой глагольной основы *антэй-* (3 л. *мэ антэч; антэйл*) ‘сказать что-либо коротко’ [Курилов, 2001: 47]. Было выявлено, что данная лексема, по всей видимости, в одном из своих толкований обладает значением ‘поговаривать’. Сравним, у глагольной основы *анньэ-* (3 л. *мэр анньэй; анньэл*) *неперех.* ‘говорить’ [Курилов, 2001: 46] многократная форма образуется при помощи суффикса *-ий-*: *анньий-* (3 л. *мэр анньийий; анньийил*) ‘говорить много и долго’.

Мы проанализировали такие формы, как лексема *чингичэчий* ‘начинает слегка темнеть в ночное время’, производная от *чингичэрэч-* ‘потемнело’, *чайлэчий* ‘слегка светлеет’ от *чайлэрэч* ‘посветлело’ и т.д. Здесь особенно интересно то, что аффикс *-чи-* в основе *чайлэ-чи-* ‘слегка светит’, *чингичэ-чи-* ‘слегка темнеть’ показывает на малую или слабую степень проявления качества. Однако и после этих рассуждений мы не можем определенно утверждать, что основы

пулгидьи- в слове *пулгидьилэ* ‘растение’, ‘цветок’, *антадьи-* ‘поговаривать’ (‘колдовать, привораживать’) в слове *антадьил* ‘поговаривание’ (‘заговаривание’) точно определены.

Отметим, что творцы этих слов вкладывали в них особый мистический и какой-то другой смысл. От основы *антадьи-* создано сложное имя существительное *антадьаайэ~антидьаайэ* ‘волшебник, колдун, чародей’. Возможно, если бы в *антадьи-* не было бы элемента *-дьи*, то слова колдуна не имели бы большой магической силы. Такой же табуированный смысл находим в основе *пулгидьи-*, т. к. считалось, что если прямо высказываться о растении, то оно может не вырасти, срывать цветы без необходимости у тундренных юкагиров считается чуть ли ни грешным делом. Мы предполагаем, что аффикс многократности *-дьи* имеет еще табуированное значение.

Возможно, имя нарицательное *пулгидьилэ* ‘растение’, ‘цветок’ образовано от глагольной основы *пулгии-* (3 л. *мэ пулгииим; пулгииил*) *перех.* ‘держат что-либо высунутым (например, язык)’ [Курилов, 2001: 395], произведенной от корня *пул-* при помощи словообразовательного форманта *-гии-*. В таком случае можно предположить, что от основы *пулгии-*, посредством именного аффикса *-дьэ-*, было создано существительное *пулгиидьэ* ‘то, что является высунутым’. От этого именного слова при помощи словообразовательного аффикса *-лэ*, указывающего предметное значение, возникло и нарицательное имя существительное *пулгидьэлэ*, которое со временем в результате многократного употребления носителями тундренного диалекта юкагирского языка, оформилось как *пулгидьилэ* ‘растение’, ‘цветок’. Наричательное имя существительное *пулгидьилэ* ‘растение’, ‘цветок’ буквально следовало бы переводить как ‘то, что выходит (произрастает) наружу неоднократно (из-под земли)’.

2. Пулгидьилэ

Пулгидьи-лэ

то, что является высунутым – NMZ

‘растение’, ‘цветок’, ‘то, что выходит (произрастает) наружу неоднократно (из-под земли)’¹.

Таким образом, следуя семантике лексем *пулийэ* и *пулгидьилэ*, методом экстраполяции мы определили, что этимон *пул-* имеет значе-

¹МА, 2018–2019 гг.

ние ‘вывести наружу’, ‘выйти наружу’, ‘произвести’.

При дальнейшем разборе лексических единиц с элементом *пу*= мы выявили близость семантики этимона *пу(л)*- ‘вывести наружу’, ‘выйти наружу’ с древним корнем *пу(дэ)*-, в общем передающих значение ‘нахождение вне некоего пространства (например, жилья)’, что подтвердило наше предположение о значении элемента *пу*- ‘нахождение за пределами внутренней части предмета’, ‘внешнее нахождение’.

Древний корень *пу(дэ)*- встречается в существительном *пудинимэ~пудэнимэ* ‘соседний дом’, наречном слове *пудэ* ‘пространство, окружающее жилой дом’, в слове в роли прилагательного *пудэльэ* ‘внешний (находящийся вне дома)’ [Курилов, 2001: 393]. Корень *пудэ*- был, вероятно, *пулдэ*-, в котором [л] ассимилировался более звонким сильным [д] и исчез. Рассмотрение лексических единиц с древним корнем *пу(дэ)*-, передающих значение ‘нахождение вне некоего пространства (например, жилья)’, выделило сложное слово *пудэрукун* ‘наружная сторона (все, что находится вне жилища)’ [Курилов, 2001: 393]. Эта лексема состоит из двух компонентов: *пудэ*- ‘то, что находится вокруг дома’, *-рукун* < *-сукун* в значении ‘пространство’. Все образование *пудэрукун* буквально означает: ‘все наружное, находящееся вне дома’.

3. Пудэрукун

Пудэ-рукун

то, что находится вокруг дома – пространство

‘наружная сторона (все, что находится вне жилища)’, ‘все наружное, находящееся вне дома’¹.

В изучаемом лексическом поле определилось сложное имя существительное *пудинимэ* 1. ‘соседний дом’, 2. ‘сосед’ [Курилов, 2001: 392]. Слово состоит из компонентов *пуди*- < *пудэ*- (см. выше), *-нимэ* ‘дом’, ‘жилище’. Значение существительного *пудинимэ* определил буквальный перевод: ‘наружное жилище [находящееся за пределами своего жилья]’. Отметим, в настоящее время в тундренном диалекте юкагирского языка лексема *пудинимэ* понимается как ‘сосед’. Такое же значение *пуннумэ* ‘сосед’ находим и в лесном диалекте юкагирского языка [Прокопьева, 2009: 110].

4. Пудинимэ

Пуди-нимэ

соседний дом, то, что находится вокруг дома – жилище

1. ‘соседний дом’, 2. ‘сосед’ [Курилов, 2001: 392].

Итак, этимон *пу(л)*- передает значения ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’, а древний корень *пу(дэ)*- – ‘находиться вне [некоего пространства] (например, жилья)’.

Этимологизация лексемы *пулгидылэ* ‘растение’, ‘цветок’ в лексическом ряду с элементом *пу*- обратило наше внимание на нарицательное имя существительное *пугил* ‘лист’ как слова, также обозначающего растительный мир.

В тундренном диалекте юкагирского языка *пугил* обозначает: I. ‘лист, листок (тальника)’, II. ‘вдовец’, ‘вдова’. На первый взгляд, кажется, что это слово настолько монолитно, что его структурно-морфологически невозможно разобрать, кроме *-пу*. Что касается *-гил*, то оно встречается в таких словах, как *мабил* ‘доха’, где *ма* – этимон от глагола *мараа*- (3 л. *мэ мараай*; *мараал*) ‘одеться’ + *-бил*. Примеров таких слов со словообразовательным формантом *гил*- можно привести много: *чугил* ‘бережение’, *мугил* ‘лесной’, ‘часть леса’, *чобул* ‘костный мозг’, *собул* ‘слюна’, *йобул* ‘нос’ и т.д. Следовательно, форманты *гил*-~*бил*- имеют именное значение. Касательно ассимиляции гласных отметим, что, как правило, после согласного [г] появляется [и] (*гил*-), а после [б] – [у] (*бил*-).

Зная о корне *пу(л)*- и корне *пу(дэ)*- как этимонах, содержащих в себе понятия ‘вывести наружу’, ‘вынести наружу’, ‘произвести’, ‘находиться вне [некоего пространства]’, связанных с корневым элементом *пу*- в значениях ‘наружу’, ‘вовне’, мы предположили, что в лексеме *пугил* ‘лист, листок (тальника)’ корень *пу(л)*- соединился со словообразовательным формантом *-гэй*, образовав глагольную основу *пулгэй*- (3 л. *мэ пулгэч*; *пулгэйл*) *неперех.* ‘выйти’, ‘оказаться на наружной стороне жилища’. Укажем, что *-гэй* формирует основы завершённого действия или процесса [Курилов, 2003: 71].

Корень *пуг*- обнаруживаем в основах *пугочал*- (3 л. *мэ пугочань*; *пугочал*) *неперех.* ‘быть легким’, *пугочаму*- (3 л. *мэ пугочамуй*; *пугоча-*

¹МА, 2018–2019 гг.

мул) *неперех.* ‘стать легче’; 2. *перен.* ‘родить (букв.: ‘облегчиться’, ‘освободиться от кого-, чего-л.’)’ [Курилов, 2001: 389].

В слове *пугил* можно представить образование следующим образом: корень *пу(л)-* ‘выйти наружу’ + *-г- < -гээ-* (словообразовательный аффикс) + *-и-* (инфикс) + аффикс *-л* (показатель предметности) – *пулгил-* > *пугил*. Относительно значения древнего корня *пу(г)-* – мы полагаем, что данный этимон содержит понятия ‘наружу’, ‘вовне’ и ‘выйти’.

Таким образом, можно увидеть, как в лексеме *пугил* отчетливо выделяется корневой элемент *пу-* в значениях ‘наружу’, ‘вовне’. Этимологическое определение лексемы *пугил* ‘лист (тальника)’ – ‘наружу выходящее (произрастающее) нечто’, ‘то, что произросло [вышло наружу]’.

Укажем: в лесном диалекте юкагирского языка слова *полжисьэ* ‘лист’ [Николаева, Шалугин, 2002: 63], *укэсьэ* ‘растение’ [Николаева, Шалугин, 2002: 71] буквально определяются как ‘выходящий’ (см. *пугэжэсь* ‘выбежать (из дома наружу’, ‘выскочить’) [Николаева, Шалугин, 2002: 63].

5. Пугил

пуг-и-л

наружу произвести-INFX-VN

‘лист (тальника)’, ‘наружу выходящее (произрастающее) нечто’, ‘то, что произросло [произвелось]’¹.

Этимологический анализ лексических единиц с элементом *пу(г)-* показал, что выделенный этимон в таких лексемах, как *пугил* ‘лист (тальника)’, *пугочал* ‘легкость’ и т.д. передает понятия ‘выйти наружу’. Наряду с приведенными словами на *пу(г)-* были выявлены слова с основой *пугэ-* (3 л. *мэ пугэч*; *пугэл*) *неперех.* ‘быть жарким (теплым)’ и множество других слов, таких как *пугэкиэ-* (3 л. *мэ пугэкиэй*; *пугэкиэл*) *неперех.* ‘потеплеть’, существительное *пугэдбэ* ‘жара’, *пугэлтэ-* (3 л. *мэ пугэлтэй*; *пугэлтэл*) *неперех.* ‘согреться’ [Курилов, 2001: 392] и т. д.

Как видно, лексические единицы, с одной стороны, *пугил* ‘лист (тальника)’, с другой – *пугучэ* ‘шерсть’ и *пугэдбэ* ‘жара’ отличаются семантикой. Существительные *пугучэ* ‘шерсть’ и

пугэдбэ ‘жара’ характеризуются аффиксами *-чэ*, *-дбэ* в основе *пугэ-* (3 л. *мэ пугэч*; *пугэл*) *неперех.* ‘быть жарким (теплым)’, корень *пугэ-* < *пугу-* + *-чэ*, *пугэ-* < *пугу-* + *-дбэ*.

Этимологический разбор *пугучэ* ‘шерсть’ [Курилов, 2001: 391] выявил понятия ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’ и понятия ‘потеплеть’, ‘согреться’. В этом нарицательном существительном выделяются основа *пугу-* ‘жарко’ и *чэ-* именной суффикс, который встречается в словах: *маачэ* ‘аркан’ от глагольной основы *маа-* (3 л. *мэ маам*; *маал*) *перех.* ‘ждать’, *йөнгчэ* ‘колокол’, в котором этимон *йөнг-* встречается в основе квалитатива *йөнгнэ-* (3 л. *мэ йөнгнэй*; *йөнгнэл*) *неперех.* ‘звенеть’. Отсюда следует, что значение аффикса *-чэ* указывает на предметность [Курилов, 2003: 120] и буквальное значение, например, лексемы *йөнгчэ* ‘колокол’ определяется как ‘то, что звенит’.

Таким образом, буквальным определением существительного *пугучэ* ‘шерсть’ является значение ‘наружное теплое нечто’.

6. Пугучэ

Пугу-чэ

быть жарким (теплым) = NMZ

‘шерсть’, ‘наружное теплое нечто’².

Отметим, что понятия ‘наружу’, ‘вовне’ и ‘потеплеть’, ‘согреться’, а также ‘созреть’ определяются уже в лексических единицах с древним корнем *пу(н)-*. Например, в глагольной основе *пунгиз-* (3 л. *мэ пунгизэй*; *пунгизэл*) *неперех.* 1. ‘свариться (о еде)’, 2. ‘созреть, поспеть’ [Курилов, 2001: 399] содержится этимон *пунг-* в значении ‘свариться’, ‘приготовиться’ и ‘созреть’.

1) Чуул мэ пунгизэй.

чуул мэ пунгизэй

мясо FOC свариться = INTR:3Sg

‘Мясо сварилось’³;

2) Ньоронбуриэ мэ пунгизэй, аптаачэнник!

ньоро = н = буриэ мэ пунгизэй = й аптаачэ = ни = к

морощка (болото = Е = ягода) FOC

созреть = INTR:3Sg идти куда-л. собирать что-л. = PL = IMP

‘Морощка созрела, идите собирать!’

Мы полагаем, что понятия ‘согреться’, ‘свариться’, ‘приготовиться’, ‘созреть’ проявляются

¹МА, 2018–2019 гг.

²МА, 2018–2019 гг.

³МА, 2018–2019 гг.

и в семантике глагольной основы *пунуол-* (3 л. *мэ пунуонь; пунуолэл*) *неперех.* ‘радоваться’. Так, лексема *пунуонь* (форма 3 л. ед. ч. *Пунуол-*) образована от древней глагольной основы *пуну-* (3 л. *мэ пунуй; пунул*) *неперех.* ‘сваренным является’ [Курилов, 2001: 400] при помощи аффикса страдательного залога *-(й)уол-* [Курилов, 2003: 76]. Сравним с глагольной основой *виэ-* (3 л. *мэ виэм; виэл*) *перех.* 1. ‘делать’, ‘сделать’, ‘изготовить’ и *виэйуол-* (3 л. *мэ виэйуонь; виэйуолэл*) ‘быть сделанным, изготовленным’ [Курилов, 2001: 69–70].

Исходя из этого, предполагаем, что слово *пунуол* ‘радоваться’ буквально означает ‘быть теплым’, ‘быть сваренным’ – ‘быть разгоряченным (в переносном значении: проявлением на лице в виде покраснения)’.

7. Пунуол

пуну-ол

быть сваренным - PASS

‘радоваться’, ‘быть разгоряченным’¹.

Следует отметить, что корень *пу(н)-* в значениях ‘согреться’, ‘свариться’, ‘приготовиться’, ‘созреть’ фиксируется в лексеме *пундэ-* (3 л. *мэ пундэм; пундэл*) ‘готовить’, ‘варить’; ‘тренировать тело’ [Курилов, 2001: 39, Nikolaeva, 2006: 371].

Итак, этимон *пу(г)-* содержит понятия ‘наружу’, ‘вовне’, также в лексику с корневым элементом *пу-* включаются слова с омонимичным корнем *пу(г)-* в значениях ‘наружу’, ‘вовне’ ‘потеплеть’, ‘согреться’. Слова с корнем *пу(н)-* имеют смысл ‘наружу’, ‘вовне’, ‘потеплеть’, ‘согреться’, ‘приготовиться’, ‘созреть’. Как видим, выделенные этимоны имеют общую семантику ‘наружу’, ‘вовне’, обусловленную корневым элементом. Сходство значений ‘потеплеть’, ‘согреться’ наблюдаем у корней *пу(г)-*, *пу(н)-*.

В отличие от них, корни *пу(й)-*, *пу(к)-*, краткое этимологическое рассмотрение которых приведено выше, показывают общее сходство значений с приведенным выше этимологом *пу(л)-*.

Нарицательное имя существительное *пуйлэ(н)* ‘старица’, ‘висок’ [Курилов, 2001: 393] довольно непростое по своему строению. Можно полагать, что в компоненте *пуй-* элемент *-уй* близок к глагольной основе *уу-* (3 л. *мэр ууй;*

уул) *неперех.* 1. ‘идти’, ‘ехать’; 2. ‘плыть по течению’, ‘течь’, аффикс *-лэ* нередко встречается как деривативный элемент. Например, существительное *кэрилэ* ‘общее название всех мелких вещей, животных и т.д. (обрезки, щепки, мелюзга)’ [Курилов, 2001: 180] образовано от глагольной основы *кэрилэ-* (3 л. *мэкэрилэй; кэрилэл*) *неперех.* ‘дробиться’, ‘рассыпаться’, ‘распадаться’, где *кэри-* от основы *кэриэ=* (3 л. *мэ кэриэй; кэриэл*) *неперех.* 1. ‘упасть’, 2. ‘спуститься’. Поэтому буквальный перевод *кэрилэ* ‘кусок, обрывок (чего-л.)’ понимается как ‘то, что распалось’.

Напомним, что виски обычно отделяются от основного русла реки, создавая небольшого размера реку, и в другом месте опять входят в основное русло реки. Буквально перевод существительного *пуйлэ* ‘старица’, ‘висок’ (*пу(й)-* + *-лэ* < *пу~(н)у-*) можно было бы передать словами ‘наружу идущее [плывущее] нечто’.

8. Пуйлэ

пуй-лэ

идти наружу-NMZ

‘старица’, ‘наружу идущее [плывущее] нечто’².

Заметим, что в «Историческом словаре юкагиров» у слова *пуйлэ* фиксируется второе толкование: ‘кустарник на низком месте возле реки’ [Николаева, 2006: 367]. Считаем это значение не совсем точным. Но это определение также может указывать на близость этимонов *пу(й)-* и *пу(л)-* в значениях ‘идти наружу’, ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’, ‘произрасти’.

Существует сложное имя существительное *пуйлэданиль* ‘устье старицы, виски’ (ср. ‘устье реки’) [Курилов, 2001: 393]. Данное сложное слово состоит из двух компонентов: *пуйлэ-* ‘виска’, соединительного согласного [д] и *-аниль* 1. ‘устье реки, речки’, 2. ‘выходное отверстие (прорезь, устье) чего-л.’, 3. ‘край (рукава, лицевой части, малахая)’. Дополнительные значения второго компонента *-аниль* < *ана* 1. ‘рот, уста’, 2. ‘пасть’, 3. ‘отверстие, вход, проход’ содержится в слове *аниндунуль* ‘крышка посуды’ [Курилов, 2001: 50], состоящем из компонентов *анин-* < *ана*, соединительного согласного [д], *-тунуль* ‘заплата’ [Курилов, 2001: 475]. Таким образом,

¹МА, 2018–2019 гг.

²МА, 2018–2019 гг.

буквально все образование *пуйлэдангиль* можно перевести как ‘виски наружное [ротовое] отверстие’.

9. *Пуйлэдангиль*

пуй-лэ-д-ангиль

идти наружу-NMZ-E-отверстие

‘устье старицы, виски’, ‘виски наружное [ротовое] отверстие’¹.

Значение ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’ также присутствует в нарицательном имени существительном *пукирийэ* ‘беготня взад-вперед из дому на улицу и обратно’, производном от основы *пукириш-* (3 л. *мэ пукиришим; пукиришл*) *побуд*. ‘заставить выскакивать (выбегать) множество людей’. Также значения ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’ проявляются в глагольной основе *пукирэй-* (3 л. *мэ пукирэйч; пукирэйл*) ‘быстро выскочить из дому’, ‘быстро оказаться на наружной стороне жилища’ [Курилов, 2001: 394].

3) *Пөлчэнмэ тудэ көнмиэдьэн, амаадьэн йонгоньяанулльэнь. [Маранмэ пукирийэк абуолнунул].*

пөлчэнмэ тудэ көнмиэ-дьэн амаа-дьэн йонгоньяа-нул-льэ-нь

внезапно она муж-COM, отец-COM рассердиться-HAB-EVID-INTR:3Sg

‘Внезапно и на мужа, и на отца начинала сердиться’.

Маранмэ пукирийэк абуолнунул.

маранмэ пукирийэ-к

просто беготня

абуол-нун-ул

Просто беготня взад-вперед (из дома на улицу и обратно)=FOC стоять-HAB-TR:3Sg

‘Стояла сплошная беготня взад-вперед (из дома на улицу и обратно)’ [Курилов, 2001: 393].

Лексическую единицу *пукирийэ~пукирэйэ* можно истолковать как ‘метель (средней мощности)’, ‘снег в начале надвигающейся пурги’. Данное слово образовано при помощи часто употребительного деривативного аффикса *-йэ* от глагольной основы *пукирэ-* (3 л. *мэ пукирэйч; пукирэйл*) *неперех*. 1. ‘мести, развеивать’; 2. ‘сыпать, падать’.

4) *Эримэ мэ пукирэй, илийэги мэ вэрвиэльэнь.*

эримэ мэ пукирэ-й илийэ-ги мэ вэрвэ-льэ-нь снег FOC мести-INTR:3Sg ветер-POSS FOC

быть сильным-EVID-INTR:3Sg

‘Снег метет, значит, ветер сильный’. [Курилов, 2001: 393].

Таким образом, буквальный перевод лексемы *пукирийэ~пукирэйэ* ‘метель (средней мощности)’, ‘снег в начале надвигающейся пурги’ можно обозначить как ‘нечто [наружное] метенное, развеянное’.

10. *Пукирийэ*

пукири-йэ

Мести-NMZ

‘метель (средней мощности)’, ‘нечто [наружное] метенное, развеянное’².

Обсуждение и заключение. В тундренном диалекте юкагирского языка выявлен ряд лексических единиц с корневым элементом *пу-* в этимонах *пу(л)-*, *пу(дэ)-*, *пу(з)-*, *пу(н)-*, *пу(й)-*, *пу(к)-*, содержащих понятия ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’, ‘произрасти’, ‘появиться’, ‘находиться вне [некоего пространства]’, ‘потеплеть’, ‘согреться’, ‘приготовиться’, ‘созреть’.

Так, этимон *пу(л)-* имеет значения ‘вовне’, ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’, ‘произрасти’. Термин родства и свойства *пулийэ* ‘зять’ (муж старшей сестры, муж младшей сестры отца) этимологически определяется как ‘выходящий человек (тот, за которого выходят)’. Этимология нарицательного имени существительного *пулгидьилэ* ‘растение’, ‘цветок’ указывает на значения ‘то, что выходит, произрастает наружу неоднократно (из-под земли)’; ‘то, что высунуто’.

Выявлено сходство семантики этимона *пу(л)-* ‘вовне’, ‘выйти наружу’, ‘вывести наружу’ с древним корнем *пу(дэ)=*, передающим значение ‘находиться вне [некоего пространства]’, например, *жилья*. Анализ лексем с этимоном *пу(дэ)-* показал, что сложное слово *пудэрукун* ‘наружная сторона (то, что находится вне жилища)’ буквально означает: ‘все наружное, находящееся вне дома’; сложное существительное *пудинимэ* 1. ‘соседний дом’, 2. ‘сосед’, буквально переводится: ‘жилище, находящееся за пределами жилища (говорящего)’.

Этимологический разбор лексем с этимоном *пу(з)-* определил у существительного *пугил* ‘лист (тальника)’ этимологическое значение

¹МА, 2018–2019 гг.

²МА, 2018–2019 гг.

‘наружу выходящее (произрастающее) нечто’; буквально: ‘то, что произошло [произвелось]’. Из этого следует, что этимон *пу(г)*- содержит понятия ‘вовне’, ‘наружу’, также в лексике с этимоном *пу(г)*- имеются омонимичные слова с корнем, содержащим значения ‘потеплеть’, ‘согреться’. Например, нарицательное существительное *пугучэ* ‘шерсть’ буквально переводится как ‘наружное теплое нечто’. Последние значения обнаруживаются в словах с корнем *пу(н)*-, в глагольных основах *пунизэ* ‘свариться (о еде)’, ‘созреть, поспеть’; *пунуол* ‘радоваться’, в которых также заключены значения ‘вовне’, ‘наружу’ и ‘приготовиться’, ‘созреть’.

Мы полагаем, что понятия ‘потеплеть’, ‘согреться’, ‘свариться’, ‘приготовиться’, ‘созреть’ в семантике основы *пунуол*- ‘радоваться’ этимологически сходны с понятиями ‘быть утепленным’, ‘быть сваренным’, в переносном значении – ‘быть разгоряченным (с проявлением на лице в виде покраснения)’.

Среди слов с этимоном *пу(й)*- – существительное *пуйлэ* ‘старлица’, ‘висок’ буквально переводится как ‘наружу идущее нечто’; сложное имя существительное *пуйлэданиль* ‘устье старицы, виски’ буквально определяется как: ‘виски наружное [ротовое] отверстие (полость)’. Лексема с этимоном *пу(к)*- – существительное *пукирийэ~пукирейэ* 1. ‘беготня взад-вперед из дому на улицу и обратно’; 2. ‘метель (снег в начале надвигающейся пурги), ‘метель (средней мощности)’, буквальное значение: ‘нечто [наружное] метенное, развеянное’. Таким образом, отмечается сходство общей семантики этимонов *пул*-, *пу(й)*-, *пу(к)*-.

На основе выведенных значений заключаем, что корневой элемент *пу*- указывает на нахождение за пределами внутренней части предмета [в широком понимании этого слова], обозначает внешнее определение.

Относительно проведенного этимологического анализа считаем, что в дальнейшем полученные выводы, изложенные в этой статье, привнесут новую необходимую информацию для изучения лексики и этимологии, морфологии юкагирского языка и сравнительных, генетических исследований в языкознании, а также культурологических и этнографических исследований.

Условные сокращения:

COM – комитатив, E – соединительный согласный, EVID – очевидное наклонение, FOC – фокус, HAB – вид обычного действия, IMP – повелительное наклонение, INFX – инфикс, INTR – непереходный глагол, 3 – 3 лицо, NMZ – nominalizer / имяобразующий аффикс, PASS – страдательный залог, PL – множественное число, POSS – притяжательный аффикс, Sg – единственное число, TR – переходный глагол, VN – имя действия.

Список литературы:

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005б. 272 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы // Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 5. Новосибирск: Наука, 2005а. 680 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 288 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка: Развитие лексики и роль в нем якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.

Курилов Г.Н. О терминах родства и свойства тундренных юкагиров // Советская этнография. 1969. № 2. С. 92-96.

Курилов Г.Н. Термины родства, отражающие древнюю культуру тундренных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. № 2. С. 218-222.

Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.

Словари:

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (Верхнеколымский диалект). СПб., 2002. 224 с.

Nikolaeva I.A. A historical dictionary of Yukaghir (Trends in linguistics. Documentation). Walter de Gruyter, 2006. 513 p.

References:

- Iohel'son V.I. Jukagiry i jukagirizirovannye tungusy [Yukagirs and yukagirized tunguses]. *Pamjatniki jetnicheskoj kul'tury korenyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of ethnic culture of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East]. Volume V. Novosibirsk: Science Publ., 2005a. 680 p. (In Russian)
- Iohel'son V.I. *Materialy po izucheniju jukagirskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Yukagir language and folklore, collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005b. 272 p. (In Russian)
- Krejnovich E.A. *Jukagirskij jazyk* [Yukagir language]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958. 288 p. (In Russian)
- Kurilov G. N. *Leksikologija sovremennogo jukagirskogo jazyka: Razvitie leksiki i rol' v nem jakutskogo jazyka* [Lexicology of the modern Yukagir language: Development of vocabulary and the role of the Yakut language in it]. Novosibirsk: Science Publ., 2003. 288 p. (In Russian)
- Kurilov G. N. O terminah rodstva i svojstva tundrennyh jukagirov [On the terms of kinship and properties of the tundra Yukagirs]. *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography]. 1969. № 2. Pp. 92-96. (In Russian)
- Kurilov G.N. *Jukagirsko-russkij slovar'* [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 608 p. (In Russian)
- Kurilov G.N. Terminy rodstva, otrazhajushhie drevnju kul'turu tundrennyh jukagirov [Kinship terms reflecting the ancient culture of the tundra Yukagirs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. Tambov: Letter of Publ., 2019. № 2. Pp. 218-222. (In Russian)
- Nikolaeva I.A. *Istoricheskij slovar' jukagirskogo jazyka (Napravlenija jazykoznanija. Dokumentacija)* [A historical dictionary of Yukagir (Trends in linguistics. Documentation)]. Walter de Gruyter, 2006. 513 p. (In English)
- Nikolaeva I.A., Shalugin V.G. *Slovar' jukagirsko-russkij i russko-jukagirskij (Verhnekolymskij dialekt)* [Dictionary Yukagir-Russian and Russian-Yukagir (Verkhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg, 2002. 224 p. (In Russian)
- Prokop'eva P.E. *Otrazhenie mifologicheskogo myshlenija v jukagirskom fol'klоре* [Reflection of mythological thinking in Yukagir folklore]. Novosibirsk: Science Publ., 2009. 143 p. (In Russian)

G. N. Kurilov

Semantics of the Root Element *pu-* in the Tundra Dialect of the Yukagir Language

The study of the tokens origin of the Yukagir language was conducted for the first time in the aspect of the systematic study of etymology. The article describes the analysis of the etymons *pu (l)-*, *pu (de)-*, *pu (g)-*, *pu (h)-*, *pu (y)-*, *pu (k)-* of a number of words in the Tundra dialect of the Yukagir language.

The aim of the article is to identify the semantics of lexical units with the root element *pu=* in the Tundra dialect of the Yukagir language.

The materials for the research were the “Yukagir-Russian Dictionary”, “Yukagir-Russian and Russian-Yukagir Dictionary” and the author's information. The methods covered structural-morphological, word-formation analysis: identification of roots and derivatives; comparative study of lexemes in the tundra and forest dialects of the Yukagir language; semantisation of etymon, derivational elements, clarification of semantic and grammatical meanings. The element *pu-* etymons *pu (l)-*, *pu (de)-*, *pu (g)-*, *pu (h)-*, *pu (y)-*, *pu (k)-* in lexemes was semanticized: the term of the property *pulilie* ‘son-in-law (husband of elder sister, husband of father's younger sister)’, *pulgidyle* ‘plant’, *pudinime* ‘next house’, *pugil* ‘leaf (willow)’, *puhie-* ‘to cook (about food)’, ‘mature, ripen’, *puile* ‘old woman’, ‘temple’, *pukiriyye* ‘running back and forth from home to street and back’, etc. The conclusions of the study and new information about the development of the material and spiritual culture of the Yukagirs determined the relevance of semantic, comparative and genetic studies of the Yukagir language.

Keywords: root element, ancient root, etymon, semantics, kinship terms and properties, Tundra dialect of the Yukagir language

Е.Р. Николаев

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.010

УДК 811.512.157'37

Лексико-семантические особенности наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке

Рассматриваются структура и семантика наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке в сравнении с тюркскими и монгольскими языками.

Цель статьи – выявление и описание лексико-семантических особенностей якутских наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в сравнительно-сопоставительном аспекте с тюркскими и монгольскими языками.

Исследование ведется на основе сравнительно-сопоставительного, структурно-семантического анализа. Источниками статьи послужили толковые, диалектологические словари, этнографические и фольклорные материалы.

Определено, что наименования якутской кумысной кожаной посуды (сосудов) имеют как тюркские, так и монгольские параллели. Выявлены лексико-семантические параллели общеякутского слова *көбүөр* в алтайском, хакасском, тувинском, киргизском, бурятском, калмыкском, ойрат-синьцзянском, халха-монгольском языках. Установлены принципы и мотивы номинации, характерные для данной микрогруппы наименований: по материалу посуды (сосуда), функциям, цвету, внешней форме. Прозрачность номинаций кожаной посуды (сосудов) – из кожи крупного рогатого скота и конской (кобыльей) кожи – репрезентирует взаимовлияние тюркской оседлой скотоводческой и монгольской кочевой коневодческой культур. Отсутствие диалектных синонимов предполагает единство лексики на обширной территории Якутии, используемой в быту и в едином ритуально-обрядовом комплексе. Единственный диалектный синоним *бүтэй бөлүүр* имеет монгольское происхождение. Исконно якутское происхождение имеет *симиир*. Данная микрогруппа бытовой лексики свидетельствует о тюрко-монгольских истоках и самостоятельном развитии наименований комплекса кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке.

Ключевые слова: якутский язык, диалектология, диалектизм, кумысная посуда (сосуды), семантика, тюркские языки, монгольские языки

Введение. Представление об общей картине материальной и духовной культуры народа дает бытовая лексика, ее изучение в диахронии и синхронии может помочь восполнить систему знаний о формировании, развитии культурно-исторического процесса. Языковые обозначения предметов и явлений повседневной жизни человека одновременно являются и маркерами сохранности традиционной культуры, и самой уязвимой областью, т.к. подвержены социально-экономическим, культурным изменениям. Языковые факты быта человека формируются в виде категорий – тематических групп, например, одежда, обувь, пища, посуда и утварь, профессиональные инструменты и т.д. Эти пласты лексики могут находиться в активной лексике и функционировать только в условиях развитого традиционного хозяйства (скотоводство, коне-

водство, охота, рыболовство, земледелие и т.д.). На данный момент нет достаточных исследований по таксономической интерпретации предметно-бытовой лексики якутского языка, так как существующие работы посвящены анализу отдельных лексико-семантических (тематических) групп по родовидовому признаку. В сравнительно-сопоставительном плане систематизацию исконной и заимствованной лексики по темам в свое время провел Н.К. Антонов [Антонов, 1971]. Тематическая категоризация и интерпретация была продолжена во многих исследованиях якутских лексикологов, например, Л.М. Готовцевой (лексика традиционной одежды саха – восемь субкластеров: общие наименования одежды; названия верхней и нательной одежды; лексика головных уборов, обуви, рукавиц; детали одежды и т.д.) [Готовцева, 2016],

В.Г. Попова (виды наступательного холодного оружия) [Попов, 2019], А.С. Акимовой (термины традиционных женских ювелирных украшений) [Акимова, 2015] и др. Разделение диалектной лексики якутского языка по тематическим группам присутствует в трудах Е.И. Коркиной (природные явления, ландшафт; почва, растительность; жилище, хозяйственные постройки, инвентарь, орудия; домашнее животноводство; звери, охота; рыбы, рыболовство; птицы, насекомые; человек, одежда, пища, посуда, болезни; непереносимая лексика и т.д.) [Коркина, 1992], С.А. Иванова (небо, небесные тела; атмосферные явления; жилище и другие постройки; дикие животные и т.д.) [Иванов, 2017] и др.

Одни из первых заметок о якутской кожаной посуде (сосудах) мы находим в экспедиционных материалах А.Ф. Миддендорфа: *simiir* – мешок для масла, сшивается из полудубленных копченых кож; *sirihit* – такой чан содержит около 350 литров, он гораздо больше упомянутого прежде *kjöguörün* и украшен нарисованными да вышитыми фигурками [Миддендорф, 1878: 777, 801]; Я.И. Линденау: *kögör* – делается из кожи быка; *simir* – маленький сосуд из кожи, употребляют их только во время путешествий, чтобы держать в них кумыс или *umdan* (ымдаан); *Tschabetschach* – сосуд из кожи или бересты, имеет наверху ручку [Линденау, 1983: 29, 30]; из материалов Сибиряковской экспедиции 1894–1896 гг. была опубликована работа В.В. Ливадина о кожевенном производстве якутов, где достаточно подробно описываются особенности кожаной посуды и утвари, способы изготовления кожи. Отмечено, что *сири исит* выделяется из коровьей (бычьей) кожи, без паховой части. Из них шьют посуду, называемую «симиир» (кожаная дорожная посуда, сшитая из *сири*, для хранения жидкостей (молока, кумыса) [Ливадин, 1927: 31]; в этнографическом обзоре В.Л. Серошевского «Якуты» автор кратко описал технологию выделки коровьей и кобыльей кожи, из которой делают *сими*, *симирах*, *холлогос*, *сими исит*, *турсук* [Серошевский, 1993: 359]; антрополог В.И. Иохельсон подробно описал праздник *ысыах*, ритуал кумысопития, кумысную посуду, в том числе и кожаные сосуды [Иохельсон, 2015]; этнограф А.А. Саввин: «Почти вся кумысная посуда делалась из непромокаемой кожи “сири”. Из нее шили большие чаны “сири

холлогос”, бурдюки для приготовления и перевозки кумыса выюком – “көбүөр” или “сими”, небольшие бурдючки – “симирах”, плоские чаши – чабычах, подойники и пр. Обилие кожаной посуды для кумыса указывает на то, что значительная часть якутов, разводивших конный скот, были раньше настоящими кочевниками» [Саввин, 1948: 135]; И.В. Константинов на материале погребений сделал вывод, что «выделка кож тоже была женским и старческим рукоделием» [Константинов, 1971: 108]; фольклорист И.А. Худяков отметил, что: «*сири ыабас* – кожаный жбан из бычьей шкуры» [Худяков, 1971: 255].

В данной статье мы попытаемся выявить общие и особенные черты семантики и структуры наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке и провести лексико-семантические параллели с тюркскими и монгольскими языками для представления общих истоков и обособленного развития кумысной посуды в якутской этнокультуре. Также будут определены принципы номинации, общек якутские и диалектные признаки.

Материалы и методы. Исследование осуществлено при помощи метода сплошной выборки лексем по выбранной тематике из лексикографических источников; структурно-семантического анализа – при исследовании структуры и семантики лексических единиц; метода лингвистического описания в сочетании с дефиниционным анализом для выявления дополнительного значения слова; сравнительно-сопоставительного анализа – для определения семантики и выявления синонимического ряда лексического материала.

Основными источниками для данной работы послужили диалектологические, толковые словари якутского, алтайского, хакасского, тувинского, бурятского, киргизского, калмыцкого и др. языков.

Результаты. Термин *посуда* в якутском языке является родовой семей достаточно большой группы лексических единиц, обозначающих предметы быта, использующихся в домашней обстановке, в церемонии, ритуале: *uhum* ‘посуда (общее название хозяйственной утвари для еды, питья, хранения припасов); общее название предметов, предназначенных для хранения и транспортировки чего-л., тара (напр., ящик,

мешок, бочка и т.п.)' [ТСЯЯ, 2006: 770–771]. *Ih̄um* восходит к древнетюркскому *идиш/idiš* 'сосуд; чаша; тара; хозяйственная утварь' [ДТС, 1969: 203; Севортян, 1974: 328–329]. В значении 'посуда' присутствует в тур. диал., кирг., ккал., узб., хак. языках [Севортян, 1974: 329], а в значении 'кожаное ведро для молока' сохранилось в саг., койб., кач., кирг., казах. языках и диалектах [ДТС, 1969: 329].

В якутском языке существуют разновидности посуды, которые группируются в зависимости от предназначения: *аһыыр иһит* 'посуда для еды (чашки, тарелки и т.п.)'; *балык иһитэ* 'посуда для рыбы'; *дьиэ иһитэ* 'посуда, предназначенная в приданое дочери'; *иистэнэр иһит* 'шкатулка для хранения швейных принадлежностей' и т.д. [ТСЯЯ, 2006: 771–772] Данная категоризация может быть разноплановой в зависимости от функциональных особенностей и материала посуды: берестяная, деревянная, металлическая и т.д.

Традиционная кожаная посуда (сосуды) якутов используется преимущественно для приготовления и (или) хранения кумыса из кобыльего молока. *Кымыс иһитэ* 'кумысная посуда (кумысная утварь)' – это общее название посуды для приготовления, хранения, питья кумыса (напр., *матаарчах*, *симиир*, *ыаҕас*, *чороон* и т.д.) [ТСЯЯ, 2006: 772]. Иногда её обозначают как *сылгы иһитэ*, букв. 'конская утварь (посуда)' [ТСЯЯ, 2006: 773]. Якуты из кожи изготавливали не только кумысную посуду, но и различные ёмкости, используемые для приготовления, хранения и перевозки продуктов питания: *дьээтти* 'особый вид кожаной ступки, предназначенной для переработки сардаа в муку', *хаа*, *марба* 'кожаная сума для хранения и перевозки продуктов питания', *сылгы хаа* 'большая сума из мятой конской шкуры шерстью наружу', *ынах хаа* 'сума из шкуры рогатого скота шерстью наружу', *хааһах* 'небольшая кожаная сума, служит для перевозки и хранения мерзлой и сушеной рыбы, корней, мерзлого хайаха, масла, мяса и т.д.', *халаабыс*, *матаҕа* 'кошелек или кожаная сумка, сделанная из мошонки порося' [Саввин, 2005: 237–238].

Далее рассмотрим наименования кумысной кожаной посуды на материале лексикографических и фольклорных источников, а также этнографических исследований.

Сири иһит, устар. 'сшитый из особо выделанной бычьей кожи большой сосуд (наподобие бочки) для хранения кумыса (вмещающий около тридцати ведер)' [ТСЯЯ, 2006: 773]. *Сири* – это особенным образом выделанная непромокаемая бычья кожа, из которой шьют кожаный мешки (напр. *симиир* и проч.); кожаная бадья, кожаный жбан, турсук. По сути, *сири иһит* это общее название кожаных сосудов, который указывает на материал, из которого они изготовлены: *сири чабычах* 'кожаное лукошко', *сири ыаҕас*, *ынах сири ыаҕас* 'сосуд до 10 вершков вышины для пресного молока'. Иногда *сири* присутствует в составе названий кожаной одежды: *сири сыалдьа* 'натазники из коровьей кожи', *сири саары* 'коневья юфть, выделанная так, как выделывают сири', *сири сарыы*, *сарыы* 'почерненная лосиная кожа' [Пекарский, 1959: 2243–2244]. Так как *кымыс* – это божественный напиток, соответственно в некоторых говорах якутского языка сохранилось эвфемистическое обозначение *сири иһит*: *хоруолаах* 'кожаный турсук (у вилюйских якутов вместо *сири иһит*)' [Пекарский, 1959: 3516]. Данное наименование указывает на внешний облик, цвет посуды, который образуется вследствие выделки кожи и очернения, чтобы он был более прочным и не пропускал жидкость. Считается, что «источником тюркских слов, явно имеющих региональный характер, является монгольский язык: ср. п.-монг. *siri(n)* 'кожа, сыромять', халх. *šir* 'кожа, шкура' (крупного рогатого скота, сыромять)' [Сравнительно-историческая грамматика..., 2001: 386], *сири* 'непромокаемая бычья кожа, из которой шьют мешки' [Рассадин, 1980: 70]. Тут необходимо упомянуть, что ранее в якутской ремесленной традиции существовали табу, что также подчеркивает особое значение кумысной посуды и утвари в якутской культуре: «... сосуд из кожи шьет мужчина. Женщина не должна шить *сири иһит*, это грех. Женщина, которая шьет *сири иһит*, впоследствии может не иметь детей. Ниткой служат только сухожилия задней ноги крупного рогатого скота. Сухожилия из брюшной части не подходят: он растягивается и не держит жидкость» [Федоров, 2011: 161].

Көбүөр, *көбүөр иһит*, устар., 'в старину: большой кожаный мех (сосуд) с широким основанием, узким горлом, служивший для закваски и хранения кумыса' [БТСЯЯ, 2007: 219; ТСЯЯ,

2006: 772]; *көбүүр симиир* ‘большой кожаный мех или чан для хранения жидкостей (он меньше, чем *сири иһит*)’; *симэхтээх көбүүр*, *симэхтээх симиир* ‘кожаный мех из конской кожи, в котором готовят кумыс; кумысный жбан из кожи, держаной в крови; кожаная посуда для приготовления кумыса’ [Пекарский, 1959: 1125].

В фольклорных произведениях *көбүүр иһит* иногда называют *көйүүр (көбүүр) айах* [Ядрихинская, 1981: 197]. Данная номинация раскрывается в другой синонимичной номинации *көбүүр – көйөргө иһит*, *көгүүр*: «... из кожи теленка. Похож как на маленький, так и на большой мешок. Горлышко связывают туго веревкой. Прикрепляют к колышку и носят как рюкзак. Он для *ымдаана*, *суората*, *кумыса*, ставят в прохладное место. Время от времени выворачивают, моют, высушивают. Он напоминает походную флягу» [Багдарыын Сүлбэ, 2013: 275].

Симиир иһит, устар. ‘суживающийся кверху высокий кожаный сосуд для приготовления и хранения кумыса’ [ТСЯЯ, 2006: 773]. *Симиир* является сложным сосудом, который состоит из *көңкөлөй (хабарба, күөмэй, моой)* ‘воронка’, *тылбыы* ‘зажим (две деревянные палки, зажимающие два предмета или две стороны предмета)’, *бисийэйх (хамнатар)* ‘деревянная мутовка’. Вмещает ‘почти один анкер (2,7 ведра); старинный кожаный кумысный мешок из черной, особенным родом выделанной кобыльей кожи, бурдюк, плоский, призматический, суживающийся кверху и оканчивающийся совсем узким горлышком: точь в точь такие же, только поменьше размером, мешки употребляются якутами летом для перевозки выюками жидкостей, молока, сору (суорат), сливок, масла, даже водки; кожаная посуда вроде большого мешка для хранения и перевозки во время путешествия кумыса, масла и простокваши; мешок из пузыря, в котором летом возят молоко или сору (суорат)’ [Пекарский, 1959: 2227–2228]. *Симиир* как сакральный сосуд или вместилище для ритуального напитка кумыс, особым образом украшается, тем самым чаще называется *симэхтээх симиир*, букв. ‘симиир с украшением’.

Симиирчэх, симиирчэх, симииччэх, симиирчэхээн, симииччэхээн, устар. ‘кожаный сосуд для хранения кумыса (маленького размера)’ [БТСЯЯ, 2011: 401]. Диминутивный аффикс *-хаан (-хээн)* указывает на меньший размер со-

суда, чем обычный *симиир*. Омертвелый (непродуктивный) аффикс *-чах (-чэх)*, образующий имена существительные, по Ст. Калужинскому, считается монгольским [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982: 124].

Симиирчэх, в отличие от *симиир*, вероятно, в силу небольшого размера, впоследствии стал использоваться как *симиирчэхтээх арыгы* ‘мех с вином (кожаный) жбан водки, водка в жбан’ [Пекарский, 1959: 2228].

Таһыар (тойон) көбүүр, таһыар ‘большой кумысный мех (сосуд)’ [БТСЯЯ, 2007: 219], ‘большой кумысный мех’ [Пекарский, 1959: 2597]. В диалектной лексике данный термин имеет несколько другое значение: в вилюйских говорах *тоһуор көбүүр-таһыар көбүүр, кыра симиир* ‘маленький симиир’ [Кулаковский, 2017: 142]. Есть мнение, что «в названиях *тоһуор* и *таһыар* отчетливо звучат хакасский *тозор* и алтайский *тажуур*. Эта параллель лишняя раз подтверждает, что, возможно, якутский *көбүүр* в прошлом употреблялся для перевозки кумыса» [Зыков, 1984: 90]. Также данное слово присутствует в киргизском языке: *тажоор* ‘кожаный сосуд для хранения водки’ [КРС, 1985: 189]. Возможно, *таһыар* отчасти образован от глагола *тас-* ‘перемещать’ по подобию *көбүүр*. Но определенные сомнения в правильности этой версии вызывает лексема *тойон*, которая указывает на то, что кумысный мех имел большой, крупный размер (объем). Стоит отметить, что в эпосе олонхо упоминается *таһыар көбүүр* или просто *көбүүр* в составе постоянного эпитета духа земли *Аан Алахчын*: «*Көңүл санаалаах, Көрсүө мэйишлээх, Көнө сүрэхтээх, Көбүүр-таһыар курдук Балым-салым эмийдээх, Байбара-мабан санныгар Бэдэр бэрдэ сабынньабын Бэлтэгэйдии ууран Кэттэ кэппитинэн Кэлбит (...) Аан Алахчын, Манган Манхалыын – Прямодушная, чей кроток нрав, чья мысль, как мир широка, чьи щедрые грудные соски, как кумысные кожаные мешки (...) прославленная хотун Аан Алахчын, Манган Манхалыын*» [Ойуунускай, 2003: 23; Ойунский, 2007: 21].

По предназначению *көбүүр* и *симиир* имеют общий семантический знаменатель – *кумыс*, но вопрос заключается не только в отличии наименований. Более чем вероятно, что внутренняя форма лексем раскрывается в утилитарном предназначении кумысной посуды *көбүүр* или *көйүүр, көйөргө иһит*, т.е. само название прямо

подразумевает процесс брожения кумыса. В словаре Э.К. Пекарского зафиксированы разные вариации лексемы, обозначающие брожение кумыса, раскрывающие семантику *көбүөр*: *көйнөр*, *көөйнөр*, *көнөөр*, *көөннөөр*, *көйнөөр*, *көөйнөөр*, *көөјөр* ‘приводить в брожение, заквашивать; заваривать’; *көйнөрү көйөргө кымыс* ‘перебродивший кумыс’; *көйнөрүүлээх кымыс* ‘выбродивший кумыс’; *көйнүү*, *көөйнү-көөннүү* (-кымыс) ‘крепкий кумыс’; *көйөлгө-көйөргө-көјөргө*, *көйүргө* ‘кумыс’; *хойуу көйөргө* ‘густая кумысная закваска’; *көйөргөлөөх хойуу* ‘забористая, крепкая закваска’; *көйөргөн-көйүргөн* ‘закваска’, ‘кумыс’: *көјүү көйөргөннөрүнэн көхсүлэрин онгороннор-отстоянным кумысом утоляя жажду, они...*; *көјүү* ‘заквашенный’, *көјүү кымыс* ‘крепкий кумыс, отстоянный кумыс’ [Пекарский, 1959: 1130, 1131].

В системе наименований традиционной посуды в якутском языке также присутствует диалектное слово, некогда использовавшееся в сунтарском говоре: *бүтэй бөлүүр*, *бөлүүр* ‘кумыс тирии иһитэ, көбүөр – кумысный мех’ [ДСЯЯ, 1976: 75, 68]; устар. ‘старинное название кожаного меха для хранения кумыса и молока’; *кэлин бүтэй бөлүүрү көбүөр, симишр, сири иһит диэн уларытан ааттаан испиттэр – позднее бүтэй бөлүүр был постепенно заменен на көбүөр, симишр, сири иһит* [ТСЯЯ, 2005: 453]. Наименование может иметь двоякий смысл: букв. обозначает наглухо закрытый, с крышкой или указывает на цельность кожи, из которого изготовлен сосуд. Диалектное слово вилюйского говора *билиэр*, который восходит к п.-монг. *bylegyr*, *byligyr* ‘мутовка’ является синонимом к якут. *хамнатар* ‘кумысная мутовка’ [ДСЯЯ, 1976: 62]. Существуют также и иные вариации *билиэр*: *бэлиэр*, *билишр* [Багдарыын Сүлбэ, 2013: 275]. Для верификации факта монгольского происхождения приведем некоторые примеры: *бүлүүр*, бур.-монг. ‘деревянная мешалка для пахтанья масла’; *бүлэхэ* ‘сбивать (масло, курунгу)’; *тоһо бүлэхэ* ‘сбивать масло’ [БМРС, 1951: 135]; *бүлүүр*, монг. ‘мутовка, пахтальная мутовка, мешалка (для взбивания кобыльего молока при приготовлении кумыса или масла)’ [БАМРС, 2001: 445]; *бүлэх* ‘мешать, болтать, пахтать, взбалтывать, взбивать, сбивать, сепарировать (напр. кумыс, масло)’; *тараг бүлэх* ‘мешать, взбалтывать простоквашу’; *тос бүлэх* ‘пахтать

масло’ [БАМРС, 2001: 446]; *бүлүүр*, монг. ‘мутовка, деревянная мешалка для пахтанья масла’; *бүлэх айраг* ‘сбивать кумыс’ [Кручкин, 2013: 64, 65]; *булһһн* [булелһен], калм. ‘сбивание, помешивание (мутовкой)’; *бүлүүр* ‘мутовка, мешалка (для пахтанья масла)’; *чигэнэ бүлүүр* ‘кумысная мутовка’ [КРС, 1977: 126, 127]; *büli-*, халх., калм., *бүл-*, бур. *бүлэ-* ‘взбалтывать, сбивать (масло); накачивать (воду)’; ср. эвенк. *булэвүн* ‘мутовка’ [Санжеев, Орловская и др., 2015: 123]. Данный переход в пассивную лексику может свидетельствовать не только о монгольских корнях кумысной посуды, но и об адстратном характере данной лексемы.

Как отмечают этнографы, «кожаная посуда якутов по своей функции и форме практически идентична с предельно легкой и мобильной кожаной посудой номадов Южной Сибири и Центральной Азии» [Петрова, 2015: 108]. Соответственно, в наименованиях кумысной посуды и утвари мы можем провести лексические параллели с тюркскими и монгольскими языками.

В тюркских языках (кирг., каз., ккал., ккал. диал., тат.диал., башк.диал., узб.диал., алт.) общее название посуды *саба*, *хаба* обозначает также и некоторые кожаные сосуды: ‘большой кожаный (из конской кожи) мешок/бурдюк, в котором готовят и хранят кумыс’, кирг. ‘бурдюк (большая из четырех кож сшитая посуда, в которой делается и хранится кумыс)’, башк. ‘кожаный сосуд с узким горлышком, сделанный из шкуры животного’, казан. ‘кожаный турсук’; алт. ‘берестяная посуда, туя’, чув. диал. *бурак*, ‘большой туес или берестяная кубышка’ [Севортян, 2003: 134]. Можно допустить, что общетюркский термин *саба* ‘посуда’ сохранился в якутском языке в значении кумысной посуды *сабарай* ‘берестяная плоская посуда большой емкости для хранения кумыса или разрубленного мяса’ [БТСЯЯ, 2011: 115].

Общеизвестно, что, по В.И. Рассадину, *көбүөр* ‘большой бурдюк из кожи для хранения жидкостей’ считается монголизмом в тюркских языках [Рассадин, 1980: 69]. Приведем лексические параллели к якутскому *көбүөр* в тюркских и монгольских языках.

В хакасском языке *күгәр* ‘кожаный турсук’ [Рассадин, 1980: 34]. *Тозор*, фольк. ‘кожаный сосуд (для вина)’ [ХРС, 2006: 640].

В киргизском языке *көөкөр* ‘бурдючок (с горлышком для кумыса из тиснёной верблюжьей

кожи; по форме напоминает плоский графин) [КРС, 1985: 425]. У киргизов есть кожаный сосуд (фляга) *көдкөр*, где держали кумыс, и в ней перевозили кумыс при переезде на другое пастбище [Айтбаев, Иванов, 1968: 124].

В алтайском языке *көкүр* ‘мешок (для молочных продуктов)’ [АРС, 2018: 371]; якут. *тоһуор көбүөр-таһыар көбүөр* имеет тождественное по семантике и звучанию алт. *тажуур* ‘кожаный сосуд’ [АРС, 2018: 638] от *тажы* ‘таскать (с собой), перетаскивать’ [АРС, 2018: 639]. В хакасском языке также присутствует схожая лексема: *тазор* ‘бурдюк, кожаный мешок (для жидкости)’, *nir тазор хымыс* ‘один бурдюк кумыса’ [ХРС, 2006: 574]; *тозор*, фольк. ‘кожаный сосуд (для вина)’ [ХРС, 2006: 640].

В тувинском языке *көгээр* ‘большая кожаная фляга (для кумыса или араки)’, *көгээржик* ‘кожаная фляжка (для кумыса или араки)’ [ТРС, 2008: 181].

В бурятском, монгольском языках *хүхүүр* ‘бурдюк, мешок из шкур’ [БМРС, 1951: 619]; бурдюки для кумыса (ср.: х.-монг. *хөхүүр*; бур. *хүхүүр*; калм. *көкүр*) шились из копченых шкур лошадей или рогатого скота; *хүхүүр* ‘высокий кожаный сосуд для хранения кислого молока’ [Бальжинимаева, 2018: 113].

В ойрат-синьцзянском языке *көкүүр* ‘бурдюк, сосуд из кожи крупных животных (для хранения водки, кумыса)’, *саба* ‘посуда, сосуд’ [Тодаева, 2001: 206, 282].

В калмыкском языке *күр*, *күүр* ‘кожаный сосуд для жидкости’ [Бальжинимаева, 2018: 113].

Көкүр ‘бурдюк (из шкуры крупного рогатого скота)’, *ээргин (чигэнэ) көкүр* ‘бурдюк для кумыса’ [КРС, 1977: 313].

Считается, что основой всех этих монголизмов является глагол *көке* ‘сосать’ [Татаринцев, 2004: 226]. В терминах *көбүөр* ‘кумысный сосуд’, *көбүөр ойуу* ‘лировидный орнамент’ и в диалектном архаизме сунтарского говора *көһүүр* ‘один из видов якутского узора’ [ДСЯС, 1995: 89], *көһүүр ойуу* ‘лировидный орнамент’ [Носов, 1948: 110] мы видим колебание в употреблении интервокального *ɣ=h*, как в основе «*табаар-таһаар* ‘вытаскивать; поднимать вверх» [ДАЯЯ, 2004: 22]. Диалектолог С.А. Иванов определил, что «весь западный диалектный массив характеризуется употреблением глагола *таһаар*-, а северо-восточный – преимущественно *табаар*-, но ареал значительно разрушен проникновением литературного *таһаар*» [ДАЯЯ, 2010: 73]. На основе этого можно допустить, что алтайский *тажуур* может соответствовать якутскому *таһыар/тоһуор*. Т. е. мы видим в диалектных наименованиях *көбүөр* не только классический пример акающего и окающего говоров, но и следы языкового и культурного симбиоза тюрко-монгольского традиционного быта.

Проведенный анализ кратко можно представить в таблице.

Обсуждение и заключение. В ходе исследования было установлено, что наименования якутской кумысной кожаной посуды (сосудов) имеют лексические параллели как в тюркских

Таблица

Тюрко-монгольские наименования кумысной кожаной посуды (сосудов)

тюркские языки					монгольские языки			
якут.	алт.	хакас.	тув.	кирг.	бур.	калм.	ойр.-синьз.	х.-монг.
<i>таһыар көбүөр, тоһуор көбүөр</i>	<i>тазор тажуур</i>	<i>тазор тозор</i>	-	<i>тажоор</i>	-	-	-	-
<i>көбүөр</i>	<i>көкүүр</i>	<i>күгәр</i>	<i>көгээр, көгээржик</i>	<i>көөкөр</i>	<i>хүхүүр</i>	<i>күр, күүр, көкүр</i>	<i>Көкүүр</i>	<i>хөхүүр</i>

(алт. *тажуур-таһыар/тоһуор*, хак. *тазор*, тюрк. *саба*- якут. *сабарай*, алт. *көкүүр*, хак. *күгәр*, тув. *көгээр*, *көгээржик*), так и в монгольских языках (калм. *көкүр*, х.-монг. *хөхүүр*, бур. *хүхүүр*).

Общеякутская лексема *көбүөр* свидетельствует о результате взаимовлияния тюркской оседлой скотоводческой (изготовление кумысной посуды из кожи теленка, сухожилий крупного рогатого скота) и монгольской кочевой, коневодческой (изготовление кумыса, кумысной посуды из конской кожи или из кожи кобылы) культур. Для данной микрогруппы наименований характерны принципы номинации по материалу посуды (сосуда), функции, цвету, внешней форме.

В качестве особенных черт рассмотренных лексем можно отметить отсутствие диалектных синонимов общеякутского *көбүөр*. Исключением в таком вербальном единстве может быть диалектное слово монгольского происхождения *бөлүүр*, *бүтэй бөлүүр* (сунт.). Собственно якутские лексемы *симиир иһит*, *симиирчэх* скорее всего возникли в результате обособленного развития якутской традиционной культуры в условиях субконтинентального климата и большого пространства: обрядово-ритуальный комплекс *ыһыах*, кожевенное ремесло, виды молочной пищи (продуктов), которую хранят или перевозят в кожаных сосудах (*кымыс*, *ымдаан*, *суорат*, *масло*), календарный цикл (полу)оседлого скотоводческого хозяйства и т.д.

Микрогруппа наименований кумысных кожаных сосудов входит в лексико-тематическую группу наименований традиционной посуды и утвари в якутском языке, тем самым даёт возможность для составления словарей различных типов (толкового, этимологического, лексико-тематического, тезаурусного и др.) в целях инвентаризации и не только для сохранения архаизированной, исторической лексики, но и для сохранения якутского языка в целом.

Остались еще открытыми вопросы происхождения и развития долгих гласных и дифтонга в рассмотренных наименованиях (*көбүөр/көгээр/хүхүүр*).

Сокращения:

алт. – алтайский язык; АРС – Алтайско-русский словарь; БАМРС – Большой академиче-

ский монгольско-русский словарь; башк. – башкирский язык; башк.диал. – диалект башкирского языка; БМРС – Бурят-монгольско-русский словарь; БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка; букв. – буквально; ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка; ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха; ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка; ДТС – Древнетюркский словарь; каз. – казахский язык; казан. – казанско-татарский диалект; кач. – качинский диалект хакасского языка; кирг. – киргизский язык; ккал. – каракалпакский язык; ккал.диал. – диалект каракалпакского языка; койб. – койбальский диалект хакасского языка; КРС, 1977 – Калмыcko-русский словарь; КРС, 1985 – Киргизско-русский словарь; монг. – монгольский язык; саг. – сагайский диалект хакасского языка; сунт. – сунтарский говор; тат.диал. – диалект татарского языка; ТРС, 1968 – Тувинско-русский словарь, 1968; ТРС, 2008 – Тувинско-русский словарь, 2008; ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка; тур. диал. – диалект турецкого языка; узб. – узбекский язык; узб.диал. – диалект узбекского языка; устар. – устаревшее; хак. – хакасский язык; халх. – халхасский язык; ХРС – Хакасско-русский словарь; якут. – якутский язык

Список литературы:

- Айтбаев М.Т., Иванов С.В. Тиснение на коже // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 5. М.: 1968. 114 с.
- Акимова А.С. Якутские термины традиционных женских ювелирных украшений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51). Ч. I. С. 16-18.
- Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. 175 с.
- Бальжинимаева Б.Д. Традиционная ремесленная лексика в монгольских языках: сравнительно-исторический аспект [Отв. ред. В.И. Рассадина]. Элиста: Изд-во ЗАОр «НПП «Джангар», 2018. 198 с.
- Готовцева Л.М. Лексика традиционной одежды саха в текстах олонхо // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3(16). С. 95-101.
- Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология / Харитонов Л.Н., Дьячковский Н.Д., Иванов С.А., Коркина Е.И., Петров Н.Е., Слепцов П.А. Т. I. М.: Наука, 1982. 490 с.

Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Морфология и лексика [Сост. С.А. Иванов]. Новосибирск: Наука, 2010. Ч. II. 178 с.

Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Фонетика [Сост. С.А. Иванов]. Якутск: ЯФ СО РАН, 2004. Ч. I. 128 с.

Зыков Ф.М. О лировидном мотиве в орнаменте якутов // Проблемы народного прикладного искусства Якутии: Сборник научных трудов [Отв. ред. А.Н. Осипов]. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1984. С. 82-92.

Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.

Иохельсон В.И. Кумысный праздник и декоративное оформление кумысных сосудов. Якутск: СММК-Мастер. Полиграфия, 2015. 88 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Я.: Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992. 270 с.

Кулаковский А.Е. Труды по якутскому языку. Якутск: Медиа-холдинг Якутия, 2017. 280 с.

Ливадин В.К. Материалы по кожевенному производству якутов // Очерки по изучению Якутского края: Восточно-Сибирский отдел государственного русского географического общества: Якутская секция. Вып. I. Иркутск, 1927. С. 25-36.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока [Под ред. И.С. Вдовина]. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Миддендорф А.Ф. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Коренные жители Сибири // Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб: Типография Академии наук, 1878. Ч. II. С. 619-833.

Носов М.М. Стилиевые признаки якутского узора // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск: Якутское государственное издательство, 1948. С. 107-116.

Ойунский П.А. Якутский героический эпос олонхо «Ньургун Боотур Стремительный». М.: ИПЦ «ДИК», 2007. 400 с.

Петрова А.Г. Традиционная посудная пластика саха: культурно-исторические связи и общая характеристика // Альманах современной науки и образования. 2015. № 8 (98). С. 107-111.

Попов В.Г. Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1(26). С. 106-116.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. 376 с.

Саввин А.А. Якутский кумыс // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск: Якутское государственное издательство, 1948. С. 117-138.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика [Отв. ред. Э.Р. Тенишев]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 441 с.

Багдарыын Сүлбэ. Талыллыбыт үлэлэр: Аал уоту оттунан. Дьокуускай: Бичик, 2013. Т. 2. 544 с.

Ойуунускай П.А. Дьүлүрүйар Ньургун Боотур. Якутск, 2003. 544 с.

Федоров Г.Е. Өбүгэлэрбит өлбөт-сүппэт үйэлээх үгэстэрэ [Хомуйан онордо, бэчээккэ бэлэмнээтэ, аан тылы суруйда проф. В. В. Илларионов]. Дьокуускай: Бичик, 2011. 256 с.

Ядрихинская П.П. Дьырыбына Дьырылыатта Кыыс бухатыыр: олонхо [Түмүк тылын уонна хос быһаарыыларын онордо П.Н. Дмитриев]. Якутский: Саха сириинээҕи кинигэ изд-вота, 1981. 199 с.

Словари:

Алтайско-русский словарь=Алтай-орус сөзлик [Отв. ред. А.Э. Чумакаев]. 2018. 935 с.

Большой академический монгольско-русский словарь [Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев]. М.: Academia, 2001. Т. 1: А-Г. 520 с.

Большой толковый словарь якутского языка [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2007. Т. IV: К. 672 с.

Большой толковый словарь якутского языка [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2011. Т. VIII: С – сөллөбөр. 572 с.

Бурят-монгольско-русский словарь: Около 25000 слов: С прил. краткого граммот. справочника по бурят-монгол. яз. [Сост. К.М. Черемисов. Под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева]. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том [Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев]. Новосибирск: Наука, 1995. 296 с.

Диалектологический словарь якутского языка [Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев]. М.: Наука, 1976. 392 с.

Древнетюркский словарь [Ред. В.М. Наделяев и др]. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.

Калмыцко-русский словарь. 26000 слов [Под ред. Б.Д. Муниева]. М.: «Русский язык», 1977. 768 с.

Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов [Сост. К.К. Юдахин]. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. Кн. 1: А-К. 504 с.

Кручкин Ю.Н. Монгольско-русский словарь: более 70 тысяч слов и словосочетаний. 12-е издание. М.-Улан-Батор-Лос-Анджелес, 2013. 1260 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I. 1278 стлб.; Т. II. 2010 стлб.; Т. III. 3858 стлб.

Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков [Гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман]. М.: Изд-во МБА, 2015. Т. I: А-Е. 224 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература, 2003. 446 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. III: К,Л. 440 с.

Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

Толковый словарь якутского языка [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II: Б. 912 с.

Толковый словарь якутского языка [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2006. Т. II: Г, Д, Дь, И. 844 с.

Тувинско-русский словарь: 17 784 словарных статей [Под ред. Э.Р. Тенишева]. М.: Советская энциклопедия, 2008. 465 с.

Тувинско-русский словарь: около 22000 слов [Под ред. Э.Р. Тенишева]. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

Хакасско-русский словарь=Хакас-орыс сөстiк: (около 22 000 слов) [Под общ. ред. О.В. Субраковой]. Новосибирск: Наука, 2006. 1111 с.

References:

Ajtbaev M.T., Ivanov S.V. Tisnenie na kozhe [Embossing on leather]. *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kirgizov: Trudy Kirgizskoj arheologo-jetnograficheskoy jekspedicii* [Folk arts and crafts of the Kirghiz: Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition]. Volume 5. Moscow: 1968. 114 p. (In Russian)

Akimova A.S. Jakutskie terminy tradicionnyh zhen-skih juvelirnyh ukrashenij [Yakut terms of traditional

women's jewelry]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practices]. 2015. № 9 (51). Part I. Pp. 16-18. (In Russian)

Altajsko-russkij slovar. Otvetstvennyj redaktor A.Je. Chumakaev [Altai-Russian dictionary. Executive editor A.E. Chumakaev]. 2018. 935 p. (In Russian)

Antonov N.K. *Materialy po istoricheskoy leksike jakutskogo jazyka* [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1971. 175 p. (In Russian)

Bagdaryyn Sulbje. *Izbrannye trudy: Razzhigaja sv-jashhennyj ogon'* [Selected Works: Kindling the Sacred Fire]. Yakutsk: Bichik Publ., 2013. Volume 2. 544. (In Yakut)

Bal'zhinimaeva B.D. *Tradicionnaja remeslennaja leksika v mongol'skih jazykah: sravnitel'no-istoricheskij aspekt. Otvetstvennyj redaktor V.I. Rassadin* [Traditional handicraft vocabulary in the Mongolian languages: a comparative historical aspect. Executive editor V.I. Rassadin]. Elista: Dzhangar Publ., 2018. 198 p. (In Russian)

Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. Otvetstvennyj redaktor G.C. Pjurbeev [Comprehensive academic Mongolian-Russian dictionary. Executive editor G. Ts. Pyurbeev]. Moscow: Academia Publ., 2001. Volume 1: A-G. 520 p. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Pod redakciej P.A. Slepcova [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Sleptsova]. Novosibirsk: Science Publ., 2007. Volume IV: K. 672 p. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Pod redakciej P.A. Slepcova [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Sleptsova]. Novosibirsk: Science Publ., 2011. Volume VIII: S – sellofer. 572 p. (In Russian)

Burjat-mongol'sko-russkij slovar': Okolo 25000 slov: S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo spravochnika po burjat-mongol'skomu jazyku. Sostavitel' K.M. Cheremisov. Pod redakciej C.B. Cydendambaeva [Buryat-Mongolian-Russian dictionary: About 25,000 words: With the attachment of a short grammar reference book on the Buryat-Mongolian language. Compiled by K.M. Cheremisov. Edited by Ts.B. Tsydendambaeva]. Moscow: State publ. of foreign and national dictionaries, 1951. 852 p. (In Russian)

Dialektologicheskij atlas jakutskogo jazyka: (svodnye karty). Fonetika. Sostavitel' S.A. Ivanov [Dialectological atlas of the Yakut language: (summary maps). Phonetics. Compiled by S.A. Ivanov]. Yakutsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk Branch Publ., 2004. Part I. 128 p. (In Russian)

Dialektologicheskij atlas jakutskogo jazyka: (svodnye karty). Morfologija i leksika. Sostavitel' S.A. Ivanov [Dialectological atlas of the Yakut language: (summary

maps). Morphology and vocabulary. Compiled by S.A. Ivanov]. Novosibirsk: Science Publ., 2010. Part II. 178 p. (In Russian)

Dialektologicheskij slovar' jakutskogo jazyka. Sostaviteli P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev [Dialectological dictionary of the Yakut language. Compiled by P.S. Afanasyev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev]. Moscow: Science Publ., 1976. 392 p. (In Russian)

Dialektologicheskij slovar' jazyka saha: Dopolnitel'nyj tom. Sostaviteli M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Ju.I. Vasil'ev [Dialectological dictionary of the Sakha language: Supplementary volume. Compiled by M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasiliev]. Novosibirsk: Science Publ., 1995. 296 p. (In Russian)

Drevnetjurkskij slovar'. Redaktor V.M. Nadeljaev i drugie [Ancient Türkic dictionary. Editor V.M. Nadelyaev and others]. Leningrad: Science Publ. Leningrad branch, 1969. 676 p. (In Russian)

Fedorov G.E. *Drevnie tradicii nashih predkov. Sobral, podgotovil k pečati professor V. V. Illarionov* [Ancient traditions of our ancestors. Collected and prepared for publication by Professor V.V. Illarionov]. Yakutsk: Bichik Publ., 2011. 256 p. (In Yakut)

Gotovceva L.M. *Leksika tradicionnoj odezhdy saha v tekstah olonkho* [The vocabulary of traditional Sakha clothing in olonkho texts]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2016. № 3(16). Pp. 95-101. (In Russian)

Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka: Fonetika i morfologija. Haritonov L.N., D'jachkovskij N.D., Ivanov S.A., Korkina E.I., Petrov N.E., Slepcov P.A. [Grammar of the modern Yakut literary language: Phonetics and morphology. Kharitonov L.N., Dyachkovskij N.D., Ivanov S.A., Korkina E.I., Petrov N.E., Sleptsov P.A.]. Volume I. Moscow: Science Publ., 1982. 490 p. (In Russian)

Hakassko-russkij slovar' (okolo 22 000 slov). Pod obshhej redakciej O.V. Subrakovoj [Khakass-Russian dictionary (about 22,000 words). Under the general editorship of O.V. Subrakova]. Novosibirsk: Science Publ., 2006. 1111 p. (In Russian)

Hudjakov I.A. *Kratkoe opisanie Verhojanskogo okruga* [Brief description of the Verkhoyansk District]. Leningrad: Science Publ., 1969. 441 p. (In Russian)

Iohel'son V.I. *Kumysnyj prazdnik i dekorativnoe oformlenie kumysnyh sosudov* [Kumis festival and decorative design of kumis vessels]. Yakutsk: SMIK-Master. Polygraphy, 2015. 88 p. (In Russian)

Ivanov S.A. *Leksicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka* [Lexical features of the Yakut language dialects]. Novosibirsk: Science Publ., 2017. 392 p. (In Russian)

Jadrihinskij P.P. *Zhenshhina bogatyрка D'yrybyna D'yrylyatta: olonkho. Vывody i pojasnenija P.N. Dmitrieva* [The heroic woman Dyrybyna Dyrylyatta: olonkho. Conclusions and explanations of P.N. Dmitrieva]. Ya-

kutsk: Yakutsk book Publ., 1981. 199 p. (In Yakut)

Kalmycko-russkij slovar'. 26000 slov. Pod redakciej B.D. Munieva [Kalmyk-Russian dictionary. 26,000 words. Edited by B.D. Munieva]. Moscow: Russian language Publ., 1977. 768 p. (In Russian)

Kirgizsko-russkij slovar'. V dvuh knigah. Okolo 40 000 slov. Sostavitel' K.K. Judahin [Kyrgyz-Russian dictionary. In two books. About 40,000 words. Compiled by K.K. Yudakhin]. Frunze: Main editorial office of the Kyrgyz Soviet Encyclopedia, 1985. Book 1: A-K. 504 p. (In Russian)

Konstantinov I.V. *Material'naja kul'tura jakutov XVIII veka (po materialam pogrebenij)* [Material culture of the Yakuts of the 18th century (based on burial materials)]. Yakutsk: Yakutsk book publishing house, 1971. 212 p. (In Russian)

Korkina E.I. *Severo-vostochnaja dialektnaja zona jakutskogo jazyka* [North-eastern dialect zone of the Yakut language]. Novosibirsk: Science Publ., 1992. 270 p. (In Russian)

Kruchkin Ju.N. *Mongol'sko-russkij slovar': bolee 70 tysjach slov i slovosochetanj. 12-e izdanie* [Mongolian-Russian dictionary: more than 70 thousand words and phrases. 12th edition]. Moscow-Ulan Bator- Los Angeles, 2013. 1260 p. (In Russian)

Kulakovskij A.E. *Trudy po jakutskomu jazyku* [Works on the Yakut language]. Yakutsk: Medial-holding Yakutia Publ., 2017. 280 p. (In Russian)

Lindenau Ja.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII veka): istoriko-jetnograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka. Pod redakciej I.S. Vdovina* [Description of the Siberia peoples (first half of the 18th century): historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East. Edited by I.S. Vdovina]. Magadan: Book Publ., 1983. 176 p. (In Russian)

Livadin V.K. *Materialy po kozhevennomu proizvodstvu jakutov* [Materials on leather production of Yakuts]. *Očerki po izucheniju Jakutskogo kraja: Vostochno-Sibirskij otdel gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshhestva: Jakutskaja sekcija* [Essays on the Study of the Yakutsk Territory: East Siberian Department of the State Russian Geographical Society: Yakutsk Section]. Release I. Irkutsk, 1927. Pp. 25-36. (In Russian)

Middendorf A.F. *Sever i Vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Korennye zhiteli Sibiri* [North and East of Siberia in a natural-historical relation. Indigenous people of Siberia]. *Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri* [Travel to the North and East of Siberia]. St. Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1878. Part II. Pp. 619-833. (In Russian)

Nosov M.M. Stilevyje priznaki jakutskogo uzora [Stylish signs of the Yakut pattern]. *Sbornik materialov po jetnografii jakutov* [Collection of materials on the ethnography of the Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk State Publ., 1948. Pp. 107-116.

Ojunksij P.A. *Jakutskij geroicheskiy jepos olonho "N'urgun Bootur Stremitel'nyj"* [Yakut heroic epic olonkho "Nurgun Bootur the Swift"]. Moscow: IPC "DIK", 2007. 400 p. (In Russian)

Ojunksij P.A. *N'urgun Bootur Stremitel'nyj* [Nurgun Bootur the Swift]. Yakutsk, 2003. 544 p. (In Yakut)

Pekarskij Je.K. *Slovar' jakutskogo jazyka 12-e izdanie* [Dictionary of the Yakut language. 2nd edition]. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. Volume I. 1278 stlb.; Volume II. 2010 stlb.; Volume III. 3858 stlb. (In Russian)

Petrova A.G. Tradicionnaja posudnaja plastika saha: kul'turno-istoricheskie svjazi i obshhaja harakteristika [Traditional plasticity crockery of Sakha: cultural and historical ties and general characteristics]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija* [Almanac of modern science and education]. 2015. № 8 (98). Pp. 107-111. (In Russian)

Popov V.G. Nazvaniya vidov starinnogo jakutskogo nastupatel'nogo holodnogo oruzhija kak obekta sravnitel'nogo issledovanija [The names of the types of the old Yakut offensive edged weapons as an object of comparative research]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern journal of humanities]. 2019. № 1(26). Pp. 106-116. (In Russian)

Rassadin V.I. *Mongolo-burjatskie zaimstvovanija v sibirskih tjurkskih jazykah* [Mongolian-Buryat loanwords in the Siberian Turkic languages]. Moscow: Science Publ., 1980. 115 p. (In Russian)

Sanzheev G.D., Orlovskaja M.N., Shevernina Z.V. *Jetimologicheskij slovar' mongol'skih jazykov. Glavnyj redaktor G.D. Sanzheev, redaktory L.R. Koncevič, V.I. Rassadin, Ja.D. Leman* [Sanzheev G.D., Orlovskaja M.N., Shevernina Z.V. Etymological Dictionary of the Mongolian Languages. Chief editor G. D. Sanzheev, editors L.R. Kontsevich and V.I. Rassadin, Ya.D. Lehman]. Moscow: MBA Publ., 2015. Volume I: A-E. 224 p. (In Russian)

Savvin A.A. *Jakutskij kumys* [Yakut kumis]. *Sbornik materialov po jetnografii jakutov* [Collection of materials on the ethnography of the Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk State Publ., 1948. Pp. 117-138. (In Russian)

Savvin A.A. *Pishha jakutov do razvitija zemledelija (opyt istoriko-jetnograficheskoi monografii)* [Food of the Yakuts before the development of agriculture (the experience of a historical and ethnographic monograph)]. Yakutsk: Institute for Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) Publ., 2005. 376 p. (In Russian)

Seroshevskij V.L. *Jakuty. Opyt jetnograficheskogo issledovanija* [Yakuts. Ethnographic research experience]. Edition 2. Moscow, 1993. 736 p. (In Russian)

Sevortjan Je.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S"* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic bases for the letters "L", "M", "N", "P", "S"]. Moscow: Oriental literature, 2003. 446 p. (In Russian)

Sevortjan Je.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic stems on vowels]. Moscow: Science Publ., 1974. 768 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika. Otvetstvennyj redaktor Je.R. Tenishev [Comparative and historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary. Executive editor E.R. Tenishev]. Edition 2, augmented. Moscow: Science Publ., 2001. 822 p. (In Russian)

Tatarincev B.I. *Jetimologicheskij slovar' tuvinskogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. Volume III: K, L. 440 p. (In Russian)

Todaeva B.H. *Slovar' jazyka ojratov Sin'czjana (po versijam pesen «Dzhangara» i polevym zapisjam avtora)* [Dictionary of the Oirats language of Xinjiang (according to the versions of the songs "Dzhangara" and the author's field notes)]. Jelista: Kalmyk book Publ., 2001. 493 p. (In Russian)

Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Pod redakciej P.A. Slepčova [Explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Slepčova]. Novosibirsk: Science Publ., 2005. Volume II: B. 912 p. (In Russian)

Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Pod redakciej P.A. Slepčova [Explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Slepčova]. Novosibirsk: Science Publ., 2006. Volume II: G, D, D', I. 844 p. (In Russian)

Tuvinsko-russkij slovar': 17 784 slovarnyh statej. Pod redakciej Je.R. Tenisheva [Tuvan-Russian dictionary: 17 784 entries. Edited by E.R. Tenisheva]. Moscow: Soviet encyclopedia, 2008. 465 p. (In Russian)

Tuvinsko-russkij slovar': okolo 22000 slov. Pod redakciej Je.R. Tenisheva [Tuvan-Russian dictionary: about 22,000 words. Edited by E.R. Tenisheva]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1968. 648 p. (In Russian)

Zykov F.M. O lirovidnom motive v ornamente jakutov [About the lyre motif in the Yakut ornament]. *Problemy narodnogo prikladnogo iskusstva Jakutii: Sbornik nauchnyh trudov Otvetstvennyj redaktor A.N. Osipov* [Problems of folk applied art of Yakutia: Collection of scientific papers. Responsible editor A.N. Osipov]. Yakutsk: Yakutsk: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Yakutsk Branch Publ., 1984. Pp. 82-92. (In Russian)

Lexical and Semantic Features of the Names of Kumys Leather Ware (Vessels) in the Yakut Language

The structure and semantics of the names of kumys leather ware (vessels) in the Yakut language in comparison with the Turkic and Mongolian languages are considered.

The aim of the article is to identify and describe the lexical and semantic features of the Yakut names of kumys leather ware (vessels) in the comparative aspect with the Turkic and Mongolian languages. The research is conducted on the basis of comparative, structural and semantic analysis. The sources of the article were explanatory, dialectological dictionaries, ethnographic and folklore materials. It has been determined that the names of the Yakut kumys leather ware (vessels) have both Turkic and Mongolian parallels. The lexical and semantic parallels of the common Yakut word *kəḡyər* in the Altai, Khakass, Tuvan, Kyrgyz, Buryat, Kalmyk, Oirat-Xinjiang, Khalkha-Mongolian languages have been revealed. The principles and motives of the nomination, typical for this micro group of names are established: according to the material of the dishes (vessel), functions, color and external form. The transparency of the nominations of leather ware (vessels) - from the skin of cattle and horse (mare) skin shows the mutual influence of the Turkic sedentary cattle-breeding and Mongolian nomadic horse-breeding cultures. The absence of dialectal synonyms presupposes the unity of vocabulary in the vast territory of Yakutia, used in everyday life and in a single ritual and ceremonial complex. The only dialectal synonym *bytei beluur* (бүтэй бөлүүр) is of Mongolian origin. *Simiir* has a native Yakut origin. This micro group of household vocabulary testifies to the Turkic-Mongolian origins and independent development of the names of the complex of kumys leather ware (vessels) in the Yakut language.

Keywords: Yakut language, dialectology, dialectism, kumys ware (vessels), semantics, Turkic languages, Mongolian languages

Н.Ю. Ушницкая

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.011

УДК 81:39(=512.212)

Лингвокультурный концепт «буга / мир» в языковой картине мира эвенков

Статья посвящена описанию лингвокультурного концепта «буга / мир» в языковой картине мира эвенков.

Целью статьи является комплексное исследование лингвокультурного концепта «буга / мир» в языковой картине мира эвенков.

Для исследования структуры лингвокультурного концепта «буга / мир» были рассмотрены материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских народов, эвенкийско-русского словаря А.Н. Мыреевой, русско-эвенкийский словаря Г.М. Василевич, этнографические материалы А.Ф. Анисимова, Г.М. Василевич, А.И. Мазина, а также материалы аутентичных текстов, записанных во время экспедиций.

В настоящее время не имеется работ, посвященных концепту «буга / мир» в языковой картине мира эвенков, которые бы носили лингвокультурологический подход к исследованию концепта. Этим объясняется новизна настоящего исследования. Лингвокультурный концепт «буга / мир» тесно взаимосвязан с концептами «сиукэн / охотничье счастье», «маин / судьба», «оми / душа». Данные концепты отражают национально-специфическую особенность концептосферы эвенкийской лингво-

культуры. Они взаимозависимы и взаимообусловлены. Природная составляющая является главной в структуре этих концептов, о чем свидетельствуют вышерассмотренные этнографические материалы и лексикографические материалы словарей.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, эвенкийский язык, буга, мир, природа

Введение. Язык – это специфическая часть культуры. Наиболее тесно он связан с мышлением, которое не может быть оторвано от речевой деятельности: думая, человек мысленно говорит. Язык и сознание представляют два необходимых условия существования общества для создания своей духовной культуры. По определению В.А. Масловой, «концепты – это ментальные сущности, которые имеют имя в языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире» [Маслова, 2018: 4]. «Ключевыми концептами культуры называют главные единицы картины мира, константы культуры, обладающие значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [Маслова, 2018: 5]. К определению данного понятия ученые подходят с разных аспектов: психолингвистического, лингвокультурного, когнитивного, философского. Но прежде всего концепт является базовой категорией лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Ю.Е. Прохоров выделяет такие подходы к пониманию концепта:

- лингвокультурный (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев);
- концепт как лингвокогнитивное явление (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин);
- концепт как психолингвистическое явление (В.Я. Мыркин, А.А. Залевская);
- концепт как культурное явление (Ю.С. Степанов);
- концепт как лингвистическое явление (Л.О. Чернейко, М.В. Пименова) [Прохоров, 2008: 25–27].

По С.Г. Воркачеву, «основной лингвокультурологический смысл появления термина концепт» – его способность отражать в своей семантике национальный менталитет как совокупность мировоззренческих и поведенческих особенностей этноса и национальный характер как относительно устойчивый и целостный склад душевной жизни языковой личности, определяющий ее качественное своеобразие – ее этос» [Воркачев, 2004: 113].

З.Д. Попова и И.А. Стернин, на наш взгляд, справедливо утверждают, что «концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [Попова, Стернин, 2007: 29–30]. Ю.С. Степанов понимает концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2001: 43]. При таком понимании термина «концепт» роль языка второстепенна, он является лишь вспомогательным средством – формой оязыкования сгустка культуры, концепта.

Концепты, взаимодействуя друг с другом, образуют сложную систему связей между собой и формируют таким образом концептосферу, или картину мира. Само понятие «концептосфера языка» ввел в лингвистику Д.С. Лихачев. Он понимает под концептосферой национальный потенциал, открываемый в словарном запасе отдельного человека и всего языка в целом [Лихачев, 1993: 5]. В настоящее время приобретают актуальность исследования концептосфер языков народов Севера. «Реконструкция картины мира кочевого сообщества – это не что иное, как воссоздание отдельных ментальных единиц мышленияномада, его мировосприятия» [Жамсаранова, 2013: 59]. Задача реконструкции концептосферы эвенкийской лингвокультуры, на наш взгляд, является важной. Поэтому цель статьи – комплексное исследование лингвокультурного концепта «буга / мир» в языковой картине мира эвенков.

В настоящее время лингвокультурный концепт «мир» исследуется на материале разных языков: имеются работы Л.А. Исаевой, В.В. Дробан «Особенности ассоциативного поля концеп-

та «мир» в современной языковой картине мира», С.С. Сусловой, Ю.В. Зайцевой «Концепт «мир» в английской языковой картине мира», А.В. Лебедева «Соотношение концепта «сотворение мира» и языковой картины мира», Э.Т. Хаметовой «Об одном из вариантов репрезентации концепта «мир» в лезгинской и английской языковых картинах мира», Л.В. Варданян «Концепт «мир» в английской, русской и эрзянской языковых картинах мира» и др. Более комплексное исследование концепта «мир» на материале индоевропейских языков провел Ю.С. Степанов. Он пришел к выводу, что «концепт «мир» в культурном отношении является производным от концепта «свой» – «чужие», в нем соединяются компоненты-концепты «место (пространство)», «свой, свой народ» и «закон, законность», а, следовательно, в той или иной степени также и концепт «мораль, этика». Ведущим же оказывается понятие «место, пространство» а все остальные – или производными от него или присоединенными к нему» [Степанов, 2001: 86–87]. Кроме того, Ю.С. Степанов относит концепт «мир» к константам культуры и поясняет: «константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или по крайней мере очень долгое время. Кроме этого, термину «константа» может быть придано и другое значение – «некий постоянный принцип культуры» [Степанов, 2001: 84]. В.А. Маслова, рассматривая концепт «пространство», отмечает: «пространство реализуется в виде нескольких сущностей: верх – низ, небо – земля, земля – подземное царство, правый – левый, восток – запад, север – юг и т.д., важнейшая оппозиция в пространстве: верх – низ. В основе этой оппозиции лежит представление о верхнем и нижнем мирах в мифологической модели, сюда относятся все мифы о верхней и нижней сторонах вещи, явления, поступка» [Маслова, 2018: 92]. В североведении имеются этнографические исследования, посвященные представлению эвенков о мире: «Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX вв.)» (Г.М. Василевич, 1969 г.), «Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований», (А.Ф. Анисимов, 1958 г.), «Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.)», (А.И. Мазин, 1984 г.), «Мировоззрение эвенков:

отражение в фольклоре» (Г.И. Варламова, 2004 г.) и др. В данных работах освещены представления эвенков о мироздании. Так, Г.М. Василевич отмечает «Дошаманские представления о верхнем и нижнем мирах были общетунгусскими; шаманские же у отдельных групп различались. Дошаманский верхний мир был выше неба, а нижний мир – ниже земли. По облику и по жизни на них эти миры являлись точной копией земли. Верхний мир (*угу буга; угу дуннэ*) имел вход через неподвижную Полярную звезду. Он был лучше земного мира, без непроходимых мест. Входом в нижний мир (*хэргу буга, хэргу дуннэ*) служили отверстия в земле (расщелины, длинные пещеры), а также в водоворотах и глубоких водоемах. Попадать в эти миры и выходить оттуда было делом нелегким, а путь долгим» [Василевич, 1969: 212]. В языковой картине мира эвенков исследования лингвокультурного концепта «буга / мир» не проводились. Этим объясняется актуальность настоящего исследования.

Материалы и методы. Вопрос о структуре концепта занимает важное место в современной науке. Мнения ученых относительно структуры концепта разнообразные. Концепт имеет сложную структуру, хотя она не может быть определена как четко сформировавшаяся и жесткая. Так, наблюдаются различия в структуре когнитивного и лингвокультурного концепта. Ю.С. Степанов выделяет в структуре концепта «все то, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов, 2001: 43]. По мнению В.И. Карасика, в культурном концепте как «многомерном смысловом образовании» выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [Карасик, 2004: 8]. Для исследования структуры лингвокультурного концепта «буга / мир» были рассмотрены материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, эвенкийско-русского словаря А.Н. Мыреевой, русско-эвенкийского словаря Г.М. Василевич. Так, для исследования понятийной, образной и ценностной составляющих лингвокультурного концепта «буга / мир» были получены методом сплошной выборки лексические единицы для корпуса исследования: в словарях было выявлено более

150 лексических единиц и проведен анализ словарных дефиниций. Кроме этого, рассмотрены материалы этнографических исследований Г.М. Василевич, А.Ф. Анисимова, А.И. Мазина и др. Для комплексного изучения образной, ценностной и понятийной составляющих были проанализированы аутентичные тексты, записанные автором от информантов во время экспедиций: фразеологические единицы, пословицы и поговорки, а также эпические тесты.

Результаты. Анализ лексикографического материала показал, что лексема *буга* является репрезентантом концепта «буга / мир». Так в русско-эвенкийском словаре Г.М. Василевич находим: «Мир I – *буга* (вселенная)» [Василевич, 2005: 229]. В русско-эвенкийском словаре Г.М. Василевич находим «Мир II – (спокойствие) *аяман*; (дружеские отношения) *аяралдын*» [Василевич, 2005: 229]. В эвенкийско-русском словаре А.Н. Мыреевой отмечаются следующие значения лексемы *буга* «*Буга* 1) страна, родина. *Бугалавар нэнэрэ*. – Поехали в свою страну (Родину); 2) небо, небесный свод. *Бугат коунорин туксулди купуврэн*. – Небо обложилось темными тучами; 3) мир, вселенная: *Угу буга* – Верхний мир, *дулин буга* – Средний мир, *хэргу буга* – Нижний мир, *иргивдек буга* – родная страна, *аги-буга* – таежная страна, тайга – родина; 4) земля, место. *Куһикит буга*. – Место битвы; 5) погода. *О, эр бугат он оллан?* – Ой, что случилось с погодой?; 6) бог, икона; 7) вход (в берлогу) [Мыреева, 2004: 99].

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков показал, что слово *буга* является общим тунгусо-маньчжурским. В данном словаре находим, что представлены все лексемы тунгусо-маньчжурских языков, например: «сол. *боу* ~ *буа* 1) местность, страна, земля; 2) небо; эвен. *буу* 1) местность, страна, земля; 2) мир, вселенная; 3) место; 4) родина; 5) природа; 6) поле, тайга; нег. *боа* ~ *боуа* 1) местность, страна, земля; 2) мир, вселенная; 3) место; 4) родина; 5) небо; 6) погода; 7) бог; орох. *ба* ~ *буа* ~ *бува* 1) местность, страна, земля; 2) мир, вселенная; 3) место; 4) родина; 5) небо; 6) погода; 7) природа; 8) бог; уд. *буа* 1) местность, страна, земля; 2) мир, вселенная; 3) место; 4) небо; 5) погода; 6) бог; ульч. *ба* ~ *буа* 1) местность, страна, земля; 2) мир, вселенная; 3) место; 4) небо; орок. *бо* 1) местность, страна, земля; 2) мир, вселенная; 3) место;

4) небо; 5) погода; нан. *ба* 1) местность, страна, земля; 2) мир, вселенная; 3) место; 4) небо; 5) погода; ма. *ба* 1) местность, страна, область; 2) место; 3) стойбище, урочище; 4) межа, граница, рубеж; 5) участок земли [ССТМЯ, Т.1, 1977: 100–101]. Это позволяет утверждать, что лингвокультурный концепт «буга / мир» является константой в эвенкийской культуре. Как утверждает Ю.С. Степанов, «константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. Кроме этого, термину «константа» может быть придано и другое значение – «некий постоянный принцип культуры» [Степанов, 2001: 84]. К константам в русской культуре он относит «свои» и «чужие», «родная земля», «время», «душа» и др. Так, ядром концепта «буга / мир» является имя исследуемого концепта – *буга*, к которой можно отнести следующие лексико-семантические варианты: «мир, вселенная» «место», «земля», «родина», «страна», «небо». Таким образом, лексикографический анализ показал, что понятийной составляющей лингвокультурного концепта «буга / мир» является вербализованное понятие, которое обозначает обитаемое людьми место, где ведущими видами их деятельности являются охота и оленеводство. Кроме того, это место, оберегаемое верховным божеством *Буга*. К этому божеству эвенки обращались с просьбой послать охотничью удачу (охотничье счастье) *сиукэн*. Так, А.Ф. Анисимов поясняет, что во время обряда *сиукэлэвун-һиукэлэвун-ишукэлэвун* (обряд добычи охотничьего счастья) шаман разыскивал «... родовое божество *дуннэ мушун*, т.е. духа – хозяйку земли. Шаман просил хозяйку земли помочь сородичам в промысле. Та посылая его к родовому божеству *бугады мушун* – хозяйке мира, вселенной (*бугады мушун* может быть переведено и как «дух- хозяйка горы» и как «дух-хозяйка мира, вселенной»). *Бугады мушун* шаман находит подле стад зверей. Она представлялась ему в виде огромной лосихи или самки дикого оленя» [Анисимов, 1958: 29]. Так, наблюдаем, что эвенки божество *Буга* представляют зооморфно в виде огромной лосихи или самки дикого оленя. Это подтверждается в эвенкийско-русском словаре А.Н. Мыреевой «*Буг, бугу, бугэ* – благородный олень, изюбрь (назв. весной, осенью). *Бугу IV* – лось, лосиха» [Мыреева, 2004: 99–101]. Также это божество могло представляться в образе ста-

рушки, поэтому ее называли родственной терминологией: *энин* (мама), *амин* (папа), *амака* (дедушка), *эникэн* (бабушка). Так, Г.И. Варламова пишет «слово *Буга* не имеет суффикса, указывающего на принадлежность к конкретному полу, но эвенки часто употребляют такие словосочетания: *Энин-Буга* – мать наша *Буга*, *Эни-Буга* – мать *Буга*, *Амин-Буга* – отец наш *Буга*, *Ами-Буга* – отец *Буга*» [Варламова, 2004: 53]. Также информаторы А.Ф. Анисимову указывали, что эвенки верховное божество *Буга* называли также «*энинтэ* (от «*энин* – мать», *энин-тэ* – дословно «назвать, считать матерью»)» [Анисимов, 1958: 29]. Таким образом, в образную составляющую исследуемого концепта входят вербализованные понятия лексемы *буга*, которые репрезентированы следующими словами, входящими в тематические группы: 1) окружающая нас природа (трава, деревья, звери, птицы, рыбы, насекомые; 2) родственники. Обитает *Энин-Буга*, согласно этнографическим исследованиям А.И. Мазина, «на третьем ярусе Верхнего мира, или первом от земли» [Мазин, 2007: 15]. А.Ф. Анисимов отмечает, что с помощью мифической водной дороги-реки все три мира объединяются в единый комплекс *буга* вселенную. В нижнем мире *Хэргу Буга* у устья мифической родовой реки находится *мэнэ-ен* – поселение умерших телесных душ сородичей *бэен*, а у истоков этой реки располагается вместилище душ *оми омирук* [Анисимов, 1958: 58–75]. Согласно анализу вышеупомянутых этнографических исследований и эвенкийских героических сказаний, Средний мир (*Дулин Буга*) заселен людьми, зверями, птицами, насекомыми, растениями. Так, главная героиня сказания «Со бэе Содани мата» *Ая аһи Аякчан киливли* сообщает о их месте рождения своему брату:

Гуниттэн: «Мит мэрти эр
она сказала своему брату:
Дулин энин бугавар
«Да, на самом деле мы родились
Мучи молкан сумэчи
На Средней земле-матери,
Чуканюнин уркувал
Смешавшись с ее водами и деревьями,
Балдынат тэде одан», – гуниттэн
С ее сочными травами»

[Эвенкийские героические сказания, 1990: 138].

Героические сказания также подтверждают, что *буга* – это не только место, земля, где живут люди, но и божество *Буга*, от которого зависит жизнь и процветание эвенков. Так, в героическом эвенкийском сказании «Со бэе Содани мата» главный герой богатырь Со бэе Содани мата, умирая от рук богатыря Нижнего мира, обращается к своей сестре – *Ая аһи Аякчан киливли*, к родному чуму, огню-дедушке – *Того эһэкэ*, к солнцу – *Дылача* и в первую очередь к *Буга* (обращается к ней, как к матери):

«Гиро-гиро гироканин!
Гиро-гироканин!
Балдыдяк энин бугав,
Родная земля-мать!
Тадук умунду оскенэв
Вместе со мной родившаяся
Нэкун гунды нэкунми
Младшая сестра, родная сестра моя,
Ая аһи Аякчан киливли,
Славная девушка Аякчан Ивекчан!
Алаһа дюв, того эһэкэв,
Родной мой чум, огонь-дедушка мой!
Нэриһи дылачав –
Светлое мое солнце!
Дурукинһун долдыкалду!
Меня послушайте!»

[Эвенкийские героические сказания, 1990: 162].

Рассмотрим также материалы аутентичных текстов. Анфиса Павловна Авелова поясняет «*Эһиткэн бугавар бэел эпкил одётто. Тавар мо-матва эпкил одётто, мол нян бэеуэчир турэчи. Мова нан эпкил чинира. Мова одётта нада, бугава одётта нада. Эһиткэн таргачин ачин. Нон-он орорди нулгидерэктын или-да орон хоктороконин биункин, эһиткэн курчаван улэчэ олоһин тар булгэмук кэтэлкэкутчэ. Орорду дебгэмэтэтын, лавуктауэтын ачин овки. Лавукта тар уркунэтын идук эмэдеуэн. Аят бугавар ичэтчэктын бултаһан кэтэ бивки. Бугавар эвэнкил одёчёнкитын*». – Сейчас природу не берегут. Вот деревья не берегут, а они тоже, как люди умеют разговаривать. Раньше деревья не срубали. А деревья беречь нужно, природу беречь нужно. А сейчас такого нет. Раньше на оленях кочевали, везде были тропы. А сейчас всю землю перерыли, поэтому болезней много стало. Оленям даже пищи нет, ягель исчезает. Как

ягель появится, если все перерыто. Хорошо природу беречь, добычи больше бывает. Природу эвенки берегли» (Авелова Анфиса Павловна, 1932 г.р., с. Хатыстыр, Алданский район, Республика Саха (Якутия), знает эвенкийский, русский языки). Анализ текстов подтвердил гипотезу, что в ценностную составляющую лингвокультурного концепта «буга / мир» входят понятия, которые вербализованы следующими лексемами: 1) *буга* (природа); 2) *родина*; 3) *орон* (олень); 4) *бултажа* (добыча).

Ценностную составляющую исследуемого концепта рассмотрим и на примере пословиц и фразеологизмов. Так, эвенкийские пословицы и фразеологизмы, включающие лексему «буга» выражают нормы поведения в эвенкийском обществе. Они являются показательными для выявления ценностной составляющей в эвенкийском концепте «буга / мир»: Бугаскэй *гунмй* 'возражать, говорить противоположное' (досл.: прямо по направлению к небу говорить); *Бугаскэй н'экэдэ* 'делаю не так, как принято; делать не так, как нужно бы' (досл.: прямо по направлению к небу делать) [Варламова, 1986: 59]. Согласно исследованию эвенкийских фразеологических единиц, пословиц и поговорок, Буга может:

1) говорить: *Буга турэнин* – гром (досл. речь неба, бога),

2) расколоться: *Дюр бугали надвое* (расколоться, треснуть) [Мыреева, 2004: 100].

Буга присущи человеческие действия, поэтому может:

1) дать: *Буга бумй бӯд 'эн!* 'Все будет хорошо!' (досл.: Если небо даст, то даст); *Буга бунэвэн бэйэдук эврй муләнэ, борйлдиврй* 'Не жалея для человека того, что дано небом, делись'; *Буга бучэ* – 'Небо дало' (смысл тот же, что и у предыдущей);

2) капризничать: *Бугамийй унукулбулчб-вёт: инэн тигдэвй унукурун, тимайрин сйксэрийн нэудэлэрийн-кувулгат ахйгачйн* 'Небушко-то пролилось: днем дождь свой вылило, назавтра вечером разъяснилось – как капризная женщина' (о непостоянстве);

3) кормить: *Буга улйрэн* – смысл у данной поговорки тот же, что и у русской: Бог даст, не помрем (досл.: Небо накормило); *Дуннэ, Буга аидин бэе бидерэн Буга бурэн, Буга улйрэн. Бугаскэй энэ гунэ, Бугаскэй энэ некэрэ.* – Неба

Буга и земли благословением живет человек. Небо-родитель Буга дает все, небо-родитель Буга кормит человека. Против воли его не иди, противного его воле не делай [Варламова, 2004: 56-66].

Итак, для того чтобы быть счастливыми (*ку-тучи*), удачливыми в охоте (*сиукэчи*), эвенки должны следовать правилам, предписанным свыше *Эникэн Буга*, поэтому они говорят: *Бугаскэй н'экэдэрэн* 'Поступает неправильно, вопреки сложившимся традициям' (досл.: По направлению прямо к небу делает (поступает)); *Бугаскэй н'экэливкйл* 'Ничего не понимают, делают не так, как надо' (досл.: По направлению к небу делают); *Бугаскэй экэл н'экэрэ* 'Не поступай неправильно: не поступай вопреки обычаям, традициям' (досл.: Не делай прямо по направлению к небу).

Обсуждение и заключение. Исходя из вышесказанного, следует вывод, что лингвокультурный концепт «Буга / мир» тесно взаимосвязан с концептами «*сиукэн / охотничье счастье*», «*Маин / судьба*», «*Оми / душа*» эвенкийской лингвокультуры. Божество Буга воплощает природу, ведь одно из значений слова *буга* – природа и между ними (концептами) очень сложно прочертить четкую грань. Вся жизнь эвенка зависит от *Буга*: она дает (в случае соблюдения правил поведения) или забирает (в случае несоблюдения правил) *сиукэн* (охотничье счастье), приплод оленей. Данные концепты взаимосвязаны и взаимообусловлены. Природная составляющая является главной в структуре этих концептов [Ушницкая, 2020: 105–106]. Кроме того, исследуемые концепты являются общими тунгусо-маньчжурскими, о чем свидетельствуют вышерассмотренные этнографические материалы и лексикографические материалы словарей. Тексты, записанные от информантов, показывают, что современные эвенки в первую очередь вкладывают в значение слова *буга*: 1) родина; 2) место (*Бугав аякун.* – Родина моя хорошая (В.Г. Павлов, с. Чапо-Олого, Каларский район, Забайкальский край, знает эвенкийский и русский языки).

Таким образом, лингвокультурный концепт «буга / мир» в языковой картине мира эвенков является ментальным фрагментом, который даёт ключ к пониманию мировоззренческих установок этноса. Так, нами было рассмотрено

более 150 лексических единиц, более 50 фразеологических единиц, содержащих лексему *буга*, этнографический материал вышеупомянутых ученых, материалы полевых исследований (рассмотрено более 10 текстов). Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что исследуемый концепт в мировоззрении эвенков сформирован в первую очередь под влиянием охотничьего и кочевого образов жизни в сочетании с анимистическими воззрениями на природу. Кроме этого, он пронизывает религиозную и материальную сферы жизни эвенков. Лексема *буга*, репрезентирующая исследуемый концепт в лингвокультуре эвенков, встречается практически во всех тунгусо-маньчжурских языках, что свидетельствует о том, что данный концепт существует и в других тунгусо-маньчжурских языках и может иметь некоторые общие черты с концептом «буга / мир» эвенкийской лингвокультуры.

Список литературы:

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 238 с.

Варламова Г.И. (Кэптукэ). Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск.: Наука, 2002. 376 с.

Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. Новосибирск.: Наука, 2004. 185 с.

Варламова Г.И. Фразеологизмы в эвенкийском языке. Новосибирск.: Наука, 1986. 81 с.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

Жамсаранова Р.Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита.: Экспресс-издательство, 2013. 288 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. // Известия РАН. Серия: Литература и язык. 1993. №1. С. 3-9.

Мазин А.И., Мазин И.А. Традиционные представления эвенков Приамурья об окружающем мире. Благовещенск.: Амурский гос. ун-т, 2007. 210 с.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: ФЛИНТА, 2018. 296 с.

Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2008. 176 с.

Ушницкая Н.Ю. Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине мира эвенков и русских. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2020. 128 с.

Эвенкийские героические сказания: Храбрый Содани-богатырь. Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде [Отв. ред. тома Н. В. Емельянов, Е. П. Лебедева] // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. Т. I. 392 с.

Словари:

Василевич Г.М. Словарь русско-эвенкийский. СПб.: Просвещение, 2005. 238 с.

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь – Эвэды-лучады турэрук. Новосибирск.: Наука, 2004. 798 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю [Отв. ред. В.И. Цинциус. Авт. предисл. проф. О.П. Суник]. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1975. Т. I: А-Н. 672 с.; 1977. Т. II: О-Э. 992 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

References:

Anisimov A.F. *Religija jevenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proishozhdenija pervobytnyh verovanij* [Evenk religion in historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958.238 p. (In Russian)

Jevenkijskie geroicheskie skazanja: Hrabryj Sodani-bogatyř'. Vsesil'nyj bogatyř' Djevelchjen v rasshitoj-razukrashennoj odezhde. Otvetstvennyj redaktory toma N. V. Emel'janov, E. P. Lebedeva [Evenk heroic legends: Brave Sodani the hero. The all-powerful hero Develchen in embroidered, ornamented clothes. Managing editors of the volume N. V. Emelyanov, E. P. Lebedeva]. *Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Science Publ., Siberian Branch, 1990. Volume I. 392 p. (In Russian)

Karasik V.I. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Change Publ., 2002. 477 p. (In Russian)

Lihachev D.S. *Konceptosfera russkogo jazyka* [The conceptual sphere of the Russian language]. *Izvestija RAN. Serija: Literatura i jazyk* [Journal of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and Language]. 1993. №1. Pp. 3-9. (In Russian)

Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku* [Introduction to the cognitive linguistics]. Moscow: FLINT Publ., 2018. 296 p. (In Russian)

Mazin A.I., Mazin I.A. *Tradicionnye predstavlenija jevenkov Priamur'ja ob okruzhajushhem mire* [Traditional views of the Amur Evenks about the world around them]. Blagoveshchensk: Amur State University Publ., 2007. 210 p. (In Russian)

Myreeva A.N. *Jevenkijsko-russkij slovar'* [Evenk-Russian Dictionary]. St. Petersburg: Education, 2005. 238 p. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 798 p. (In Russian)

Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaja lingvistika* [Introduction to the cognitive linguistics]. Moscow: AST: East-West Publ., 2007. 314 p. (In Russian)

Prohorov Ju.E. *V poiskah koncepta* [In search of a concept]. Moscow: Flinta: Science Publ., 2008. 176 p. (In Russian)

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh jazykov: materialy k jetimologicheskomu slovarju. Otvetstvennyj redaktor V.I. Cincius. Avtor predislovija profesor O.P. Sunik [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: materials for the etymological dictionary. Executive editor V.I. Cincius. The author of the foreword is Professor O.P. Sunik]. Leningrad: Science Publ., Leningrad Branch, 1975. Volume I: A-N. 672 p.; 1977. Volume I: O-E. 992 p. (In Russian)

Stepanov Ju.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [Constants:

Dictionary of Russian culture. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Academic Project, 2001. 990 p. (In Russian)

Ushnickaja N.Ju. *Bazovye lingvokul'turnye koncepty v jazykovej kartine mira jevenkov i russkikh* [Basic linguocultural concepts in the linguistic picture of the world of the Evenks and Russians]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2020. 128 p. (In Russian)

Varlamova G.I. (Kjeptukje). *Jepicheskie i obrjadovye zhanry jevenkijskogo fol'klora* [Epic and ritual genres of Evenk folklore]. Novosibirsk: Science Publ., 2002. 376 p. (In Russian)

Varlamova G.I. *Frazeologizmy v jevenkijskom jazyke* [Phraseologisms in the Evenk language]. Novosibirsk: Science Publ., 1986. 81 p. (In Russian)

Varlamova G.I. *Mirovozzrenie jevenkov: otrazhenie v fol'klоре* [Evenks worldview: reflection in folklore]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 185 p. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenks. Historical and ethnographic essays (18th - early 20th century)]. Leningrad: Science Publ., 1969. 304 p. (In Russian)

Vasilevich G.M. *Slovar' russko-jevenkijskij* [Russian-Evenk dictionary]. St. Petersburg: Education, 2005. 238 p. (In Russian)

Vorkachev S.G. *Schast'e kak lingvokul'turnyj concept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow: Gnosis Publ., 2004. 192 p. (In Russian)

Zhamsaranova R.G. *Konceptosfera srednevekovoj mongol'skoj jetnonimii* [The conceptual sphere of Mongol ethnonyms in the aspect of ethno linguistic]. Chita: Express Publ., 2013. 288 p. (In Russian)

N.Iu. Ushnitskaya

Linguacultural Concept “Buga / World” in the Evenk Worldview

The article is devoted to the description of the cultural concept “Buga / World” in the Evenk worldview.

The purpose of the article is a comprehensive study of the cultural concept “Buga / World” Evenk worldview. To study the structure of the linguacultural concept “Buga / World” reviewed a comparative dictionary of the Tungus-Manchu peoples, the Evenk-Russian dictionary of A.N. Myreeva, the Russian-Evenk dictionary of G.M. Vasilevich, the ethnographic materials of A.F. Anisimov, G.M. Vasilevich, A.I. Mazin and materials authentic texts records during the expedition.

At present, there are no works devoted to the concept “Buga / World” in the Evenk linguistic worldview, which would have a linguistic and cultural approach to the study of the concept. This explains the novelty of this study. The cultural concept “Buga / World” is closely interconnected with the concepts “shijken / hunting happiness”, “Main / Fate”, “Omi / Soul”. These concepts reflect the nationally specific feature of the concept sphere of the Evenk linguistic culture. They are interdependent. The natural component is the main one in the structure of these concepts, as evidenced by the above ethnographic materials and lexicographic materials of dictionaries.

Keywords: linguistic picture of the world, concept, Evenk language, Buga, World, nature

А.С. Жулева

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.012
УДК 821.554

Время–пространство в романе Юрия Рытхэу «Белые снега»

В статье определена роль категории пространственно-временного единства в построении композиции, развитии сюжета и в создании образов романа, а также выявлена значимость хронотопа в раскрытии сферы смыслов.

Цель статьи – анализ художественных категорий пространства и времени в романе Юрия Рытхэу «Белые снега». Выявление принципов функционирования и модификации хронотопа в процессе становлении литератур народов Севера.

На материале романа чукотского писателя Юрия Рытхэу «Белые снега» исследуется, как хронотоп, будучи знаковой системой, соединяющей разные семантические коды (исторический, географический, мифологический, религиозный, культурный) раскрывает картины мира автора и героев, способствует отражению этномира в период аккультурации. Сопоставлены мифологический хронотоп (с циклическим временем) и исторический (с линейным временем), раскрыто их воздействие как двух типов мировосприятия на основной мотив, композицию и развитие сюжета, коллизии и аллюзии, литературные образы. Отмечена доминирующая роль пространственных представлений в мифологическом хронотопе. Выявлено, что в реальной жизни древнего чукотского народа (жил на Чукотке в эпоху неолита) на раннем этапе эволюции существовал период неразделения категорий времени и пространства, временные отношения передавались пространственными обозначениями, о чем свидетельствует обращение к тезаурусу чукотского языка.

При создании произведения Рытхэу опирался на пространственно-временную композицию, этот особый осознанный художественный прием, активно используемый в русской и европейской литературе. При сопоставлении восприятий времени и пространства в разных культурах нам важно как выявить сами свойства «здесь» и «теперь», так и сопоставить разные законы бытия.

Ключевые слова: пространство, время перемен, мифологический хронотоп, роман Ю. Рытхэу, семантика, образы, этномир

Введение. Являясь фундаментальным понятием бытия, а в литературоведении – парадигмой, имеющей объяснительный потенциал, хронотоп выполняет синтезирующую функцию как во внутренних закономерностях построения

произведения, так и в осмыслении исторической эпохи, этнической картины мира, мировоззрения автора и героев. Осмысление и конкретизация художественного хронотопа в зародившейся и активно развивавшейся в XX в. и про-

должающей свое развитие, хотя и не столь активно в настоящее время, чукотской литературе представляется актуальной и значимой целью. Наполненное семантическими кодами информационное поле категории время–пространство в этой уникальной литературе – мало изученный объект исследования в литературоведении. Недостаточно проявлено, например, как объективируются в произведениях смыслы через их пространственно-временное выражение разных форм, как хронотоп способствует раскрытию характеров, решению нравственно-философских и бытовых проблем в различных условиях социокультурных перемен.

Мифологический хронотоп (время–пространство), в котором время циклично и тесно связано с пространством, активно присутствовавший как в фольклоре и эпосе, так и в сознании народов Севера еще в начале XX в., стал в зарождающихся литературах их составной частью. Развивавшиеся не без влияния русской классики, нередко с поддержкой русских писателей и поэтов, уникальные литературы отразили сложный процесс приобщения к инокультуре. В литературе народов Севера запечатлены и встречи мифологического хронотопа с историческим, содержащим линейное время.

Для исследования был избран роман «Белые снега» чукотского писателя Юрия Рытхэу [Рытхэу, 1975], написанный на русском языке в семидесятых годах XX в., но отражающий историческое время конца 20 – 30-х годов этого мятежного и памятного века, в которое происходили поворотные изменения в материальной и духовной жизни коренных жителей Чукотки. Проведен контекстный анализ этнокультурного, исторического материала, связанного с эстетико-философской категорией хронотопа, который творчески представлен чукотским автором в романе.

Материалы и методы. Междисциплинарная методология работы определена спецификой темы и диктует обращение к этнологическим, историческим исследованиям, а также к наработкам в истории литератур малочисленных народов Севера и психоанализа. Используются литературно-теоретический, мифологический, герменевтический подходы, элементы структурного метода.

В ходе исследования осуществлялась опора на теоретико-методологические принципы ис-

следования пространства–времени в работах как российских исследователей (М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Топорова), так и зарубежных (Э. Кассирера, М. Хайдеггера, М. Элиаде, Т. Мюллера).

Проанализированы работы североведов по данной теме, в частности, этнологические исследования В. Богораза о пространственных и временных представлениях чукотского народа, фольклорные и лингвистические материалы по заданной теме П. Скорика, этнолого-исторические исследования И. Вдовина, Л. Хомич, литературоведческие работы А. Пошатаевой, Ю. Хазанкович, а также исследования литературного хронотопа В. Хализева, Н. Шутая.

Ссылаясь на «Трансцендентальную эстетику» И. Канта и на доклад биолога А. Ухтомского (1925 г.), в котором тот впервые использовал термин «хронотоп», М. Бахтин обосновал возможность осваивать взаимосвязь временных и пространственных отношений в литературоведении. В работе «Формы времени и хронотопа в романе» он писал: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп». [Бахтин, 1975: 234] В хронотопе, по Бахтину, имеется в виду одновременно духовная и материальная реальность, в центре которой находится человек. Он выделял аксиологичность пространственно-временного единства, при этом принципиально выражение личностного начала, своей индивидуальной позиции, смыслонаполненности. Согласно Бахтину, вступление в сферу смыслов совершается «только через ворота хронотопа». В литературном хронотопе Бахтин более значимое место определял для времени.

Следует отметить, что в реальной жизни древнего чукотского народа (жил на Чукотке в эпоху неолита) на раннем этапе эволюции существовал период неразделения категорий времени и пространства. Обращение к тезаурусу чукотского языка позволило выявить слова, значение которых подтверждает предположение о том, что, возможно, в чукотском языке изначально существовал хронотоп, в котором временные отношения передавались пространственными обозначениями. Например, в чукот-

ском словаре [Инэнликэй, 1982: 134] слово «ынкы» переведено на русский язык как «там, тогда», слово «ынкагнэты» – «до тех мест, до того места; до тех пор, до того времени». Таких архаических примеров можно отыскать немало в чукотском языке.

Пространство и время в чукотской литературе тесно связано с мифологическими представлениями о мире. Мифологическое время чукотского народа, подчиненное законам мифопоэтического мышления, было цикличным. Это представление существовало в жизни и быту еще и в тридцатые годы XX века. В чукотской литературе, как и в других литературах народов Севера, отразился процесс изменения представлений о времени, когда оно стало двигаться уже не по кругу, не по спирали, а линейно.

В современном литературоведении категория время–пространство осмысливается как знаковая система, соединяющая в себе разные семантические коды. Среди них выделяются исторический, культурологический, философско-эстетический, религиозно-мифологический, географический. Эти коды образуют единое смысловое целое, раскрывающее как авторскую картину мира поэта или прозаика, так и особенности пространственно-временной организации самого произведения.

Раскрытие кодов предполагает в процессе изучения решение проблем восприятия, осмысления и интерпретации художественного дискурса произведений, активное применение герменевтического, семиотического анализа хронотопов литературы и культуры.

Идея культуры как знаковой системы – ведущая в теории семиотики Юрия Лотмана. Механизмы культуры настроены, согласно Лотману, на сохранение и передачу информации различными знаковыми системами. Раскодирование знаков хронотопа предполагает глубинное осмысление составляющих его категорий – времени и пространства.

Результаты. Особенностью категории «время» в литературах народов Севера, зародившихся в XX в., является изменение представлений о нем. Художественное сознание авторов выросло из бессознательного мифопоэтического мышления, в нем активно проявлялось влияние традиционного циклического времени, особого, безграничного. Постепенно укоренились пред-

ставления об упорядоченном линейном времени. Основа мифа – повторение, «пульсация» рождения–умирания. Мифологическое сознание старалось не знать временной длительности, дистантности настоящего, прошедшего и будущего. Год делился сначала на отрезки по сезонам зимних и летних кочевий, на два периода. Постепенно возникли названия месяцев, бытовавшие по крайней мере до середины прошлого века, которые были связаны с наиболее важными событиями в их хозяйственной жизни и явлениями природы. Солнце и луна являлись мерилем циклического времени. Первообразы «солнце» и «луна» как бинарные оппозиции света и темноты, тепла и холода, надежды и отчаяния, жизни и смерти вошли в роли главных героев в мифы, позднее нашли отражение в легендах и сказках, эпосе, активно реализовались в литературе. Эти первообразы, как и другие, возникшие на заре человечества, структурировали понимание мира, пробуждали творческую активность, проявлялись в фольклоре и литературе народов Севера, делая сакральное более действенным и реальным, а взаимосвязь различных эпох ощутимее.

Солнечный круговорот, циклическое изменение фаз луны – естественные ориентиры для измерения времени. Наблюдения за временами года, лунным циклом – все это связь человека с космическими событиями и проецируется в мифе о периодическом создании и рождении / трансформации / воскресении (по М. Элиаде) Вселенной.

Чукотские сказки, например, не знают предела во времени. Все в сказе начинается в правремена и движется по кругу, возвращаясь назад. Подобное явление присутствует и в ненецких сказках, и в эпосе: «Долго ли так живем, не припомню» (эпическая песня-сюдбац «Три Хэно»).

Исследование хронотопа в фольклоре и литературах народов Севера было сопряжено с обсуждением категорий «время» и «вечность» ненецкой и хантыйской литератур на Международных Ломидзевских чтениях, проводившихся 28–30 ноября 2005 года в Москве [Жулева, 2008: 284–291]. Были изложены основные подходы к постижению процесса зарождения литератур, выявлению, как авторская концепция времени накладывает отпечаток на эстетическую приро-

ду художественного произведения, каким образом связаны с ней повествовательное время, сюжетное и другие формы художественного времени.

В литературном хронотопе многоликое пространство – видимое и недоступное визуальному восприятию, физическое и трансцендентное, концептуальное и ассоциативное – является частью реального пространства и организовано как некоторое единство именно в нем. В художественной модели мира «пространство» нередко метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений. Художественное пространство – это своего рода авторская картина мира, которая запечатлена в языке его пространственных образов. Ю. Лотман в работе «Художественное пространство в прозе Гоголя» утверждал, что первичным и основным является язык пространственных представлений в художественном тексте. По мнению В.Н. Топорова, присущая тексту смысловая множественность вызвана прежде всего «пространственной многолинейностью означающих», из которых он создан.

На основе анализа пространственных и временных представлений народов Севера, литературного хронотопа в их литературах возникла гипотеза о смысловой множественности пространства и о пространственной многолинейности в этих литературах и, как следствие, о первичности пространства в литературном хронотопе. Изначально эта гипотеза была подтверждена на основе изучения ненецкой литературы. Исследуя художественное пространство в ненецкой литературе, важность его для индивидуального восприятия и для культуры северного народа, мы выявили, что в хронотопе этой литературы именно преобразованное пространство является первичным по значимости. В ходе исследования был сделан вывод, что художественное пространство, создаваемое ненецкими авторами, решает, кроме создания поэтических образов, передачи смысловой множественности текста, завуалированную и важную задачу – «преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую многонациональных читателей от малопонятного, чуждого им текста, поставить его на один с ним уровень и, таким образом, включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель» [Жулева, 2015: 101].

В процессе исследования мировидения чукотского писателя Юрия Рытхэу в разные периоды его творческого пути, этномира его героев на материале романов «Айвангу» и «В зеркале забвения», было выявлено, что философско-эстетическая категория «пространство» является важнейшей составляющей художественного мира писателя и его произведений. Метафорически пространство в названных романах нередко берет на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира [Жулева, 2018: 208–231].

Следует отметить, что, рассматривая время–пространство (хронотоп дороги (пути) в прозе народов Севера и Дальнего Востока, Ю.Г. Хазанкович на материале ряда произведений («Синий ветер каслания» мансийского писателя Ю. Шесталова, «Ханидо и Халерха» юкагирского прозаика С. Курилова, «Женитьба Кевонгов» В. Санги) определяла пространство как доминирующую категорию в хронотопе названных северных литератур [Хазанкович, 2017: 230–242].

В анализируемом нами романе «Белые снега» [Рытхэу, 1975] время–пространство играет важную роль в развитии сюжета, создании образов. Происходит изменение мировоззренческих представлений, столкновение разных культурных хронотопов.

В реальной жизни чукотского народа в 30–40-е годы XX в. наступил период освоения грамотности. Это были годы создания чукотского алфавита и первого чукотского букваря, время активной аккультурации: приехавшие на Чукотку русские учителя осваивали чукотский и эскимосский языки и основы культуры северных народов, а коренные жители Чукотки изучали русский язык и незнакомую им культуру. Одним из приемов и способов создания романа является достоверность. Реальные факты действительной жизни, будоражащие мысль, стали для Рытхэу материалом для художественного представления в романе. Документальные факты социокультурных перемен в жизни чукотского народа позволяют читателю представить реальность времени–пространства изображенной эпохи, а также своеобразие представлений о них. Писатель тонко ощущал самодвижение жизни, закрепил реальность в подробностях. Содержание романа позволяет восстановить судьбоносное

время в жизни чукотского народа. Документальные и вымышленные образы запечатлели, например, духовное становление личности в сложный период перемен.

Экспозиция перед завязкой романа представляет читателю реальный топос на северо-востоке азиатского материка – селение Улак (так именовал Рыхтэу место своего рождения и детства селение Уэлен в ряде произведений). Расположенное на прибрежной косе, оно является одним из самых древних поселений Чукотки. Не случайно главный герой произведения вспоминает рассказанную ему матерью легенду о былом времени в жизни народа, когда в этом суровом и холодном краю была природа совсем иной. Согласно легенде, «в давнюю старину» в здешних местах было тепло и приморский народ не знал нужды, потому что охотники промышляли морского зверя круглогодично. Берега были покрыты зеленой травой, и тундровые олени мирно паслись здесь, тучнее на богатых, никогда не истощающихся пастбищах. Приморские жители выходили в морскую даль, не знающую льдин, байдары, сшитые из моржовой кожи, легко скользили по теплой воде.

Одна из причин, по которой писатель привлекает в экспозиции прошлое время с иным климатом на прибрежной косе, – для своеобразно завуалированного представления основного мотива романа. Его суть в том, что человеческое единение, взаимопомощь, любовь – будущее, к которому следует стремиться. И об этом чукотский народ знал гораздо раньше, чем эти постулаты стали провозглашать строители нового общества, приехавшие на Чукотку. В те легендарные далекие времена чукотский народ был счастлив. Люди жили в дружбе и любви, а природные условия, которые их окружали их, соответствовали их нравственному уровню. Причина изменения климата, согласно легенде, кроется в появлении конфликта, который именуется «страшным». Два брата, два лучших охотника на побережье, славившиеся своей силой и удачливостью, поссорились. Один из них, разозлившись, ушел из родного селения, перенес ярангу в другое место. Ссора затянулась, и однажды, в пору темных ночей, люди вдруг увидели необычное: вместо теплого дождя с неба посыпалось что-то белое и холодное. Оно покрывало

гальку, зеленую траву, ложилось на желтые кожи байдар и на крыши яранг. Мудрые люди селения дали странному и немилосердному явлению определение: «Это гнева белые снега». Погружение в былые времена и иные климатические условия стало демонстрацией нравственного жизненного урока, с одной стороны, а с другой – проявлением романтических настроений самого автора в отношении поворотных перемен в жизни народа.

Автор вкладывает собственные представления о реальности бытования чукчей в годы перед его рождением и в годы детства в размышления юноши Пэнкока. Этого неграмотного охотника на морского зверя писатель уже в экспозиции ставит на ступень эпического героя, задумывающегося о судьбе народа, умеющего видеть уход от равенства в родовом сообществе и оценивать появившееся социальное неравенство. Он не формулирует оценку, а с высоты Сторожевой сопки периодически рассматривает жилища селения Улак. Пэнкок представляет читателю в процессе описания жилищ, по мере удаления взгляда в бинокль от Сторожевой сопки, социальную обстановку в селении. И этот взгляд не только героя, но и автора, сформированный как собственным жизненным опытом в селении, так и воспоминаниями современников об означенных годах, которыми были не только родственники. Уровень жизни каждого человека в селении определен возможностями построить себе жилище и обеспечить себя пропитанием, что зависело от наличия вельботов и байдар. Единственная огромная яранга Омрылькота, владеющего двумя вельботами и тремя байдарками, свидетельствовала о его могуществе и силе. Его герой называет «как бы старейшиной села». Отмечает он и то, что в яранге Омрылькота висит три полога, и в каждом из них располагается одна из трех жен с детьми. Отмечены героем и яранги, где есть удачливые охотники, имеющие байдары. В большинстве же яранг, по его мнению, живут хоть и трудолюбивые, но не всегда защищенные от зимнего голода люди. В их число отнес и свою ярангу, вспомнив, как в одну из зим вся его семья страдала от голода. На пространных селения ближе к лагуне располагались беднейшие яранги, где жили потерявшие стада оленеводы. Среди них были и переселен-

цы с побережья Ледовитого океана, где люди часто голодали и даже вымирали целыми селениями. Так образное изображение автором в экспозиции пространства селения в обозначенный им период времени становится смыслообразующим художественным хронотопом, предваряющим развитие событий романа.

Хронотоп становится своеобразной сущностью, определяющей несвойственные их предкам действия, поступки героев. В духе реализма созданы в романе образы приобщающихся к иной культуре героев. Одним из главных персонажей, осваивающих культуру, быт, чукотский язык является учитель Петр Сорокин, прототипом которого стал один из разработчиков чукотского алфавита и создателей чукотского букваря, автор русско-чукотского словаря и учебных книг по изучению чукотского языка Петр Яковлевич Скорик.

Молодой учитель Петр Сорокин приехал в селение Улак (так называет автор селение Уэлен, в котором он родился и учился, здесь же работал в школе П.Я. Скорик) вместе с учительницей Еленой Островской, которую определили в соседнее эскимосское селение Нуукэн (в реальности это эскимосское селение Наукан, жители которого позднее были переселены в разные села). Судя по первому письму Петра Сорокина своей матери, которое он отправил с привезшим его пароходом (других возможностей отправить письмо в ближайшее время не ожидалось из-за отсутствия почтовой связи), его знания о Чукотке и ее жителях, чукчах и эскимосах, были ограничены сведениями из книг Джека Лондона и обрывочными рассказами моряков, наполненные не всегда позитивными мнениями малосведущих людей о местных жителях. Но Петр Сорокин, как и его коллега Елена Островская, охвачены романтическими идеями о глобальном изменении жизни северных народов, далеких от знакомой им цивилизации. Среди задач, которые они должны были решать, было приобщение детей и взрослых сначала к грамоте на русском языке, поскольку отсутствовала письменность и учебные книги на чукотском и эскимосском языках, а также организация нового общественного порядка. Первые учителя представлены так, как поступал реальный прототип Петра Сорокина – Петр Яковлевич Скорик. Они активно стали изучать

разговорный чукотский и эскимосский языки, участвовали в создании местных советов. Они наблюдали со стороны за вековыми традициями, пытались понять их суть и значимость для северных народов. В произведении ясно звучит голос автора, его сомнения в резком отказе от вековых традиций и даже быта. Однако решение задач обучения грамоте и создания алфавита оценивается автором высоко и явно поддерживается как путь приобщения северных народов к мировой цивилизации.

Главный герой произведения Пэнкок, чукотский юноша, устремленный к знаниям языков и новой для него культуре без отказа от своей, проникнутый желанием стать учителем, представлен своеобразным вариантом мифологического, сказочного героя. Он обеспокоен будущим своего народа, смело отправляется в неизвестные края на учебу. Им восхищаются жители Улака, удивляются его решительности преодолеть препятствия неизведанного пути в незнакомое для них пространство.

Хронотоп этого персонажа перекликается по форме с хронотопом Петра Сорокина, содержит бинарную оппозицию «свое–чужое». И неизведанные дела нового времени, и чуждое пространство и окружение постоянно держат героев в напряжении, ставят перед выбором поведения. Хронотоп, участвуя в сюжете и композиции произведения, участвует в создании образов, высвечивая характер героев.

Поставив своей целью обучение грамотности чукчей, создание чукотской письменности на русской графической основе, Петр Сорокин проявляет чудеса жизненной и творческой активности, сотрудничает с Вэипом (так называли чукчи этнографа и фольклориста В.Г. Богораза). Для молодого учителя Сорокина перед приближением нового года встала непростая задача объяснения необычного как для детей, так и для взрослых летоисчисления, смены года и календаря. Отсутствие в мифологическом сознании персонажей, имеющих циклическое видение времени, линейного представления о нем вызвало немало курьезных вопросов, обращенных к учителю. «Откуда придет Новый год?» – спрашивали его и просили, чтобы он назвал место для встречи с ним, уточняя, с какой стороны придет, пешком или на собаках. В разговоре с учителем учивший русский язык юноша Пэнкок

уточнил, что все в селении только об этом и говорят. Некоторые предполагают, что придет особый человек и привезет его, этот год. Он познакомил учителя с мнением шамана Млеткына: «Шаман показал мне железное стучащее сердце (речь идет о наручных часах) и сказал, что оно отмеряет протяжение жизни. Тангитаны (так называли приехавших издалека людей разных национальностей, не живущих на Севере) любят измерять все. Научились и это делать. День они меряют не только на утро, полдень и вечер, но и на мелкие кусочки. Млеткын сказал, это для того, чтобы всем хватило». Следует отметить, что представленное объяснение деления времени с помощью часов не является фантазией шамана. Оно ассоциируется с подробным делением дня в зависимости от положения на небосклоне солнца. Своеобразный «солнечный день» чукотского оленевода описан и зарисован как компас в полевых записях Богораза в книге «Чукчи». Все время суток в нем распределено в зависимости от положения солнца на небосклоне, отражает символическую борьбу света с темнотой и содержит подобное часовому разделению на более двадцати частей. Среди них, например: «полночь миновала» (середина ночи миновала); «приблизился рассвет» («свет прорвался наружу»); «темнота ушла»; «хорошо рассвело», «солнце поднялось (к вершине)»; «солнце стало низким», «все еще день» (начало вечерней зари) [Богораз: 1939, Т.2, 15].

В романе Рытхэу описал своеобычное восприятие чукотскими персонажами незнакомо им праздника «Встреча Нового года». Пэнкок решил «поймать» или хотя бы увидеть Новый год. Для этого он вместе с девушкой Йоо отправился на Сторожевую сопку. Они долго смотрели на небо в ожидании неведомого и загадочного года, от которого смутно ждали чего-то большого и радостного. Своеобразным было предположение героя, что, возможно, Новый год спустился незаметно для них вместе с появившимся на небе необычно ярким полярным сиянием, огромные световые столбы которого подпирали небо, как бы стремясь поднять его еще выше.

Представляется, что картины действительности, восприятие категорий времени и пространства актуальны для раскрытия мировоз-

зрения целого народа и заслуживают глубокого анализа. Выполняя синтезирующую функцию в романе, хронотоп способствует углубленному пониманию внутреннего мира автора и героев благодаря раскрытию системы взаимодействия человека с окружающей действительностью. Герои произведения – охотники прибрежного селения Улак – владеют широкими знаниями окружающего пространства. Они умеют предсказывать погоду по цвету и виду облаков, по направлению их движения, по ветру, его силе и запаху, по освещению вершин дальних и ближних гор. Направление морского течения охотники и рыболовы легко узнают по цвету самой воды.

Пространство Севера таит в себе грозную силу, проявление которой может зависеть даже от звуков, издаваемых случайно или преднамеренно. Рытхэу использует эти хорошо известные ему особенности для развития сюжета и создания трагической ситуации, для высвечивания характера героев, их социальной убежденности. Имевший большое влияние среди жителей селения Улак шаман Млеткын не возражает против обучения грамоте, понимая создавшуюся ситуацию, но хочет, чтобы обучили только его. Увидев укрепление власти других, он решает воспользоваться знанием опасности одного из участков дороги в Нуукэн и расправиться с Пэнкоком и Сорокиным во время их поездки. Их путь пролегал под мрачными скалами, по кромке льда. Еле видимые нартовые следы то прижимались вплотную к черным камням, то уходили в море, петляя меж торосов и голубых обломков айсбергов. В обнажениях скал светились мерзлые потоки, а в углублениях, в темных ущельях, лежал вековой, затвердевший до ледяного снег. Кое-где над дорогой «угрожающе нависали и зловеще курились дымком снежные козырьки». Любой громкий звук мог вызвать лавину снега, способную погрузить в небытие и упряжку, и людей. Шаман подстерег путников и выстрелом, а потом и криками обрушил снег со скал. Лавина прокатилась до самого низа, отдельные глыбы слежавшегося снега достигли далеких торосов. По счастливой случайности упряжка успела проскочить опасное место. Опытный вожак ускорил бег, почувствовав опасность. Представленная автором коллизия – отражение существо-

вавшего среди жителей Чукотки сопротивления социально-культурным переменам.

Наполнен трагическим содержанием и другой конфликт, возникший в романе на почве столкновения пространственно-временных представлений героев о жизненном пути, в которых присутствует оппозиция жизнь / смерть. Героиня романа, мать Пэнкока, долго болевшая туберкулезом, очень любила сына и не хотела быть ему в тягость. Она считала себя виновной в том, что Пэнкок не может уйти из своей яранги в семью своей невесты и отрабатывать за нее в их яранге в течение двух лет в качестве безропотного помощника отца невесты. Женщина предложила сыну облегчить ей «путь сквозь облака». От этих ее слов волосы шевельнулись на голове Пэнкока. Матерью была произнесена священная просьба, пренебречь которой значило отречься от закона предков, от последнего сыновнего долга. Эти слова значили, что Пэнкок должен задушить свою мать. Он обратился с просьбой помочь спасти мать, отговорить ее от такого страшного решения. Сорокин объяснил, что по новым законам за такие действия будут судить и предложил поехать к коллеге в Нуукэн, чтобы она, окончившая медицинские курсы, попыталась помочь больной женщине. Размышляя о решении еще молодой, но безнадежно больной (в то время еще не было лекарств от этой болезни) матери Пэнкока, учитель пытался понять ее решение. По его мнению, быть может, в свое время этот добровольный уход из жизни людей, уже не приносящих пользу окружающим, выражал высшую степень человеческого самопожертвования. Человек уходил, зная, что доля его пищи, тепла, места в пологе яранги достанется тому, кто поможет поднимающемуся поколению. Но наступили уже другие времена, когда проблема голода отступила. Шаман же стал убеждать Пэнкока: «Мы переживаем трудное время. С одной стороны, новый закон надо принимать. А с другой – готовы ли мы вот так сразу понять все тангитанские обычаи? Подумай, Пэнкок, подумай как следует... Мать твоя дала слово. Если она умрет своей смертью до свершения обряда, что ее ждет там, за облаками? Презрение и страдания! Неужто ты хочешь вот так вознаградить ее за земные мучения?» Пэнкок был полон горестных и трудных размышлений. Он выбрал поездку вместе с Соро-

киным за помощью в Нуукэн. Однако по возвращении они узнали, что женщина сама выполнила произнесенное ею и предназначенное высшим силам слово о добровольном уходе. Шаман провел обряд, «поговорил с ней» и успокоил Пэнкока и окружающих, что она не держит ни на кого зла. Кивнув в сторону неба, он сказал, что ее там хорошо встретили. В качестве доказательства была ссылка на выглянувшее солнце и утихший ветер.

Представленная в романе трагическая ситуация являет собой отражение мировидения чукотского народа, синкретизма человека и природы, сакрального воздействия мифов, устойчивости обрядов.

Обсуждение и заключение. В процессе исследования хронотопа в романе «Белые снега» как категории исторической поэтики было сделано следующее:

- выявлены особенности взаимосвязи пространства и времени в различных формах хронотопа, определена его значимость в раскрытии «сферы смыслов»;
- отмечена доминирующая роль пространственных представлений в мифологическом хронотопе;
- сопоставление хронотопов позволило высветить их роль как компонентов образной системы романа, как текстового контента, способствующего раскрытию мировоззрения автора, картины мира персонажей произведения;
- при создании произведения Рытхэу сопоставляет разное восприятие времени и пространства с целью выявить свойства «здесь» и «теперь», равно как и сопоставить разные законы бытия. Сюжет романа «Белые снега», его основной мотив, коллизии и аллюзии, литературные образы выстроены под воздействием двух типов мировосприятия, двух хронотопов – циклического и линейного;
- проанализированные в процессе исследования картины действительности в романе позволили высветить этническую специфику мировидения и особенности бытования чукотского народа в конкретный отрезок времени;
- обозначено наличие общих свойств категории время–пространство в чукотской, ненецкой и в ряде других литератур народов Севера;
- информационное поле хронотопа в романе конкретизируют разнообразные семантические

коды: исторический, религиозно-мифологический, культурологический, эстетический. Все вместе выделенные коды образовали единое смысловое целое, дающее представление как о своеобразной авторской картине мира, об особенностях пространственно-временной организации произведения, так и об эволюции художественного сознания, трансформации мировоззрения северного народа;

– раскрытие кодов предполагает в процессе изучения решение проблем восприятия, осмысления и интерпретации художественного дискурса произведений, активное применение герменевтического, семиотического анализа хронотопов литературы и культуры.

Полученные результаты, а также используемые методы могут быть рекомендованы как для последующих исследований категорий пространства и времени и форм хронотопа, так и для определения их функциональности в литературах малочисленных коренных народов Севера и Северо-Востока, так и для углубленного осмысления издревле формировавшейся самобытной картины мира каждого из них.

Список литературы:

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-240.

Богораз В.Г. Религия // Чукчи: монография. Часть II. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 206 с.

Богораз В.Г. Социальная организация // Чукчи: монография. Часть I. Ленинград: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. 224 с.

Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 403 с.

Жулева А.С. Категории «время» и «вечность» как факторы исторической поэтики в ненецкой литературе // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ. Теория. История. Проблемы современного развития: Материалы Международной научной конференции. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 284-291.

Жулева А.С. Мифопоэтика пространства в романах Юрия Рытхэу // *Studia Litterarum*. 2018. Т.3. № 3. С. 208-231.

Жулева А.С. Поэтика пространства в ненецкой литературе // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Выпуск 5. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 97-154.

Кассирер Э. Философия символических форм. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 2. 280 с.

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического мастерства: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251-293.

Мюллер Тимо. Экология литературных хронотопов // Справочник экокритицизма культурной экологии [Пер. с нем.]. Берлин де Грюйгер, 2016. С. 509-604.

Попова И.Л. Историческая поэтика в теоретическом освещении. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 204 с.

Пошатаева А.В. Литература народов Севера (Истоки. Становление. Развитие). М.: Наука, 1988. 168 с.

Рытхэу Ю.С. Белые снега. М.: Современник, 1975. 280 с.

Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Л.: Наука, 1977. 76с.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Современник, 1983. С. 227–284.

Хазанкович Ю.Г. Время-пространство в прозе малочисленных народов Севера // *Studia Litterarum*. 2017. Т.2. № 2. С. 230-242.

Хайдеггер М.М. Искусство и пространство [Перевод В. Библихина] // Самосознание культуры и искусства XX века. М., 2000. С. 105-109.

Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2004. С. 183-233.

Хомич Л.В. Ненцы. СПб: Изд-во Дрофа, 2003. 123 с.

Шутая Н.К. Типология художественного времени и пространства в русском романе XVIII-XIX вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 36 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Словари:

Инэнликэй П.И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. Л.: Просвещение, 1982. 328 с.

References:

Bahtin M.M. *Formy vremeni i hronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on Historical Poetics]. *Voprosy literatury i estetiki* [Literature and Aesthetics]. Moscow: Fiction, 1975. Pp. 234–240. (In Russian)

Bogoraz V.G. *Religija* [Religion]. *Chukchi: monografija. Chast' II* [Chukchi: monograph. Part II]. Leningrad: Main Directorate of the Svernoe Sea Route Publ., 1939. 206 p. (In Russian)

Bogoraz V.G. Social'naja organizacija [Social organization]. *Chukchi: monografija. Chast' 1* [Chukchi: monograph. Part I]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR Publ., 1934. 224 p. (In Russian)

Hajdegger M.M. Iskusstvo i prostranstvo. Perevod V. Bibihina [Art and space. Translated by V. Bibikhin]. *Samosoznanie kul'tury i iskusstva XX veka* [Self-awareness of culture and art of the XX century]. Moscow, 2000. Pp. 105-109. (In Russian)

Halizev V.E. *Teoriya literatury* [Literature theory]. Moscow: Higher school Publ., 2004. Pp. 183-233. (In Russian)

Hazankovich Ju.G. Vremja-prostranstvo v proze malochislennyh narodov Severa [Time-space in the prose of the small ethnic groups of the North]. *Studia Litterarum* [Студия Литтерарум]. 2017. Volume 2. № 2. Pp. 230-242. (In Russian)

Homich L.V. *Nency* [Nenets]. St. Petersburg: Drofa Publ., 2003. 123 p. (In Russian)

Injenlikkej P.I. *Slovar' chukotsko-russkij i russko-chukotskij* [Chukchi-Russian and Russian-Chukchi Dictionary]. Leningrad: Education Publ., 1982. 328 p. (In Russian)

Jeliade M. *Svjashhennoe i mirskoe* [Sacred and worldly]. Moscow: Moscow State University. M.V. Lomonosov Publ., 1994. 144 p. (In Russian)

Kassirer Je. *Filosofija simvolicheskikh form. Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of symbolic forms. Mythological thinking]. Moscow; St. Petersburg: University Book Publ., 2002. Volume 2. 280 p. (In Russian)

Lotman Ju. M. Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja [Artistic space in Gogol's prose]. *V shkole pojeticheskogo masterstva: Pushkin. Lermontov* [At the school of poetry: Pushkin. Lermontov]. Moscow: Education Publ., 1988. Pp. 251-293. (In Russian)

Mjuller Timo. *Jekologija literaturnyh hronotopov* [Ecology of literary chronotopes]. *Spravochnik jekokriticizma kul'turnoj jekologii. Perevod s nemeckogo* [Cultural Ecology Eco-Criticism Handbook. Translation from German]. Berlin de Gruyter, 2016. Pp. 509-604. (In Russian)

Popova I.L. *Istoricheskaja pojetika v teoreticheskom osveshhenii* [Historical poetics in theoretical coverage]. Moscow: Institute of World Literature named after A.M. Gorky Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 204 p. (In Russian)

Poshataeva A.V. *Literatura narodov Severa (Istoki. Stanovlenie. Razvitie)* [Literature of the peoples of the North (Origins. Formation. Development)]. Moscow: Science Publ., 1988. 168 p. (In Russian)

Rythjeu Ju.S. *Belye snega* [White snows]. Moscow: Contemporary Publ., 1975. 280 p. (In Russian)

Shutaja N.K. *Tipologija hudozhestvennogo vremeni i prostranstva v russkom romane XVIII-XIX vv.: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Typology of artistic time and space in the Russian novel of the XVIII-XIX centuries: Author's abstract of the dissertation ... Doctor of Philological Sciences]. Moscow, 2007. 36 p. (In Russian)

Skorik P.Ja. *Grammatika chukotskogo jazyka* [Chukchi grammar]. Leningrad: Science Publ., 1977. 76 p. (In Russian)

Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Contemporary Publ., 1983. Pp. 227-284. (In Russian)

Vdovin I.S. *Ocherki istorii i jetnografii chukchej* [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moscow; Leningrad: Science Publ., 1965. 403 p. (In Russian)

Zhuleva A.S. Kategorii "vremja" i "vechnost'" kak faktory istoricheskoy pojetiki v neneckoj literature [Categories "time" and "eternity" as factors of historical poetics in Nenets literature]. *Mezhdunarodnye Lomidzevskie chtenija. Izuchenie literatur i fol'klora narodov Rossii i SNG. Teorija. Istorija. Problemy sovremennogo razvitija: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [International Lomidze Readings. Study of literatures and folklore of the peoples of Russia and the CIS. Theory. Story. Problems of Modern Development: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow: Institute of World Literature named after A.M. Gorky Russian Academy of Sciences Publ., 2008. Pp. 284-291. (In Russian)

Zhuleva A.S. Mifopojetika prostranstva v romanah Jurija Rythjeu [Mythopoetics of space in the novels of Yuri Rytkheu]. *Studia Litterarum* [Studio Literarum]. 2018. Volume 3. № 3. Pp. 208-231. (In Russian)

Zhuleva A.S. Pojetika prostranstva v neneckoj literature [Poetics of space in Nenets literature]. *Istorija nacional'nyh literatur. Perechityvaja i pereosmyslivaja* [History of national literatures. Rereading and rethinking]. Moscow: Institute of World Literature named after A.M. Gorky Russian Academy of Sciences Publ., 2015. Pp. 97-154. (In Russian)

Time-Space in the Novel by Iuri Rytkheu “White Snows”

The article defines the role of the time-space unity category in the composition, the development of the plot and in creating the characters of the novel and reveals the significance of the chronotope in the disclosure of the sphere of meanings.

The purpose of the article is to analyze the artistic categories of space and time in the novel by Iuri Rytkheu “White Snows”. The principles of functioning and modification of the chronotope are revealed in the process of the North peoples literatures formation. On the basis of the novel by the Chukchi writer Iuri Rytkheu “White Snows” it is investigated as a chronotope, being a sign system that connects different semantic codes (historical, geographical, mythological, religious, cultural) reveals the worldview of the author and heroes. It contributes to the reflection of the ethnic world during the period of acculturation. The mythological chronotope (with cyclical time) and historical (with linear time) are compared, their impact as two types of world perception on the main motive, composition and development of the plot, collisions and allusions, literary images is revealed. The dominant role of spatial representations in the mythological chronotope is noted. It was revealed that in the real life of the ancient Chukchi people (lived in Chukotka in the Neolithic Era), at the early stage of evolution, there was a period of non-division of the categories of time and space, temporal relationships were transmitted by spatial designations, as evidenced by the appeal to the thesaurus of the Chukchi language. When creating the work Rytkheu relied on the time-space composition, this special deliberate artistic technique actively used in Russian and European literature. When comparing the perceptions of time and space in different cultures, it is important for us both to identify the very properties of “here” and “now” and to compare different laws of being.

Keywords: space, time of changes, mythological chronotope, novel by Iu. Rytkheu, semantics, images, ethnomir

Н.А. Соломонова

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.013

УДК 398.8(571.6)

Незабываемые эпизоды полевых экспедиций

Статья посвящена анализу полевых материалов, собранных в регионе юга Дальнего Востока России, в Ульчском районе Хабаровского края. В результате поездок в с. Богородское и с. Булава удалось собрать и исследовать ряд образцов музыкальной культуры ульчского этноса – песенные и инструментальные жанры, а также музыкальные инструменты.

Цель статьи – охарактеризовать особенности музыкальных жанров тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Дальнего Востока, показать роль личности в художественном творчестве этих народов.

Источниками исследования послужили экспедиции 1975, 1977 гг., совершенные автором, П.Я. Гонтмахером и сотрудниками музыкальной редакции Хабаровской студии телевидения. Работа осуществлялась под руководством ведущего ученого-этнографа Ю.А. Сема. А также записи ульчских народных песен, сделанные композитором Н.Н. Менцером. Методы исследования: сравнительно-исторический, системно-типологический, семантический.

© Соломонова Н.А., 2021

В результате исследования были выявлены общие и особенные черты в музыкальных жанрах тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов региона Дальнего Востока России. Сущность духовного мира личности в аспекте художественного творчества показана впервые на примере деятельности двух замечательных представителей ульчской культуры П.В. Лонки и П.Л. Дечули. Научная новизна статьи состоит в том, что впервые музыкальные жанры соотнесены с ритуалами тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Дальнего Востока, кроме того, приводится информация о творческих личностях ульчей.

Ключевые слова: ульчи, обряды, обрядовые речитации, песенные жанры, инструментальные жанры, музыкальные инструменты, творчество

Введение. Научные центры Сибири и Дальнего Востока занимаются фундаментальными проблемами изучения культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Якутский Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера является центром изучения этнографии и фольклора народов Центральной, Восточной Сибири и Дальнего Востока, поддерживающим связи с Новосибирском, Улан-Удэ, Хабаровском, Владивостоком и Южно-Сахалинском. Институт истории, археологии и этнографии РАН также исследует дальневосточную тематику. В рамках этого содружества они уделяют большое внимание значимости экспедиционных материалов, собранных в сложных полевых условиях. Поскольку в настоящее время постепенно исчезают целые пласты традиционной музыкальной культуры и уходят ее знатоки, важную роль приобретает обращение к полевым материалам, собранным нами в течение тридцати лет. Богатый экспедиционный материал по музыкальной культуре народов Дальнего Востока был собран также А. Айзенштадтом, Н. Менцером, И. Богдановым, Ю. Шейкиным, А. Тарасенко, Т. Булгаковой, Н. Мамчевой, С. Мезенцевой и др.

Изучением традиционных обрядов народов Дальнего Востока занимались видные российские ученые XX–XXI вв.: Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг, Ю.А. Сем, И.С. Вдовин, Е.А. Крейнович, И.С. Гурвич, А.В. Смоляк, П.Я. Гонтмахер, А.С. Старцев, Е.А. Гаер, С.В. Березницкий, В.В. Подмаскин, С.Н. Скоринов, Т.Ю. Сем, Г.А. Отаина, Н.А. Соломонова и др.

Материалы и методы. Из всего богатого спектра народной музыки региона мы в данной статье выбираем только один вид, связанный с проведением некоторых обрядов и обрядовых праздников, т.к. именно он при знакомстве с культурными традициями произвел на нас глу-

бокое впечатление в далеком 1975 году. Дело в том, что автор настоящей статьи благодаря своей маме, солистке-вокалистке, выпускнице Московской консерватории, провела детство в стенах Хабаровского краевого радиокомитета и воспринимала лучшие образцы русской и европейской музыкальной культуры. После классического консерваторского образования знакомство с обрядами стало для нас открытием нового мира, совсем иной культурной традиции, другой реальности.

Исследование осуществлено при помощи сравнительно-исторического, сравнительно-типологического и семантического методов исследования. Основными источниками для данной работы послужили полевые материалы автора 1975 и 1977 гг. в п. Булава и Богородское, а также материалы из работ российских исследователей XX – XXI вв.

Своеобразный слой песенного творчества у народов Дальнего Востока был связан с культом близнецов. Он был известен многим народам Евразии. Л.Я. Штернберг впервые выявил его у нивхов, позднее у ульчей – А.М. Золотарев. У ульчей он распространялся не только на самих близнецов, но и на их мать, считавшуюся необыкновенной женщиной, родившей «таежного человека» и «водяного человека». На нее напал «род кликушества или истерии», и, аккомпанируя себе на бубне, она начинала петь о «дороге близнецов», обретая во время пения нормальное психическое состояние [Золотарев, 1939: 142]. П.В. Лонки наблюдал, как совершала подобный ритуал его мать, Панюка Лонки: она в состоянии беспамятства падала на пол, билась головой, руками, после чего пела:

Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е, хэйэ-е-е
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е, хэйэ-е-е
Ларгиндеи баказамбу
Хэйэ-е-е

Хурэндүлэ энүдюи
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е
Дуэнтэлэ энүдюи
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е
Ила хуру дувани агбунда
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е,
Уму хурэ дуэдуни
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е,
Сэнкурэ удядай
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е, хэйэ-е-е,
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е, хэйэ-е-е

Болезнь себе «прекрасную» нашла
В тайге себе болезнь
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е
В горах себе болезнь
Три сопки края показались
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е,
В конце одной горы
Багульником ударяют
в бревно
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е, хэйэ-е-е,
Хэйэ-е-е, хэйэ-е-е, хэйэ-е-е¹

Текст песни воспроизводится не полностью, тип напева – речитационный. В ней говорится о том, что мать близнецов попала в тайгу и жила там в шалаше из цветов. В тайге она слушала игру на звуковом бревне. После этого она попала в горы. За время своего путешествия она вступила в брачные отношения с медведем. Много ей удалось увидеть и испытать до возвращения домой.

Кульг близнецов учёные также исследовали и у нанайцев, ороков, орочей, некоторых народов Северо-Востока [Гонтмахер, 1999].

У коренных этносов юга региона нами зафиксированы вокальные обрядовые плачи, например, у ульчей плачи по утопленнику *сонгоу*. Если находили тело утопленника, его опускали в могилу без гроба. В нескольких десятках метров от могилы на тальниках вешали ритуальные стружки, разбивали его лодку. На месте, где он утонул, плавали в лодке молодые мужчины, а отец его (или родственник) обращался в это время к хозяину воды с протяжной мольбой о помощи. После похорон и первых поминок вдова речитировала плач на могиле своего мужа. У на-

найцев вокальные плачи также исполняли женщины. Это песня-плач по покойнику *буйкинивэ сонгор* и также плачи-просьбы о примирении родов друг с другом *камичами сонгори*, плачи сострадания и сочувствия *гудиэсимисонгори*, вокальный хвалебный плач *мактами сонгори*², исполнявшийся на свадьбе матерью невесты. У нивхов плачи *черионд* звучали перед сожжением покойного [Штернберг, 1933].

У оленных чукчей особые речитации были приурочены к первому осеннему забою оленей. Они носили название *мнэгыргын* и были связаны с отправлением души убитого оленя в «стадо верхнего народа, предков». Исполняли их мужчины в дневное время, сменяя друг друга, а вечером и ночью под бубен интонировала девушка, как бы усыпляя отправившуюся наверх душу убитого животного [Вдовин, 1977: 160]. На празднике совершался обряд веселения важенков, у которых убили телят, игрой на бубне, т. к. считалось, что это их утешит и развеселит. Ударами в бубен также встречали возвращавшихся с летовки оленей.

Песни и танцы сопровождали и другие обряды чукчей, коряков и эскимосов, посвященные спуску первой байдары, лову первой нерпы, первого кита, первого лахтака, добычи медведя или волка, проводам душ убитых морских зверей и окончанию охоты. Во время эскимосского праздника *Саяк* девушки и юноши поочередно исполняли песни своего рода по материнской или отцовской линии, а хозяин дома, устраивавший праздник, – песню в сопровождении бубна о предполагаемом удачном хозяйственном обмене, совершаемом на празднике. Идентичная тематика свойственна и другому празднику этого этноса – *Казива* с дополнением элемента театрализации: женщины с веслами, имитируя греблю, интонировали о предполагаемом удачном обмене под аккомпанемент бубна хозяина дома. Элемент театрализации присутствует и на эскимосском обрядовом празднике *Кымыктак*: под пение женщин и аккомпанемент бубна жена хозяина – устроителя праздника исполняла танец «Охота на кита» (по свидетельству ученых, пережиток матриархата у эскимосов наблюдается особо

¹ПМА, 1977, с. Богородское.

²ПМА, 1975, 1977, с. Булава, с. Богородское.

ощутимо). Колебательные и вращательные движения бедер, верхней части тела, традиционные для танцевальной культуры этносов Северо-Востока, культивировались и связывались с женской плодоносящей силой [Жорницкая, 1988; Карабанова, 1979].

Во время корякского праздника нерпы танцующие женщины использовали горловой прием звукоподражания нерпам, а охотники, кидая в костер палочки, количество которых равнялось числу убитых в сезоне нерп, речитировали: «Я тебя кладу в костер, ты счастливо отправляйся, не оглядывайся... Хорошо, благополучно отправляйтесь домой» [Гурвич, 1962: 241].

В календарной обрядности Нового года у тунгусо-маньчжуров (эвенков, негидальцев, нанайцев, ульчей) важную роль играло исполнение космогонических мифов о Космическом олене [Сем, 2015: 170–171]. А в промысловой обрядности некоторых родов нанайцев, например, Джаксор, особое значение имели легенды о ледоходе, которые исполнялись, сопровождаясь специальными церемониями и играми [Сем, 2018: 111].

Коллективные обрядовые праздники представляют собой структурированную систему, в которой значительное место занимают песенные, инструментальные и танцевальные элементы.

Инструментальные обрядовые наигрыши были связаны в основном с похоронной обрядностью: плачи интонировались на хордофонах и идиофонах. На юге региона в прошлом бытовал однострунный смычковый инструмент с тембром, напоминающим тембр альты. Роль резонатора в нем выполнял полый цилиндр (берестяной, деревянный, жестяной). У ульчей инструмент носил название *тэнгкэрэ*, *сирпакта*, у орочей – *дудуманку*, у нанайцев – *дуучеке*, у удэгейцев – *дзуланку*, у нивхов – *тынгрын*, у айнов – *тонкари*. Инструмент функционировал в основном как сольный, иногда использовался в качестве аккомпанемента, сопровождая пение или танец. Наигрыши на этом инструменте носили обычно меланхолический характер. Органология монохорда у народов юга региона

во многом идентична, что говорит об устойчивости традиций его изготовления. Ареал распространения подобного смычкового инструмента широк: его можно выявить у тувинцев, монголов, японцев, корейцев [Соломонова, 1994]. Большое распространение у народов юга Дальнего Востока получил инструментальный жанр «плач на варгане», а также звукоподражания, свадебные наигрыши, импровизации. Картина распространения варгана у народов тунгусо-маньчжурской группы следующая: у ульчей бытует две разновидности: дугообразный металлический *мухэлэ* и пластинчатый деревянный *кункаи*, у удэгейцев – дугообразный металлический и пластинчатый металлический – оба *кункаи*, у нанайцев – *муэнэ* (как правило, металлический), он был самым распространенным инструментом, игра на пластинчатом деревянном варгане у них сопровождалась речитируемыми фонемами «кон», так же, как и у ульчей, у которых такой жанр носил название *кункаи дипуву*¹. У палеоазиатов – нивхов Нижнего Амура и Сахалина был известен дугообразный металлический варган *канга*, у айнов – дугообразный из железа *кани мукку*, на которых интонировались плачи [Сарасина Гэндзо, 1970]. Эта традиция осталась устойчивой.

Результаты и научная новизна. Если этнографы, историки искусств, философы, культурологи обращались к теоретическому и историко-этнографическому осмыслению декоративного искусства, орнамента, обрядов, обычаев, ритуалов, национальных игр, танцев, то музыкальная культура в связи со сложностью ее восприятия, фиксации, научного транскрибирования находилась на периферии научного познания. Кроме того, представляется важным восполнить недостающее звено в плане анализа музыкально-звукового пространства регионально-цивилизационного комплекса². Учёный предлагает учитывать следующие аспекты: 1) существование в звуковом пространстве региона-цивилизации определённого количества поляризованных элементов, например, человеческого голоса и музыкального инструмента; 2) наличие культивированного звучания, унификация его до уровня

¹ПМА, 1975, 1977, с. Богородское, с. Булава.

²Михайлов Дж. Лекции «Музыкальные культуры мира» для слушателей курсов повышения квалификации Московской гос. консерватории им. П.И. Чайковского 1994–1995 уч. года. Рукопись.

типологической модели-имиджа; 3) параллельное функционирование в регионе сетей звуко-музыкальной общности, которые способствуют единению различных социокультурных институтов, форм музыкальной жизни; 4) сложение корпуса звуко-музыкальной рефлексии, включающего разные уровни музыкального творчества в целом. Мы считаем эффективным использование данных положений учёного при анализе материала, собранного в полевых условиях, а также его учёта при определении развития институциональных основ музыкальной жизни региона.

Обряды в жизни традиционного общества народов Дальнего Востока определяли семиотический статус национальной культуры, являлись структурообразующими элементами ритуалов календарного, промыслового, жизненного циклов.

В данном контексте обряд представляет интерес как историко-этнографическая субстанция, в которую органично входит музыкальная составляющая. Обрядовой музыке принадлежат наиболее древние образцы творчества народов региона.

Из всего многообразия системы обрядовой культуры мы обратились к песенным и инструментальным жанрам, связанным с культом близнецов, с обрядами водных и охотничьих промыслов [Скоринов, 2004; Березницкий, 2003], календарным обрядам, а также к обрядовым похоронным плачам.

В контексте вышесказанного особый смысл приобретает специальный рассказ о конкретных людях, благодаря которым многое удалось выявить, понять, уточнить в приведённых сведениях. Они помогли войти в глубину проблем, конкретизировать все сказанное. Думается, что любовь к ульчскому искусству без этих замечательных людей у автора не состоялась бы.

Исследователем танцевальной культуры своего народа был заслуженный работник культуры РСФСР П.Л. Дечули. От него была записана легенда о происхождении музыкального инструмента ульчей *тэнгкэрэ*, которую впоследствии в разных вариантах приходилось фиксировать в других селах края. Аналогичная легенда была записана Н.В. Кочешковым у монголов во время его исследования их декоративно-при-

кладного искусства. Следует отметить, что тюрко-монгольскому компоненту амурских народов большое место отводил С.В. Иванов [Иванов, 1963: 437]. На него указывал и М. Элиаде [Eliade, 1974: 495–496].

П.Л. Дечули обладал обширными знаниями в области теории танца, философии, поэзии, живописи. Он мог часами говорить об Айседоре Дункан, выдающемся теоретике театра и танца Гордоне Крэге, который одним из первых написал о разгадке тайны движения вообще и движения танца в частности. П.Л. Дечули в своём творчестве стремился соединить замечательную пластику танца прошлого и его современные черты. Он любил повторять слова А. Дункан: «Танец будущего – это танец далёкого прошлого»¹.

Ульчский танец вобрал в себя не только традиции этноса, но и самые глубинные слои этноментальности. В танцах, поставленных П.Л. Дечули, были использованы глубокие знания природы танца, которыми он как подлинный мастер полностью владел. Приведём описание двух танцев, поставленных им. Первый танец назывался «Коромысло не мужское дело». Это лирическая жизненная зарисовка. «В прошлом, – рассказывал Пётр Леонтьевич, – существовал обычай: только женщины носили воду. Но некоторые молодые мужчины пытались помочь своим возлюбленным, брали у них коромысла. Без привычки у них это получалось неуклюже и комично. Это делалось скрытно, незаметно для окружающих, иначе бы их высмеяли. Девушки с сожалением смотрели на неловкость парней и старались им помочь. Так получалось, что возлюбленные несли воду вместе. Им было весело и легко». Характеристика этой этнографической зарисовки легко и пластично вошла в канву танца. Он получился светлым и солнечным, жизненным и утверждающим добро и любовь.

Другой танец – «Пондо» – прославлял народных мастериц, умело выделявавших кожи рыб. В движении танца, в ритме был воспроизведен процесс работы мастериц. Танец сопровождает незатейливая, несколько кокетливая народная мелодия. Она словно выражает любование мастериц своей работой. Этот танец демонстрировал талантливость ульчей, их национальную

¹ПМА, 1977, с. Булава.

эстетику, любовь к узору, честное стремление познать красоту¹.

Можно приводить описание десятков работ, поставленных замечательным ульчским хореографом, но всё равно будет трудно передать настрой, духовную наполненность и образ мыслей, которые помогали ему выстроить систему танца. П.Л. Дечули был философом от природы, философское мышление всегда присутствовало в его самобытном творчестве.

Заслуженный работник культуры РСФСР П.В. Лонки – человек интересной и сложной судьбы. Во время войны он служил в стрелковом полку, прошёл учёбу в полевой школе младших командиров и участвовал в непродолжительной войне с Японией. После окончания культурно-просветительного училища он работал в с. Ухта заведующим клубом, где собирал песни, сказки, легенды, занимался с ульчскими мастерицами и отправлял их работы на различные выставки. Затем его перевели в районный центр, в с. Богородское, где он возглавил отдел культуры [Гонтмахер, 2003: 66].

П.В. Лонки был самобытным поэтом и прекрасным знатоком ульчской культуры. При его жизни вышли две книги его стихотворений. К печати были готовы собранные им ульчские легенды и сказки, но они так и не увидели свет. Его стихи были посвящены родине, природе, особому отношению к детям, к любимым. С большой поэтической глубиной он писал о видах хозяйственной деятельности ульчей: охоте, рыбной ловле, которые были для него частью ульчской культуры.

Приведем одно из стихотворений П.В. Лонки: «Отзовись, моя любовь»²

В синем небе тучки две
Утки две в голубой траве.
Только песня грустна моя –
Лишь один без любимой я!
Девушка, девушка, песню спой.
Девушка, девушка, знак подай.
Я готов пойти за тобой,
Только жаль мне родимый край
Если за морем ты – приди!
Улыбнись, если рядом ты.
Слышишь, сердце стучит в груди,

Видишь, руки тебя зовут.
Рыбаком стал отличным я,
Переспорил я сто ветров.
Только песня грустна моя...
Отзовись же,
моя любовь!

Его стихи легли в основу сборника ульчских песен, написанных композитором Н.Н. Менцером.

Очень активна и плодотворна была общественная деятельность Лонки. Он создал в с. Богородское замечательный этнографический музей, куда любили приезжать не только дальневосточники, но и иностранные туристы, тщательно собирал экспонаты для него, ездил по району с чтением лекций по различным проблемам культуры.

Представляет интерес тот факт, что он как исследователь занимался смеховой культурой ульчей, что даёт учёным-этнологам в настоящее время ключ к более углубленному пониманию духовного творчества этого народа [Гонтмахер, 2003: 76].

Нельзя не упомянуть и других замечательных информаторов и знатоков традиционной культуры ульчей – это М.С. Дуван, благодаря которому нам удалось выстроить систему шаманского пантеона [Соломонова, 2019: 72–76], замечательных носителей фольклора В.С. Бояусал, Д.С. Дяксул, З.А. Пластиной и др. Ценность их эстетических знаний неоспорима. Она является фундаментом современной художественной жизни.

Обсуждение и заключение. Как следует из вышеизложенного, «память обряда» (М. Бахтин) включает в свою структуру многополюсные элементы культуры коренных этносов региона. Весь полифонический набор этих элементов обретает в отдельных обрядах такую организацию, при которой весьма прозрачными становятся многие древние слои малонародной культуры, их этническая дифференциация. Многие обряды были непосредственно включены в основные события годового хозяйственного цикла оседлых и кочевых охотников и рыболовов и акционально были направлены на окружающие силы природы. В сложном культурно-историческом пласте традиционной культуры, каким являются обряды, прослеживается единый для всего дальневосточного региона риту-

¹ПМА, 1975, 1977, с. Богородское, с. Булава.

²ПМА, 1975, с. Булава.

альный комплекс, связанный с процессом вечного умирания / воскресания основных промысловых животных.

Роль художественной личности в истории развития культуры бесценна. Особенно если эта личность обладает многими талантами, какими были наделены замечательные знатоки художественной культуры ульчей П.Л. Дечули и П.В. Лонки. Автор данной статьи, воспитанная на ценностях европейской музыкальной культуры и глубоко вобравшая их в себя, не уверена, что прониклась бы такой любовью и уважением к народному искусству ульчей, если бы не встретила с этими интеллектуальными, интеллигентными, высококультурными людьми во время экспедиций по югу Дальнего Востока России.

Список литературы:

Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 486 с.

Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX - начало XX вв.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 117-171.

Гонтмахер П.Я. Нивхи: этнографические тетради. Хабаровск: ХГПУ, 1999. 416 с.

Гонтмахер П.Я. Ульчи. Человек. Время. Культура. Хабаровск: ХГПУ, 2003. 300 с.

Гурвич И.С. Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник. Вып. IV. М.: 1962. С. 238-287.

Жорницкая М.Я. Танцы народов Севера. М.: Советская Россия, 1988. 124 с.

Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX - начала XX вв.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л.: 1963. 442 с.

Карабанова С.Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1979. 141 с.

Сарасина Гэндзо. Айны: история и обычаи [Перевод Е. Власенко]. Токио, 1970. 185 с.

Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. СПб: филфак СПбГУ, 2015. 640 с.

Сем Ю.А. Историческая этнография нанайцев. Родовая организация и ее трансформация (по материалам XIX – начала XX вв.). СПб: Контракт, 2018. 308 с.

Скоринов С.Н. Мифология и обрядовая культура нивхов. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 2004. 416 с.

Соломонова Н.А. Музыкальный фольклор народностей Нижнего Амура и Сахалина. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 1994. 142 с.

Соломонова Н.А. Ульчский шаман в поиске украденной души // Шаманизм и традиционная архаичная культура. Сборник статей международной научно-практической конференции. СПб: Изд-во ЦАИ «Древо жизни», 2019. С. 72-76.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.

Eliade M. Shamanism: Archaic techniques of ecstasy. Princeton: Princeton University Press, 1974. 610 p.

Reference:

Bereznickij S.V. *Jetnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennyh narodov Amuro-Sahalinskogo regiona* [Ethnic components of beliefs and rituals of the indigenous peoples of the Amur and Sakhalin region]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2003. 486 p. (In Russian)

Gontmaher P.Ja. *Nivhi: jetnograficheskie tetrad* [Nivkhs: ethnographic notebooks]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 1999. 416 p. (In Russian)

Gontmaher P.Ja. *Ul'chi. Chelovek. Vremja. Kul'tura* [Ul'chi. Person. Time. Culture]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 2003. 300 p. (In Russian)

Gurvich I.S. Korjakskie promyslovye prazdniki [Koryak fishing holidays]. *Sibirskij jetnograficheskij sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Release IV. Moscow: 1962. Pp. 238-287. (In Russian)

Ivanov S.V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskij istochnik (po materialam XIX - nachala XX vv.)*. *Narody Severa i Dal'nego Vostoka* [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th – early 20th centuries). Peoples of the North and the Far East]. Moscow; Leningrad: 1963. 442 p. (In Russian)

Jeliade M. *Shamanizm: arhaicheskie tehniki jekstaza* [Shamanism: Archaic techniques of ecstasy]. Princeton: Princeton University Press, 1974. 610 p. (In English)

Karabanova S.F. *Tancy malyh narodov juga Dal'nego Vostoka SSSR kak istoriko-jetnograficheskij istochnik* [Dances of small ethnic peoples of the south of the Far East of the USSR as a historical and ethnographic source]. Moscow: Science Publ., 1979. 141 p. (In Russian)

Sarasina Gjendzo. *Ajny: istorija i obychai*. *Perevod E. Vlasenko* [Ainu: history and customs. Translated by E. Vlasenko]. Tokyo, 1970. 185 p. (In Russian)

Sem Ju.A. *Istoricheskaja jetnografija nanajcev. Rodovaja organizacija i ee transformacija (po materialam XIX – nachala XX vv.)* [Historical ethnography of the Nanai. Tribal organization and its transformation (based on materials from the 19th – early 20th centuries)]. Saint Petersburg: Contract Publ., 2018. 308 p. (In Russian)

Sem T.Ju. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i jetnokul'turnye svyazi): istoriko-jetnograficheskie ocherki* [World picture of the Tungus: pantheon (semantics of images and ethnic and cultural connections): historical and ethnographic essays]. Saint Petersburg: Faculty of Philology Saint Petersburg State University Publ., 2015. 640 p. (In Russian)

Shternberg L.Ja. *Giljaki, orochoi, gol'dy, negidal'cy, ajny* [Gilyaks, Orochi, Golds, Negidal, Ainu]. Khabarovsk: Far Eastern State Publ., 1933. 740 p. (In Russian)

Skorinov S.N. *Mifologija i obrjadovaja kul'tura nivhov* [Mythology and ritual culture of the Nivkhs]. Khabarovsk: Khabarovsk book Publ., 2004. 416 p. (In Russian)

Solomonova N.A. *Muzykal'nyj fol'klor narodnostej Nizhnego Amura i Sahalina* [Musical folklore of the peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 1994. 142 p. (In Russian)

Solomonova N.A. Ul'chskij shaman v poiske ukradennoj dushi [Ulchi shaman in search of the stolen soul]. *Shamanizm i tradicionnaja arhaichnaja kul'tura. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Shamanism and traditional archaic culture. Collection of articles of the international scientific and practical conference]. St. Petersburg: Center for Anthropological Research "Tree of Life" Publ., 2019. Pp. 72-76. (In Russian)

Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Chukchi religious cults]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (2-ja polovina XIX - nachalo XX vv.). Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (2nd half of the 19th – beginning of the 20th century). Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 33. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1977. Pp. 117-171. (In Russian)

Zhornickaja M.Ja. *Tancy narodov Severa* [Dances of the North peoples]. Moscow: Soviet Russia Publ., 1988. 124 p. (In Russian)

Zolotarev A.M. *Rodovoj stroj i religija ul'chej* [Tribal system and religion of Ulchi]. Khabarovsk: Far Eastern State Publ., 1939. 206 p. (In Russian)

N.A. Solomonova

Unforgettable Episodes of Field Expeditions

The article is devoted to the analysis of field materials collected in the region of the south of the Russian Far East, in the Ulchsky district of the Khabarovsk Territory. As a result of trips to the villagees Bogorodskoe and Bulava managed to collect and study a number of samples of the musical culture of the Ulchi ethnic group – song and instrumental genres as well as musical instruments.

The aim of the article is to characterize the features of the musical genres of the Tungus-Manchus and Paleoasians of the Far East, to show the role of the individual in the artistic work of these peoples. The research sources were the expeditions of 1975, 1977 which carried out by the author, P.Ya. Gontmakher and the music editorial office staffs of the Khabarovsk television studio. The work was carried out under the guidance of the leading scientist and ethnographer Yu.A. Sem as well as recordings of Ulchi folk songs made by composer N.N. Mentcer. The research methods are comparative and historical, system and typological, semantic.

As a result of the study were identified the common and special features in the musical genres of the Tungus-Manchus and Paleoasians of the Russian Far East region. The essence of the spiritual world of the individual in the aspect of artistic creativity is shown for the first time on the example of the activities of two remarkable representatives of the Ulchi culture P.V. Lonki and P.L. Dechuli. The scientific novelty of the article lies in the fact that for the first time musical genres are correlated with the rituals of the Tungus-Manchus and Paleoasians of the Far East, in addition, information about the creative personalities of the Ulchi is provided.

Keywords: ulchi, rituals, ritual recitations, song genres, instrumental genres, musical instruments, creativity

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ №1 (34)

Васильев Айсен Данилович – м.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; aysen_vasilev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4428-4856>.

Дырхеева Галина Александровна – д.ф.н., профессор, г.н.с. отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; an5dag1@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3477-6280>.

Жулева Альбина Сергеевна – к.п.н., с.н.с. отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; aszhuleva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7734-5187>.

Курилов Гаврил Николаевич – д.ф.н., г.н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; ladinakuril@mail.ru, kurilov.gavril@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0659-9240>.

Николаев Егор Револьевич – к.ф.н., м.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; 1953307@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3782-8402>.

Окладникова Елена Алексеевна – д.и.н., профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48; okladnikova-ea@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4720-9584>.

Рудницкая Елена Леонидовна – д.ф.н., в.н.с. отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12; erudnitskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4455-262X>.

Селютина Ираида Яковлевна – д.ф.н., профессор, г.н.с. Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия, г. Новосибирск, ул. Ак. Николаева, д. 8; siya_irina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>.

Сем Татьяна Юрьевна – к.и.н., в.н.с. Российского этнографического музея, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4 к. 1; semturem@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3306-3481>.

Сирин Анна Анатольевна – д.и.н., г.н.с. отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН, Россия, г. Москва, пр. Ленинский, д. 32-А; annas@iea.ras.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9268-9807>.

Соломонова Наталья Алексеевна – д.иск., к.и.н., профессор кафедры звукорежиссуры Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15; n.solomonova2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4720-9584>.

Тюнтешева Елена Валерьевна – к.ф.н., с.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; tyunteshvae@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>.

Ушницкая Наталья Юрьевна – к.ф.н., н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; maltak84@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8126-0573>.

Шагдурова Ольга Юрьевна – к.ф.н., с.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; kokoshnikova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>.

Ягловский Алексей Сергеевич – м.н.с. Музея арктической археологии им. С.А. Федосеевой Арктического научно-исследовательского центра АН РС (Я), Россия, г. Якутск, ул. Курашова, д. 22; yaglovskiy2020@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2309-6020>.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vasiliev Aisen Danilovich – Junior Researcher of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; aysen_vasilev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4428-4856>.

Dyrheeva Galina Aleksandrovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Linguistics of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Russia, Ulan-Ude, 6 Sakhyanova St.; an5dag1@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3477-6280>.

Zhuleva Albina Sergeevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Chief Researcher of the Department of Literatures of Russia's Ethnicities and the CIS Countries of A.M. Gorky Institute of World Literature of RAS, Russia, Moscow, 25a Povarskaya St.; aszhuleva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7734-5187>.

Kurilov Gavril Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; ladinakuril@mail.ru; kurilov.gavril@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0659-9240>.

Nikolaev Egor Revolievich – Doctor of Philological Sciences, Junior Researcher of the Yakut Language Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; 1953307@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3782-8402>.

Okladnikova Elena Alekseevna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Russia, St. Petersburg, 48 Moika Embankment St.; okladnikova-ea@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4720-9584>.

Rudnitskaya Elena Leonidovna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Languages of the Peoples of Asia and Africa of the Institute of Oriental Studies RAS, Russia, Moscow, 12 Rozhdestvenka St.; erudnitskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4455-262X>.

Selyutina Iraida Yakovlevna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Experimental Phonetic Research named after V.M. Nadelyaeva, the Sector of the Languages of the Peoples of Siberia of the Institute of Philology SB RAS, Russia, Novosibirsk, 8 Nikolaeva St.; siya_irina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>.

Sem Tatyana Iurievna – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher Russian Ethnographic Museum, Russia, St. Petersburg, 4/1 Inzhenernaya St.; semturem@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3306-3481>.

Sirina Anna Anatolyevna – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of the North and Siberia of the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Russia, Moscow, 32-A Leninski pr.; annas@iea.ras.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9268-9807>.

Solomonova Natalya Alekseevna – Doctor of Arts, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Sound Engineering Department of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Russia, St. Petersburg, 15 Fuchika St.; n.solomonova2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4720-9584>.

Tyuntseva Elena Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Sector of the Languages of the Peoples of Siberia of the Institute of Philology SB RAS, Russia, Novosibirsk, 8 Nikolaeva St.; tyuntsevae@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>.

Ushnitskaya Natalya Iurievna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; maltak84@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8126-0573>.

Shagdurova Olga Iurievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Sector of the Languages of the Peoples of Siberia of the Institute of Philology SB RAS, Russia, Novosibirsk, 8 Nikolaeva St.; kokoshnikova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>.

Yaglovsky Alexey Sergeevich – Junior Researcher of the Museum of Arctic Archeology named after S.A. Fedoseeva of the Arctic Research Center of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Russia, Yakutsk, 22 Kurashova St.; yaglovskiy2020@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2309-6020>.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ

В журнале «Северо-Восточный гуманитарный вестник» публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе работы компаративного характера. Помимо научных статей, в журнале публикуются рецензии на научные издания, вышедшие за последние 5 лет и имеющие отношение к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на русском или английском языках.

Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются. Передавая редакции журнала рукопись статьи или рецензии, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст на интернет-ресурсах, пока не будет принято решение о его публикации в «Северо-Восточном гуманитарном вестнике», и в случае положительного решения воздержаться от его размещения в сети Интернет до выхода журнала в свет.

Объем рукописи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять для статей – 12–24 страницы (20000–40000 знаков), для рецензий – 12 страниц (20000 знаков). Рукописи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Рукописи должны быть автором хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Формат рукописи: А4, интервал 1,5, шрифт Times New Roman, размер 14, поля: сверху, снизу и слева – 2,0 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются. Допустимый формат файла – .doc / .docx.

Содержание рукописи необходимо оформить следующим образом:

1. Код **УДК** (код УДК, соответствующий тематике статьи или рецензии, можно найти по адресу: <https://nlrs.ru/to-professionals/Catalogue/udk/index.shtml>).

2. **DOI** (присваивается редакцией).

3. **Заголовок статьи или рецензии (Title)** должен кратко (максимальная длина заглавия составляет 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи или рецензии, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Благодарность или признательность размещается в виде постраничной сноски к названию статьи, отмеченной символом (*).

4. **Аннотация (Abstract)** статьи или рецензии на русском и английском языках (не менее 150 слов). Аннотация не должна содержать ссылки на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать в первую очередь главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи или рецензии, т. е. быть краткой, но содержательной.

Условная структура аннотации: Научная новизна (Novelty of the research); Цель и задачи (Goal and objective); Методы исследования (Research Methods); Результаты (Results).

5. **Ключевые слова (Key words)** служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей или рецензий в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тему, объект и предмет исследования. Количество ключевых слов – от 5 до 10.

6. **Текст статьи должен соответствовать следующей структуре:**

1. **Введение (Introduction).** Представляет собой вступительную часть, в которой идет речь об общей теме исследования, дается постановка проблемы, описываются цель и задачи планируемой работы, теоретическая и практическая значимость, а также наиболее известные и авторитетные публикации по изучаемой теме.

II. Материалы и методы (Materials and Methods). Приводятся ссылки на соответствующие фактологические источники. Описываются методы и приемы, при помощи которых проводится изучение обсуждаемой проблемы.

III. Результаты (Results). В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективность. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

IV. Обсуждение (Discussion). Раздел, содержащий полемику по теме исследования.

V. Заключение (Conclusion(s)). Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала следует оформлять фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость.

Внутритекстовые ссылки на опубликованные работы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например: [Ефремов, 2010: 47] или [Ефремов, 2004: 47–48].

Неопубликованные источники: документы, архивные материалы, рукописи – нужно указывать постраничными сносками внизу страницы: ¹Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 12. Оп. 2. Д. 134. Л. 1–2об. При повторном упоминании архива приводится его сокращенное название: ²НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 2. Д. 135. Л. 3–4.

7. К статье прилагается два списка литературы в алфавитном порядке, включающие в себя только работы, использованные при подготовке статьи, отмеченные в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник».

Первый список литературы – на русском языке.

Второй список литературы – References – идет отдельным блоком и повторяет список литературы на русском языке, независимо от того, есть в нем иностранные источники или нет. Название публикации в ссылках должно быть транслитерировано (написано латинскими буквами) и дублировано на английский язык в квадратных скобках [...]. При транслитерации нужно воспользоваться ссылкой <https://www.translit.ru> (с вариантом BGN). Необходимо указать в скобках язык оригинала статьи, на котором написан полный текст публикации. Например,

в списке литературы: Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX - начало XX вв.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 117-171.

в References: Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Chukchi religious cults]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (2-ja polovina XIX - nachalo XX vv.). Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (2nd half of the 19th – beginning of the 20th century). Collection of the Peter the

Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 33. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1977. Pp. 117-171. (In Russian)

Список использованных источников и литературы должен содержать не менее 15 наименований. Приветствуются ссылки на труды зарубежных ученых по теме исследования, а также на научные работы, опубликованные в течение последних 5 лет.

Важно правильно оформить ссылку на источник: следует указать фамилию(и) автора(ов), журнал, год издания, том (выпуск), номер, страницы, у электронных источников – адрес доступа в сети Интернет.

Для книг: указывается место издания, название издательства, год издания и общее количество страниц.

Для статей: название журнала, год издания, том, выпуск (или номер), страницы начала и конца статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения. Например,

Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. Nature. 2019. Vol. 570 (7760). URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z> (дата обращения: 02.12.2020).

При ссылках на личные ПМА отдельно уточняется конкретная экспедиция, при этом в скобках все информанты, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Если по условиям проведения исследований требуется соблюдать анонимность, то имена информантов могут сокращаться до инициалов или опускаться в соответствии с конкретными требованиями, которые налагаются на автора в рамках его проекта.

Все словари, на которые даются ссылки в тексте статьи, оформляются отдельным списком после литературы на русском языке, а также идут в общем списке References.

8. Полные сведения об авторе (авторах) (About the author): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать основное место работы автора, в котором выполнялось исследование (постоянное место, место выполнения проекта и др.), должность, ученая степень и ученое звание, e-mail, номер мобильного телефона (необходим для связи с редакцией, не публикуется в журнале), ORCID ID.

Сведения об авторе (авторах) необходимо продублировать также на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения.

В процессе подготовки и отправки статьи или рецензии в редакцию необходимо соблюдать этические нормы соавторства, разработанные COPE (Committee on Publication Ethics).

Статьи и рецензии, поступающие в редакцию, проходят проверку на уникальность (допускается оправданное целями написания статьи или рецензии наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 10% от общего объема рукописи; оригинальность текста должна быть не менее 80%), **рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати в порядке очереди.**

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции:

svgv2010@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 15.03.2021. Дата выхода в свет 26.03.2021.

Формат 60х90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л. 17,5. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 8 (4112) 35–68–69

Индекс П2454